

Narodna in univerzitetna knjižnica
v Ljubljani

111290

АМФИТЕАТРОВЪ

СТЪНА ПЛАЧА

и СТЪНА

НЕРУШИМАЯ

БЪЛГРАДЪ

Издание Библиотеки „Нового Времени“

1930

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ

Въ версткѣ:

Стр. 46. Постъ 5-й строки сверху должны стоять 11-я и 12-я. Такъ:

„принесшими съ собой изъ Курдистана свою прежнюю воинственность — плохо пришлось поэтому нападающимъ: одному арабу“, — и т. д.

Стр. 65—80:

На мѣстѣ стр. 67 должна быть 79.

Слѣдуютъ 68—78

На мѣстѣ 79 должна быть 67.

А послѣ 67—80.

Главн. опечатки:

стр. 37 строка 7 снизу

напеч. государственые надо государственные

стр. строка 12 снизу

напеч. религіозвой надо религіозной

стр. 54 строка 16 снизу

напеч. костатирующія надо констатирующія

стр. 60 строка 7 сверху

напеч. какъ бы ни фантастичны они были

надо какъ бы фантастичны они ни были

стр. 82 строка 6 снизу

напеч. рус. Заруб. надо русскаго Зарубежья

стр. 83 строка 13 снизу

напеч. эпособомъ переходомъ

надо способомъ: переходомъ

стр. 88 строка 6 снизу

напеч. ие надо не

стр. 90 строка 3 сверху

напеч. полпредствомъ надо полпредствамъ

стр. 93 строка 3 снизу

напеч. сороковыхъ надо сороковъ

стр. 98 строка 17 снизу

напеч. Извѣстная надо Извѣстна

стр. 107 строка 16 снизу

напеч. добродѣтельны надо добродѣтельные

стр. 108 строка 1 снизу

напечатано борьбы изнашивается

надо борьбы: изнашивается

стр. 124 строка 13 сверху

напеч. поддерживаемые надо поддерживаемые

стр. 129 строка 4 сверху

напеч. капиталамъ надо капиталомъ

стр. 134 строка 15 снизу

напеч. вондушевившемъ надо воодушевившемъ

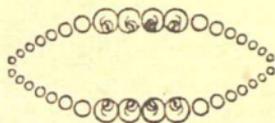
- стр. 141 строка 3 снизу
напеч. ито новаго надо что новаго
- стр. 141 строка 1 снизу
напеч. НЧего надо Ничего
- стр. 142 строка 1 сверху напеч. іен надо ніе
- стр. 143 строка 1 сверху
напеч. а Дздравствуєть надо Да здравствуєть
- стр. 145 строка 5 сверху
напеч. взмшихъ надо вземшихъ
- стр. 145 строка 4 сверху
напеч. Въ намѣченномъ надо Въ намѣченномъ
- стр. 149 строка 13 снизу напеч. зю надо за
- стр. 149 строка 12 снизу
напеч. тиранні надо тираннію
- стр. 149 строка 11 снизу напеч. о надо — и
 10 , пр. , про
- стр. 156 строка 15 сверху
напеч. гоняющихъ надо гонящихъ
- стр. 68 строка 6 снизу нап. бебожіє надо безбожіє
- стр. 72 строка 7 снизу напеч. forcє надо force
- стр. 79 строка 9 , нап. Вольдгинъ надо Вольдгангъ

А. АМФИТЕАТРОВЪ

„СТѢНА ПЛАЧА“

И

„СТѢНА НЕРУШИМАЯ“

БЪЛГРАДЪ

Издание Библиотеки „Новаго Времени“

1929

111290

I.

Отчего мы такая дрянь?

Однихъ вопросъ мой оскербитъ, и обругаютъ меня. Другіе презрительно фыркнутъ:

— Говорите за себя, а мы не дрянь. Даже совершенно напротивъ!

Согласенъ „говорить за себя“, но, извините, упорствую въ намѣреніи говорить и за васъ. Потому что всѣ мы, — за столь малыми исключениями, что ихъ надо искать съ Діогеновымъ фонаремъ, — всѣ мы дрянь. И я, въ томъ сознающійся, и вы, то отрицающіе.

Мучительное сознание дрянности растетъ во мнѣ вотъ уже семь лѣтъ, ибо вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я въ эмиграціи. Первый годъ ея — въ Финляндіи, Берлинѣ, Прагѣ, въ Италіи, кипѣвшей молодымъ фашизмомъ, еще не обузившимъ себя въ рамки „святого національнаго эгоизма“, — я прожилъ не только безъ сознанія нашей дрянности, но искреннѣйше и пылко „въ надеждѣ славы и добра глядѣлъ впередъ безъ боязни“. По пальцамъ могу пересчитать угрюмые этапы, влачась по которымъ тощала

и измождалась эта „надежда, сладкая посланница небесъ“.

Генуэзская конференція. Измѣна Савинкова. Проваль Зарубежнаго Съѣзда. Смерть Арцыбашева. Церковная „лойальность“ митрополита Сергія и его зарубезныхъ живыхъ зеркаль. Безотпорная травля „соглашателями“ арміи, а затѣмъ и дѣятельныхъ силъ противъ большевицкой борьбы. Безнаказанность открывавшихся безчисленно провокаторовъ. Кончина П. Н. Врангеля. Медленное, но безостановочное угасаніе эмигрантской политической печати и перерожденіе ея въ бѣженско-обывательскую (символическою датою можно принять уходъ П. Б. Струве изъ „Возрожденія“). Кончина В. Кн. Николая Николаевича...

Это — этапы крушенія надеждъ зарубезно активнаго порядка. Если же начну перечислять пассивныя крушенія, приносимыя самовластіемъ большевикоеъ внутри Россіи, то — кончу ли когда-нибудь? Безконечно великъ и тяжеловѣсенъ нашъ пассивъ, малъ и легковѣсенъ активъ. И — увы! — мы его не только не увеличиваемъ и не дѣлаемъ болѣе вѣскимъ, но еще стараемся ослаблять и тормозить на ходу, въ то время, какъ пассивъ растетъ горой и летитъ на всѣхъ парахъ. Лѣнныя и малозаботныя мы активисты. А, что еще того хуже, и

въ томъ-то активизмѣ, который проявляемъ, ужъ очень самоутѣшители и льстецы самихъ себя. „Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“ и ужъ такъ то мы любимъ гладить себя по головкѣ!

Понятно, естественно, даже необходимо: оптимизмъ самосохраненія. Жизнь эмиграціи такъ унижительно придавлена борьбою за существованіе, что, если погаснетъ въ ней мечта самостоятельности, то — гвоздикъ въ стѣнку и намыленная веревочка на шейку, либо хлопъ въ високъ изъ револьвера, покуда не проданъ и не заложенъ. Но это процессъ невкусный. „Сладкая привычка къ жизни“ манитъ насъ воображать ее очень нужною для себя и не спѣшить переходомъ отъ здѣшняго бытія (хотя бы въ формахъ жалкаго прозябанія) въ невѣдомую потусторонность. Но, такъ какъ мы выучены стыдиться эгоизма и трусости, то, въ извиненіе своего застрѣванія въ прозябаніи, убѣждаемъ себя въ своей нужности для цѣлей возвышенныхъ и важныхъ. И, такъ какъ мы политическіе эмигранты, то, конечно, прежде всего, патріотическихъ.

Три милліона русскихъ защищаются отъ опасныхъ самоотчетовъ и прозрѣнья внутрь себя святыми лозунгами спасенія и возрожденія Отечества, поработеннаго, унижен-

наго, страдающаго. Лозунги эти неустанно плаваютъ въ воздухѣ, но рѣдко опускаются на землю. А, когда опускаются, то въ такомъ жалкомъ, сморщенномъ, бесплодномъ состояніи, что доставляютъ гораздо больше, чѣмъ удовлетворенія патріотамъ, радости ихъ врагамъ — сознательнымъ, полусознательнымъ и бессознательнымъ союзникамъ и сочувственникамъ торжествующаго большевизма:

— Убѣдитесь же, молъ, что ваши патріотическіе лозунги вздоръ, способный породить только пшики. А потому сидите и не рипайтесь, Живите, какъ прилично добрымъ бѣженцамъ, тяня обывательскую лямку: ходите въ кинематографъ, слушайте радіо, читайте въ своихъ превосходныхъ русскихъ газетахъ англійскіе уголовные романы съ ужасными приключеніями лукавыхъ преступниковъ и еще лукавѣйшихъ сыщиковъ, играйте въ крестословицы, слоговицы и т. п., упражняйтесь (для серьезности) въ „пушкиніанствѣ“ (напр., анализируя глубины „Монаха“). Пожалуй, если ужъ очень обдержитъ васъ гражданскій пылъ, можете отводить душу, слегка поругивая большевиковъ: на то и въ газетахъ имѣется уголь передовиць, а въ быту — банкеты, юбилеи, всевозможныя торжества благотворительности и пр... Мало ли гдѣ эмигрантъ можетъ удовлетво-

рить насущной потребности почесать крамольный языкъ!.. Однако, не очень, а то Павелъ Николаевичъ забранять и причислять васъ къ ненавистникамъ и лубочно непримиримымъ!

Искренне скажу: эгоистически я былъ бы очень радъ, если бы ктонибудь умный (только настояще умный, а не изъ тѣхъ, о коихъ дѣдушка Крыловъ говаривалъ: „онъ то умень, да бѣда: умъ у него дуракъ“) обстоятельно доказалъ мнѣ, что лозунги патріотическаго атавизма, приносящіе намъ толикое томленіе духа, суть, въ самомъ дѣлѣ, шишки.

Подумать только: вытряхнувъ ихъ изъ ума и памяти, какъ легко и вольно заживется!

Выпустилъ патріотическій паръ изъ клапана, — и, — о чудо! о, радость! — сталъ пустой. Никакой чувствительности къ пассивамъ, никакихъ самосбязательствъ по активамъ! Значить, плюй на все и береги свое здоровье, успокоивъ мятежную душу на остатокъ дней... ну, хоть въ лонѣ святого искусства!

Кстати, это успокоеніе, вѣдь тоже патріотично. Вотъ „чему посмѣешься, тому и послужишь“. Острили когда то надъ А. Н. Куропаткинымъ, что:

— Ялошки его пушками, а онъ ихъ иконами! Они его шимозами, а онъ ихъ молебнами.

А между тѣмъ сколько въ этомъ методѣ духовнаго противодѣйствія матеріально враждебнымъ силамъ вѣчной, истинно русской глубины! Не въ томъ же ли родѣ воинствуемъ и мы теперь, и даже не прибѣгая къ аргументамъ отъ божественнаго, на которые уповаль покойный Алексѣй Николаевичъ?

Большевики насъ тамъ Чекою и ГПУ, а мы ихъ отсюда оперой! Они тамъ разстрѣлами, а мы здѣсь балетомъ! Они Соловками, а мы стихами 666 ти зарубежныхъ лирическихъ поэтовъ! Они мобилизовать красную армію, а мы — служить по фильмамъ! У нихъ конница Буденнаго, а у насъ казачьи хоры!

Противится счастливому освобожденію отъ патриотическаго духа одно соображеніе:

Свершивъ эту операцію благополучія, подойдешь затѣмъ къ зеркалу, да, вдругъ, и того... съ аппетитомъ плюнешь въ свое собственное отраженіе?!

Съ вполне законнымъ негодованіемъ:

— Я, моль, кажется, человекъ порядочный — хоть куда. Зачѣмъ же изъ этого паршиваго стекла на меня подлець смотреть?!

2.

Сознаніе дрянности тяжело всегда, но на этапахъ нашихъ активныхъ

крушеній оно обостряется до нестерпимаго удушья.

Есть ли что унижительное для человѣческаго достоинства, какъ „лѣзть, но не мочь“ (выраженіе покойнаго Арцыбашева), сознавая, однако, что лѣзть необходимо, и, если ты не хочешь низвести самоотчетъ бытія своего къ переплывванію съ зеркаломъ, то обязанъ лѣзть, или хоть дѣлать видъ, будто лѣзешь? А таково хроническое состояніе нашего „выжидательнаго активизма“.

Что такое нынѣшній русскій эмигрантъ-активистъ? Это добродушный словесникъ, который намѣренъ приносить отечеству пользу тѣмъ, что не приноситъ вреда. И, если намѣреніе исполняетъ, то уже увѣренъ самодовольно, что принесъ огромную. Мыслить онъ, давай ему Богъ за то здоровья, честно, патриотически. Говорить, писать, печатаетъ честно, убѣдительно, краснорѣчиво, съ паѳосомъ... повара крыловской басни. „А Васька слушаетъ да ѣстъ“!... Когда же повара эмигрантскаго активизма вспоминаютъ, что дѣдушка Крыловъ со вѣ то в а л ь „словъ не тратитъ по пустому, гдѣ надо силъ употребить“, они „лѣзутъ, но не могутъ“. Ибо со всѣхъ сторонъ обступаютъ ихъ страхи Тасова зачарованнаго лѣса, и въ уши грохочутъ, какъ сто громкоговорителей, ужасныя слова:

— Безотвѣтственное выступленіе!

И перепуганный активистъ поспѣшно прячетъ свое дерзновеніе въ карманъ, смущенно разсуждая: — Въ самомъ дѣлѣ, дернуло же меня?! Съ чего сунулся?! Сказано: „сидѣть и ждать отвѣтственныхъ выступленій!“ — ну, и сиди и жди! Ждалъ семь лѣтъ, подождешь и еще семь: на хотѣнье есть терпѣнье. А, тѣмъ временемъ, буду благородно мыслить, говорить, писать и печатать, принося пользу тѣмъ, что не приношу вреда.

И успокаивается, съ единственнымъ червячкомъ сомнѣнія въ глубинѣ сердца:

— Выступленій много. Когда наступитъ моментъ отвѣтственнаго, какъ я узнаю, что оно отвѣтственное? Вывѣска, что ли, будетъ прибита или паспортъ оно предъявитъ? Кто мнѣ подскажетъ? Петръ Бернгардовичъ Струве? Павелъ Николаевичъ Милюковъ? „Императоръ“ Кириллъ? Азь и Фертъ Керенскій? Профессоръ Ильинъ? Шульгинъ? Викторъ Черновъ?.. Увы, каждому изъ нихъ мнится отвѣтственнымъ только то, что рекомендуетъ онъ, и злокачественно безотвѣтственнымъ все, что совѣтують другіе!..

И, если таковы наши свѣтскіе руководители, то духовные еще загадочнѣе. Прибѣгнувъ, скажемъ, къ митрополиту Евлогію, — что услышимъ? Предику о „лойяльномъ“ благоповеденіи. А что за штука сіе

лойяльное благоповеденіе, лучше уясняется жестомъ, чѣмъ словами. Пусть вашъ указательный палецъ будетъ большевикъ, пусть вашъ средній палецъ будетъ непримири-мый эмигрантъ-активистъ. Просуньте между ними большой палецъ: это и будетъ эмигрантъ лойяльнаго благоповеденія.

Повара ораторствуютъ устно и письменно, а Васька слушаетъ да ѣстъ. И, увы, это не тотъ мирный, хотя и блудливый, котъ Васька-плуть, котъ Васька воръ, которому для удовлетворенія аппетита достаточно было сожрать курченка за усуснымъ боченкомъ. Нынѣшній Васька — свирѣпый Сфинксъ, гораздо злѣйшій того, что пожиралъ путниковъ на дорогѣ въ древнія Фивы. Нашъ злодѣй Сфинксъ залегъ на распутьѣ всѣхъ русскихъ историческихъ дорогъ и уничтожаетъ все, что по нимъ двигалось, движется и будетъ двигаться — умерщвляетъ живое, оскверняетъ бывшее, отравляетъ ростки будущаго. Притомъ, эллинскій Сфинксъ былъ, все-таки, честный: какъ только побѣдилъ его Эдипъ въ словопреніи, онъ и сдался. Нашему же дьяволу-Сфинксу на словопренія наплевать съ высокаго дуба, — боится онъ только, какъ змій-летавецъ древнерусскаго сказанія, „Агрикова меча и Петрова плеча“. Эдипы же наши, какъ разъ, меча-то при бедрѣ и не носятъ. Од-

ни вовсе имъ не владѣють, и не имѣють такой острой штуки въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ (еще, не равенъ часъ, уколешься или — жрѣжешься!), другіе, владѣя, оставляють свой мечъ праздно висѣть на стѣнѣ, дабы...

Дабы не быть обвиненными въ „безотвѣтственномъ выступленіи“. Ибо этотъ страхъ для современныхъ Эдиповъ русской эмиграціи, неисповѣдимымъ оборотомъ ея судебъ, сдѣлался гораздо болѣе жуткимъ, чѣмъ встрѣча лицомъ къ лицу съ самимъ Сфинксомъ. Что касается Сфинкса, — разсуждаетъ Эдипъ, владѣющій мечомъ, — то Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Еще посмотримъ, кто кого. Ну, а свои вотъ... Гмъ... Свои предадутъ, какъ пить дадутъ, и нагло таюся я, за свои раны, лютой брани и всякой злобной дряни. Да еще, — и тому примѣры бывали! — не обвинили бы, съ больной головы на здоровую, въ провокаціи!

Запуганное „безотвѣтственное выступленіе“ ушло отъ глазъ міра, спряталось въ подполье и, выглядывая изъ него однимъ глазкомъ, дѣлаетъ, что можетъ, — очень мало можетъ! А, такъ какъ „отвѣтственные выступленія“ ждутъ своего момента, предпочитая статическое „ждать и не дожидаться“ риску динамическаго „имѣть и потерять“, то никакихъ выступленій нѣтъ вовсе...

Нѣту актива. Активъ собаки съѣли. А пассивъ катить на насъ изъ СССР, все пуще и пуще дуясь чудищемъ облымъ, озорнымъ, стоглавнымъ, стозѣвнымъ и лающимъ. И раздулся уже до того, что, какъ ни въ чемъ не бываль, слопаль-проглотилъ главную московскую святыню, вѣковую часовню Иверской Божьей Матери, излюбленное молитвенное приѣжище сердца Россіи!

И мы о семъ изъ газетъ узнали и .. „приняли къ свѣдѣнію“. И сами въ газетахъ справедливо написали, что это нехорошо, и даже въ иныхъ съ рѣзкостью, что большевики еще разъ (въ которъй?) явили себя совершеннѣйшими негодьями. Правильно.

А дальше?

Да что же дальше? Ничего дальше... Впрочемъ, если это васъ, все-таки, нѣсколько волнуетъ, то успокойтесь: безнаказанными не останутся! Вотъ ужъ мы ихъ... шахматами! Либо Анна Павлова протанцуетъ, къ сраму ихъ, что нибудь такое особенно геніальное, отъ чего товарищу Луначарскому, если въ немъ еще уцѣлѣла хоть капелька стыда (допущеніе мало вѣроятное), надо будетъ провалиться сквозь землю. А если и то не поможетъ, — „иль мало насъ?! — выставимъ на боевую линію Никиту Баліева. Ужъ этотъ-то большевикамъ пропишетъ,

— покажетъ имъ, сукинымъ дѣтямъ...

„Летучую Мышь“!

Господи, какая мы дрянь!

Братья эмигранты, люди хорошіе, господа почтенные! Отчего же, — ну, скажите, — отчего же мы такая дрянь?!

3.

Почти одновременно произошли два событія.

Арабы въ Иерусалимѣ продырявили священную для евреевъ Стѣну Плача и запретили евреямъ, входящимъ къ ней для молитвы, ставить какую то перегородку, требуемую по ритуалу.

Большевики въ Москвѣ разрушили часовню Иверской Божіей Матери, священную для всего русскаго народа.

Оба безобразія объясняются, въ извиненіе, приблизительно одинаковыми побужденіями.

Дыра въ Стѣнѣ Плача продолблена „для удобства публики“: чтобы дать болѣе свободный проходъ мусульманскимъ паломникамъ, притекающимъ въ мечеть Омара. Часовня разрушена тоже „для удобства публики“: чтобы расширить Воскресенскія Ворота, къ которымъ она была пристроена, для возросшаго, якобы, до несмѣтности уличнаго движенія между Красною и Воскресенскою площадями.

Въ несмѣтность движенія, пожалуй, можно вѣрить. Населеніе Москвы сейчасъ доросло до двухъ милліоновъ (чуть ли не переросло?), а объ площади — ключевыя.

Красная — къ Кремлю, Никольской, Ильинкѣ, Варваркѣ, къ Замоскворѣчью. Воскресенская — къ Охотному ряду, Моховой съ Университетомъ, Тверской, Газетному переулку, Петровкѣ, Кузнецкому мосту, Театральной Площади.

Тѣсноваты были Воскресенскія ворота и 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ, да, вѣроятно, не было въ нихъ простора уже и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда Иверская икона Божіей Матери избрала сіе мѣсто для своего пребыванія. И по Ней самыя ворота стали слыть больше Иверскими, чѣмъ Воскресенскими: „Вались, народъ, отъ Иверскихъ воротъ“!

Тѣснота Воскресенскихъ Воротъ не разъ смущала и прежнія градоправительства, принимались противъ нея и раньше мѣры. Но всѣ онѣ, — всегда, безъ исключеній, — клонились не къ ущербу чести святого мѣста, но къ устраненію отъ него неприятныхъ сосѣдствъ, которыми обуславливалось накопленіе вокругъ него „толкучки“ совсѣмъ не религіознаго настроенія. Если хорошо знаете комедіи Островскаго, то вспомните, какъ часто и многозначительно звучитъ въ нихъ имя это-

го московскаго урочища — Воскресенскихъ Воротъ.

Въ „Правда — хорошо, а счастье лучше“;

Зыбкина. Да, вѣдь, посадятъ сына то.

Грозновъ. Куда?

Зыбкина. Въ Яму, къ Воскресенскимъ Воротамъ.

Тамъ же:

Барaboшевъ. Завтра же представъ вексель, получи исполнительный листъ и опусти его въ Яму... Господинъ Зыбкинъ, до свиданія у Воскресенскихъ Воротъ!

Въ „Послѣдней Жершвѣ“:

Фроль Федулычъ. Одиць Монте-Кристо на дняхъ переѣзжаетъ въ яму съ; такъ, можетъ быть, и другому Монте-Кристо угодно будетъ сдѣлать ему компанію?

Въ „Бѣшеныхъ Деньгахъ“:

Теляшевъ. Должно быть, завтра свезутъ меня къ Воскресенскимъ Воротамъ.

Лидія. Какъ къ Воскресенскимъ Воротамъ?

Теляшевъ. Такъ, приведутъ съ квартальнымъ и опустятъ.

А полную топографію пресловутой „Ямы“ съ окрестностями живописалъ Самсонъ Силычъ Большовъ въ трагическомъ монологѣ:

— „Ужъ ты скажи, дочка: ступай, можь, ты, старый чертъ, въ яму... А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму то итти. Что-жъ мнѣ зажму-

риться что ли? Мнѣ Ильинка то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ то итти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть то на Нее, на Матушку?.. А тамъ присутственныя мѣста, уголовная палата"... („Свои люди, сочтемся“).

Пресловутой „Ямы“ я въ московскомъ дѣтствѣ моемъ уже не застала, но она была еще очень свѣжимъ преданіемъ, окруженная великимъ множествомъ легендъ и анекдотовъ объ именитыхъ ея узникахъ. Равно какъ живъ былъ въ памяти москвичей обычай выкупать къ празднику Пасхи Христовой котораго либо изъ содержимыхъ въ Ямѣ, несостоятельныхъ должниковъ, весьма распространенный и любимый въ старинномъ купечествѣ. Островскій упоминаетъ о немъ въ „Правдѣ — хорошо“, а комедійка „Женить изъ долгового отдѣленія“ держалась на сценѣ еще и въ 80-хъ годахъ.

Кормившихся вокругъ Ямы кляузниковъ, Сахаровъ Сахаровичей Ризположенскихъ и Харлампіевъ Гаврилычей Мудровыхъ, я видѣлъ еще значительное количество. Они, по старой памяти, продолжали слыть „иверскими аблакатами“, но рынка ихъ у Иверскихъ воротъ уже не

было. Курьезное сословіе уличныхъ ходатаевъ, зачавшееся въ подъячихъ, выросшее въ приказныхъ, старчески дожившее до адвокатуры, вымирало. Съ нимъ угасала и кличка.

Освобожденіе Иверской часовни отъ сосѣдства съ пережитками, — въ людяхъ ли, въ зданіяхъ ли, — той юридической старины, когда Россія была, по энергическому стиху Хомякова, „въ судахъ черна неправдой черной“, послужило къ новому подъятію звторитета святыни, и безъ того „вышему небесъ“. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, славянофилъ Иванъ Кирѣевскій, въ отвѣтъ на какое то вольтеріанское замѣчаніе молодого А. И. Герцена объ Иверской иконѣ, возразилъ, что въ ея часовнѣ можетъ молиться благоговѣйно даже и не вѣрующій: ужъ очень много въ семъ святомъ мѣстѣ наплакано слезъ моленія скорбями русскаго народа и слезъ благодарности его радостями. Такъ что не только икона, нредъ коей онѣ изливались, но стѣны, воздухъ, каждая вещь, здѣсь напитаны флюидами самыхъ возвышенныхъ и благодатныхъ мыслей, чувствъ и свойствъ человѣческаго духа, и отъ вліянія этой, насыщенной молитвеннымъ экстазомъ, атмосферы не въ состояніи уклониться мало мальски чуткое сердце, хотя бы и убѣжденнаго невѣра.

— Смолоду, какъ мы съ Зиной вышли изъ института, такъ то ли обѣ жоржь-зандствовали... ужасы! — признавалась мнѣ когда то московская высокочтимая старушка-шестидесятница, столбовая дворянка отъ Успенья на Могильцахъ. — Вольнодумки были ужасныя. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю — наизусть! Христа не иначе понимали, какъ первымъ социалистомъ. Фейербаха, Молешота, Бюанера проглотили, Чернышевскаго, Писарева — вза-сось, какъ музыку... *Войшь шолько ойъ Иверской Божіей Майѣри я никакъ не могла откажайся.* Что ни иду мимо часовни, не утерплю, забѣгу приложиться и свѣчу поставить. А сама оглядываюсь, нѣтъ ли кого изъ знакомой молодежи: вѣдь прохода послѣ не дадутъ, засмѣютъ. А стариковъ встрѣтить еще хуже: начнутъ хвалить, это умница-богомольница, не то молъ, что прочая нынѣшняя молодежь... Каково это слушать вольнодумкѣ то, представительницѣ свободомыслящаго и протестующаго поколѣнія?!...

(См. въ моихъ „Вчерашнихъ Предкахъ“, т. III, стр. 15-16).

4.

Если Москва звалась „сердцемъ Россіи“, то Иверская часовня была сердцемъ Москвы. Великій двигатель жизненной энергіи, сердце анатомически, простая мышца, некра-

сивый на видъ краснобурый комочекъ мяса. Ничего красиваго не было и въ Иверской часовнѣ: ординарная, почти бѣдная, устарѣлая постройка подъ звѣзднымъ шатромъ. Тѣсная, какъ тѣсно жила Дѣва Марія въ Назаретѣ. Никакихъ внѣшнихъ эстетическихъ приманокъ. Все, какъ въ сердцѣ, внутри. И, такъ какъ нутрь сердца есть жилище совѣсти, то Богородица, обитавшая эту скромную храмину въ представительствѣ Своей наичтимѣйшей иконы, содѣяла ее *совѣстью* Первопрестольной *сѣилицы*.

— „А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть то на Нее, на Матушку? Знаешь, Лазарь, Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ“...

Вопить, упавъ на дно несчастія, — кто? Самсонъ Большовъ, дикій, грубый, жестокій самодуръ, безжалостный тиранъ своей семьи, пьяный безобразникъ, безчестный купецъ, обманщикъ, злостный банкротъ. Казалось бы, какому стыду и страху доступно столь толстокожее двуногое безъ перьевъ? Ань, вотъ: „какъ мимо Иверской итти? какъ взглянуть то на Нее, на Матушку?“ Совѣсть, давно проданную за деньги, съ раскаяніемъ вспомнилъ безсовѣстный подъ кротко укоризненнымъ взглядомъ „Чистѣйшей свѣтлостей солнечныхъ“, — съ

искреннимъ раскаяніемъ, ибо за продажу совѣсти, не убоаясь приравнять себя къ хриstopродавцу Іудѣ.

Позволю себѣ привести страницу кстати изъ недавняго моего романа „Лиляша“ записанную съ подлиннаго признанія женщины этого имени. Жестоко оскорбленная насиліемъ безстыдно наглаго Донъ Жуана, мечется эта Лиляша по ночной Москвѣ, не зная, куда дѣвать „страсти своихъ смущеній и бурю прегрѣшеній“. Очутилась случайно у Иверской часовни. Упала на паперти, въ толпѣ, на колѣни, — давай молиться. Но она — интеллигентка 80-хъ годовъ, дочь вольнодумной семьи, если не атеистка, то „индифферентка“. Не ладится молитва, вмѣсто нея лѣзутъ въ голову кощунственныя остроты знакомаго актера на счетъ „mademoisselle Иверской“ и т. п.

— „Нѣтъ, не входитъ въ душу благоговѣніе, нѣтъ моленія... Сильнѣе меня окаянство мое... Что же такъ молиться? Нѣту подлѣ меня ангела-хранителя, стоитъ за мною въ темной ночи дьяволь, какъ за Маргаритой въ „Фаустѣ“, и рожи корчитъ, и шепчетъ!... Нѣтъ, грѣшно и кощунно оставаться здѣсь, въ святомъ мѣстѣ, съ такими мыслями, съ дьявольскимъ шепотомъ надъ ухомъ!

„Встала и пошла. А ночь уже сов-

сѣмъ побѣлѣла. Я съ паперти, а на паперть — дама“...

Узнала, въ этой дамѣ, изумленная, едва вѣря глазамъ, свою пріятельницу изъ безпутной породы „мондэнокъ“, тоже вольнодумку, тоже, если не атеистку, то „индифферентку“.

„— Элла?! Ты?!

„— Я-а-а... А ты... какимъ образомъ?...

„Я ничего ей въ отвѣтъ, но *объ мы сѣдали на колѣни... И теперь— я молилась...* Покошусь на Эллу, вижу, она жарко молится и слезы стоятъ въ глазахъ, — и *въ мою душу входить молитва*, и тоже глаза чешутся текучимъ кипяткомъ...

„А потомъ Элла увезла меня къ себѣ. Вдемъ — и, молча, удивляемся другъ на дружку. Наконецъ — она:

— „Какъ это ты?

— „Не знаю, какъ Эллочка.. Меня большое горе постигло... Должно быть, горемъ занесло... А ты?

— „*Я такъ часто...* У меня, вѣдь, всегда большое горе..

„И, видя, что я не понимаю, — дальше:

— „Скверно живу, Лили... совсѣмъ не умѣю жить... Кружусь, кружусь, а вотъ иногда подступитъ, стиснетъ, и — *некуда, какъ сюда...*

— *Да ты же, кажешься, люте-ранка?*

— „Да, крещена такъ, но — кто

же изъ насъ, кружась, помнить и знаетъ вѣру, въ какой родилась?... Все равно. Богъ одинъ, здѣсь хорошо. Найлакано, намолено. Святѣе флюиды въ воздухъ. Я Майтеръ Божію очень люблю, Лили. Ёздя сюда, незамѣтно акафистъ Ей наизусть выучила... Я такъ часто!“.

— „Говорятъ, — разсуждаетъ Элла дальше, — нехорошо выносить соръ изъ избы. Но, если его вовсе не выносить, то изба превратится въ складъ мусора. Съ душою — тоже... Мусоръ избыной можно въ печи сжечь, а — душевный?... Но сишь, носишь, да и не вытерпишь, побѣжала разгрузиться отъ него немножко предъ Нею, Благодатною Надеждою ненадежныхъ... Католичкамъ хорошо, какъ у нихъ есть постоянная исповѣдь: что согрѣшила, то и снесла ксендзу въ исповѣдальню. А у васъ, православныхъ, исповѣдь рѣдкая, у насъ (лютеранъ) ея вовсе нѣту. Приходится намъ переваривать свои грѣхи молчкомъ, въ самихъ себѣ. Не съ кѣмъ подѣлиться горемъ своего окаянства, какъ съ Нею, Единою Вскорѣ Представляющею... Магдалининскою жизнью живемъ, Лили, такъ надо знать и Магдалинины слезы. Отъ дѣлъ нашихъ не будетъ намъ спасенія, а Она женскимъ сердцемъ знаетъ наши женскія тѣлесныя слабости и душевные недуги и всѣхъ насъ, любовію приступающихъ ко

крову Ея, пожалѣть, исцѣлить, сподобить и спасеть“...

„Слушаю... Господи ты Боже мой! Да сколько же лѣтъ я эту Элли, — безумную Элли, демоническую Элли, декадентку Элли, кривляку Элли, — знаю, а, оказывается, все — только съ лица и никогда никакой изнанки въ ней не предполагала? Анъ изнанка то выглянула, да еще и — вонъ какая!.. И лицо у нея, въ разсвѣтъ разгорающаго утра, совсѣмъ не Эллина капризная мордочка, съ бѣгающими и стрѣляющими козьими глазками, а хорошѣе, строгое, просвѣтленное лицо: *добрый ангелъ изъ глазъ смойришь*“...

Одно изъ многихъ тысячъ тѣхъ малыхъ, не видныхъ міру, незамѣчаемо будничныхъ чудесъ, что ежедневно творила въ нынѣ разрушенной храминѣ Своей Она— „Ниспадшихъ Исправленіе“, „Милости Источникъ, Мірови Прибѣжище“. Тысячи чудесъ въ вѣкъ, когда „чудесъ не бываетъ“. Не бываетъ же потому, что вѣкъ, самъ творя удивительныя чудеса матеріальныхъ, не хочетъ видѣть чудесъ духовныхъ и гордо закрываетъ на нихъ глаза. По крайней мѣрѣ, откуда громъ не грянетъ. Тогда нѣкоторые мужики начинаютъ креститься! Увы всегда съ опозданіемъ.

Пробужденіе совѣсти русскіе люди опредѣляютъ многозначительнымъ двусловнымъ выраженіемъ:

— Бога вспомнилъ.

Иверская часовня была тою „дверью покаянія“, которою москвичъ, кто бы онъ ни былъ, — генераль-губернаторъ или арестантъ въ тюрьмѣ, многократный милліонеръ или кладбищенскій нищій, утонченный интеллигентъ эстетъ или неграмотный вахлакъ, деревенскій полудикарь на столичныхъ заработкахъ, — шелъ къ возможности „вспомнить Бога“ и передъ Матерью Христа знаменовалъ свое желаніе помнитъ Его. И. когда рускіе Цари посѣщали свою древнюю столицу, они, прежде всего, прямо прямо съ вокзала ѣхали къ Иверской — преклониться предъ Пречистою и приложиться къ Ея десницѣ. И народъ это крѣпко любилъ и высоко чтилъ, какъ наглядный, всѣмъ понятный, символъ, что:

— Царь Бога помнитъ.

За все это, конечно, и ненавистна была Иверская часовня большевикамъ, за то и разрушена она ими, жаждущими, чтобы русскій народъ забылъ о Богѣ и, оскотинѣвъ въ тупой безсовѣстности, утратилъ опасную для нихъ способность вспоминать о Немъ. Убрали съ глазъ долой самое сильное, яркое, привычное, излюбленное, сердцу милое напоминаніе. Да не будетъ москвичамъ видно „Наставницы всѣхъ“, „подающей плачь благъ, и покаянія вины, и *„разумъ спасенія“*. Ибо

вотъ это то третье — „разумъ спасенія“ — всего страшнѣе тиранамъ русскаго народа.

Увы, имъ уже удалось привести „разумъ спасенія“ въ порабощенномъ ими человѣческомъ стадѣ къ значительному умаленію. Это доказываетъ слабый откликъ Москвы на событіе, отнявшее у нея лучший и величайшій религиозно-историческій символъ ея духовной жизни. Похныкала старуха и успокоилась. Словно у барыни носовой платокъ украсили. Пусть былъ дорогой, кружевной, да не вѣкъ же о немъ горевать. Новый наживу!... Гмъ... Будто?

Такъ Москва. А мы, эмиграція?

„Приняли къ свѣдѣнію“. Осудили мимоходомъ: нехорошо это, что Москву большевики такъ кощунственно обижаютъ, да, вѣдь, на то они и большевики, — что съ этой сволочи взять?... И перешли, въ порядкѣ дня, къ очереднымъ дѣламъ нашего многодѣловаго бездѣлья.

Милостивые государи мои! Послѣ всего того, — ну, какъ же еще мы не „дрянь“?!

5.

„Стѣна Плача“ — великая святыня еврейскаго народа. Вполнѣ понятно, что арабское посягновеніе на нее потрясло еврейскія сердца.

Но, вѣдь, у насъ, русскихъ православныхъ христіанъ (таковыми пишемся), есть Святыня изъ свя-

тынь, которую мы молитвенно зовемъ:

„Стѣна Нерушимая“.

„Стѣна Необоримая“.

„Стѣна Недвижимая“.

„Стѣна Прибѣжища“.

Преклоняясь предъ этою Стѣною съ благоговѣніемъ, изливающимся столь яркими эпитетами твердаго упованія, Русь искони понимала себя, какъ „Домъ Пресвятой Богородицы“, и, когда наступалъ на нее врагъ внѣшній или приходило время расправы со смутой внутренней, поднимала свои всинственные стяги не иначе, какъ съ призывомъ:

— Постоймъ за Домъ Пресвятой Богородицы!

Этимъ ясакомъ Русь свергла татарское иго, выправлялась отъ Литовскаго Разоренья, побила Карла XII съ Мазепой, выгнала великаго Наполеона съ двенадесятью языкъ. Съ нимъ провела она свою послѣднюю побѣдоносную войну — крестовый походъ освобожденія балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига.

— Однако, Богородичный ясакъ не помогъ вамъ въ Японскую войну?

Да его тогда и не было слышно, а гдѣ онъ раздавался, тамъ звучалъ ложью, ибо воевали мы совсѣмъ не за Домъ Пресвятой Богородицы, а, напротивъ, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ; за что воевали: за какіе-то лѣса на ка-

кихъ-то медовыхъ рѣкахъ въ — кисельныхъ берегахъ, къ которымъ тянулись изъ Петербурга ложками именитые дѣльцы съ ненасытнымъ аппетитомъ. Эта война была не благословенная, то есть не народная.

— Такъ-съ. Но, вотъ, Германскую войну вы приняли, какъ будто, съ самыми великодушными намереніями, опять вродѣ крестоваго похода за братскую Сербію, — однако..:

— Наше поражение въ Великой войнѣ было наказаніемъ за нашу двуличность. Фронты шли подъ стягами Дома Пресвятой Богородицы, а тыль строилъ усерднѣйше и съ замѣчательною разносторонностью бѣсовское капище разврата бытового, политическаго и антирелигіознаго. Наша Германская война — историческое оправданіе пословицы: „Богъ далъ денежку, а чортъ дырочку, и пошла Божья денежка въ чортову дырочку“. Германскую войну не нѣмцы у русскихъ выиграла, а русскіе сами себѣ ее проиграли.

Да еще и проиграли ли? Развѣ Россія заключала Брестъ-Литовскій миръ, который самъ Ленинъ, на что уже негодляй, назвалъ „похабнымъ“? Это миръ интернаціональной сволочи, случайно захватившей власть въ Россіи, а вовсе не русскій миръ. Когда-нибудь онъ мо-

жетъ переродиться въ истинный русско - германскій миръ, потому что Германія, хотя и меньше Россіи отъ него пострадала, но тоже достаточно горько на плодахъ его нажглась, чтобы въ немъ не раскаиваться уже и рано или поздно не раскаяться вполне. А какъ ей, такъ Россіи, взаимно есть на чемъ честно и правильно столкнуться въ безобидное примиреніе. Но, покуда что, Брестъ-Литовскій ли миръ, дальнѣйшія ли соглашенія между Германіей и совѣтской властью въ СССР, суть не болѣе, какъ скользкіе компромиссы одного изъ германскихъ правительствъ съ самозванною бандою, которая ошибочно показалась ему выгодною. Брестскій же „похабный“ миръ, въ частности, былъ прямо таки „соглашеніемъ терпимости“ между кулакомъ генерала Гофмана и прелестными физиономіями большевицкихъ делегатовъ. Это миръ — „не бей меня въ рыло!“

— А плачевный разгромъ бѣлыхъ армій въ гражданской войнѣ? Вѣдь онъ то ужъ всецѣло стояли за вашу „Домъ Пресвятой Богородицы“? А чѣмъ кончилось?

— А кто вамъ сказалъ, что „кончилось“?... Тяжкія неудачи бѣлаго движенія были роковыми послѣдствіями тяжкихъ же грѣховъ и преступленій, накопившихся на русской совѣсти, которыя должны были

быть искуплены соотвѣтственнымъ наказаніемъ. Мы его и понесли и несемъ. Жертвами за наши грѣхи погибли великодушные русскіе богатыри: Корниловъ, Колчакъ, Калединъ, Алексѣевъ и множество, великое множество другихъ славныхъ, не считая безчисленнаго „неизвѣстнаго солдата“ добровольческой войны.

Жертвами за наши грѣхи угасли въ изгнаніи П. Н. Врангель и В. Кн. Николай Николаевичъ, замученные „бездѣйствія покоемъ“, и опять таки множество, великое множество и славныхъ, и безвѣстныхъ, чаявшихъ, подобно служкамъ Силоамской Купели, что престанетъ часъ гнѣва Божьяго, сойдетъ съ неба ангель-цѣлигель, возмутитъ воду, и окунемъ въ нее разслабленную Россію. И возстанетъ она, омытая, здоровая, свѣжая, новая, вѣрная себѣ въ вѣчномъ своемъ добрѣ, но безъ старыхъ пороковъ, за которые поплатилась и платится вотъ уже пятнадцать лѣтъ карами истинно библейскаго возмездія...

Да, бѣлая война — въ фазисѣ летаргическаго перерыва, но летаргія не смерть... Она жива и будетъ жить и продолжаться, ибо вотъ эта правая война и есть та „война до побѣднаго конца“, о которой мы такъ много декламировали въ 1914-18 г.г., а оправдать свою декламацию полѣнились. Она пережила уже

срокъ Семилетней войны, но была и Тридцатилѣтняя война, и Столѣтняя, ибо войны за великіе принципы требуютъ великаго времени и великаго напряженія народовъ.

Я не знаю, долго ли намъ ждать побѣды, но убѣжденъ, что она будетъ, и, если даже мы ее не дождемся, то, все равно, война будетъ продолжаться, пока Россія не станетъ опять Домомъ Пресвятой Богородицы. И на реставрированномъ, какъ напрасно уповаютъ многіе, но выстроенномъ заново изъ матеріаловъ, надежная прочность которыхъ обусловится не только пережитками традицій, но и строительными требованіями новаго вѣка, въ техническихъ открытіяхъ ушедшаго далеко впередъ отъ прежнихъ.

Есть удивительная сербская былина, какъ краль Лазарь, по вѣщему сну кралицы Милицы, хотѣлъ строить церковь на свинцовомъ фундаментѣ, съ серебряными стѣнами, золотую крышею. Но воевода Милошъ отсовѣтовалъ ему эту великолѣпную постройку, въ предчувствіи завоеванія Сербіи турками:

— „Прійдетъ поганый турокъ, разнесетъ онъ все и сроетъ. Изъ свинцу польетъ онъ ядереъ, будетъ бить имъ наши грады, а серебряныя стѣны перебьетъ на сбрую коннямъ, а все золото и жемчугъ заберетъ своимъ туркинямъ, и налож-

ницамъ, и женамъ, на монисты и повязки“...

Какую же церковь воздвигнуть совѣтуетъ Милошъ кралю Лазарю?

— „Церковь строить — такъ изъ камня, камня сѣраго, такого, чтобъ ни огонь не жегъ палящій, чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный, чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли; вмѣсто жъ злата и каменьевъ, — да сияетъ благочестьемъ и небесной свѣтлой славой... И пребудутъ, яко звѣзды, надъ землею плѣненной нашей наши каменные церкви! Будутъ иноки честные, благодатью лишь богаты славить Господа въ нихъ Бога, поминать царей великихъ и мужей, во брани падшихъ за отеческую землю, и стоять въ сердцахъ у сербовъ будетъ вѣки нерушимо царство Сербское, подъ вѣрнымъ, подъ невидимымъ покровомъ Пресвятой Христовой церкви“...

Полагаю, что намъ, русскимъ, пережившимъ 1917-1929 годы, комментировать эту былинку излишне. Достаточно, вмѣсто „сербовъ“ и „царства Сербскаго“, подставить „русскихъ“ и „царство Русское“, а, вмѣсто „поганаго турка“ — „большевицкую сволочь“. Все остальное — какъ фотографія.

Да, русскій Домъ Пресвятой Богородицы, сиявшій серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями, — въ развалинахъ, ограбленъ, облупленъ. На растасканныя его со-

кровища дѣлается „міровая революція“, жемчуги, снятые съ его святынь, красуются въ ушахъ и на грудяхъ Розенелей.

Да, надо русскимъ строить новый Домъ Пресвятой Богородицы и, конечно, по плану воеводы Милоша. Только ужъ не изъ средневѣковаго сѣраго камня, — онъ сильно вывѣтрился за пятьсотъ лѣтъ — а изъ современнаго желѣзо-бетона, отъ котораго ядра пушекъ Антихристовъ полчища отлетятъ, какъ аптечныя пилюли!

И это будетъ, да, будетъ! А не „кончилось“!

6.

Будетъ, если мы будемъ людьми, а не „дрянью“.

Сто лѣтъ тому назадъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, изнемогая въ „бездѣйствіи покоя“, затертый нѣмецкими карьерисгами, просилъ Государя „произвести его въ нѣмцы“.

Не знаю, къ какому величеству должны обратиться мы, нынѣшніе русскіе вообще, эмигранты, въ особенности, но намъ время, — серьезно говорю, — охъ, время искать „производства въ жида“!

Я человѣкъ не завистливый, но вотъ уже съ мѣсяцъ живу въ угнетеніи весьма острою завистью. Не личною, а національною. Два

мѣсяца мучило меня счередное національное горе, а мѣсяць тому назадъ обострилось оно національной завистью. Къ евреямъ — по сравненію ихъ драмы изъ-за „Стѣны Плача“ съ нашею.. ужъ, право, и не знаю, какъ опредѣлить: драмою? да гдѣ же она? какая была драма? — неприятностью, что ли, чрезъ выселеніе „Стѣны Нерушимой“ изъ Ея Иверскаго дома и разрушенія сего послѣдняго.

Еврейское несчастье нашло громкій откликъ дѣятельнаго негодованія во всемъ культурномъ мірѣ. Наше — можно по пальцамъ пересчитать всѣхъ, кто обратилъ на него вниманіе. Оно прошло по міру невидимкою или, въ рѣдкомъ лучшемъ случаѣ, нѣсколькими строками мелкой печати въ отдѣлѣ „разныхъ извѣстій.“

Но не эта разница возбуждаетъ мою зависть. Не къ преимущественному сочувствію Европы я ревную. Богъ съ нею, Европою, и порожденными ею полу Европами Старого и Новаго Свѣта! На семь мѣстѣ у насъ давнымъ давно набита „самая любимая мозоль“. Привыкли, позорно привыкли къ тому, что насъ понимаютъ только тогда, когда мы пляшемъ, поемъ, скачемъ въ джигитовкѣ, выкидываемъ смѣшныя штуки, проводимъ театральныя реформы, выигрываемъ въ шахматы; но рѣшительно перестаютъ по-

нимать и не хотятъ насъ знать, когда мы страдаемъ, плачемъ и молимся. Въ послѣднемъ случаѣ не хотятъ особенно подчеркнуто. Ибо Европа съ полу Европамч горды связью своего политическаго либерализма и социализма съ религіознымъ вольномысліемъ, а православіе имѣетъ въ нихъ твердо укоренившуюся репутацію реакціонной силы. И, въ недвижномъ предубѣжденіи этомъ, пожалуй, даже буддійскій лама или бонза ближе ихъ пониманію, а ужъ интересу то навѣрное, чѣмъ русскій „попъ“.

Нѣтъ, въ драмѣ „Стѣны Плача“ завидны мнѣ евреи, какъ таковые, сами по себѣ. Не въ томъ, что имъ сочувствуютъ, а въ томъ, какъ они заставляютъ себѣ сочувствовать.

Этакіе же молодцы! Едва пролетѣла первая радіо-телеграмма: „нашихъ обижаютъ!“ — весь еврейскій народъ насторожился и пришелъ въ смятеніе. Пролетѣла радіо-телеграмма: „нашихъ бьютъ!“ — и вся еврейская діаспора оцетинилась, какъ миллионъ разсерженныхъ дикообразовъ, и потребовала отъ Европы удовлетворенія. Не просила, а именно требовала, — и Европа, оробѣвъ, извинительно шаркнула ножкой. Я очень внимательно слѣдилъ за еврейско-арабскимъ конфликтомъ по хорошо освѣдомленной о еврейскихъ дѣлахъ рижской газетѣ „Сегодня“. Евреи говорили

съ Англіей тѣмъ языкомъ, какимъ Англія, изъ устъ Сноудена, говорила въ Гаагѣ съ остальной Европой. И, подобно тому, какъ Сноуденъ добился 75 проц. удовлетворенія, такъ и евреи, можно быть увѣреннымъ, добьются по своимъ требованіямъ предѣльной возможности осуществленія.

„Стѣна Плача“, при всей ея цѣнности для еврейства, не болѣе, какъ его историческое воспоминаніе, да и то условное: давно уже подвергнута сомнѣнію ея принадлежность храму Соломона. Но достаточно было святотатственной рукъ инновѣрца коснуться ея, и потрясся міръ. Всѣ евреи, отъ самыхъ старозавѣтныхъ правовѣрныхъ до самыхъ, что ни есть Уріэлей Акость, „модернъ“, „либрпансеровъ“, „индифферентовъ“ и атеистовъ, встали на защиту своего національнаго символа дружнымъ строемъ и атаковали штурмомъ, обложили осадами дипломатическія учрежденія Европы и полу Европы:

— Не угодно-ли вамъ дѣйствовать въ нашу пользу и самымъ спѣшнымъ порядкомъ? А не то...

А вотъ на дняхъ было въ „Новомъ Времени“ превосходное открытое письмо г жи Е. Глуховцовой о. Сергію Булгакову. Исчисляетъ она раны на „ликъ поруганнаго, попираемаго Христа на нѣкогда православной Руси:“

„Передъ Вами не пронеслась Ва-ша Родина, о Сергій, ея православные храмы съ разрушенными алтарами, превращенными въ кровавые музеи пытокъ революціи, или комсомольскіе кабаки. Оскверненная мощи св. угодниковъ: разоренная Оптина Пустынь, разрушенная часовня Иверской Божіей Матери, гнусныя манифестаціи съ сожженіемъ кощунственнаго изображенія Христа въ Свѣтлую Заутреню у дверей храма Спасителя въ тотъ моментъ, когда оттуда доносилась ликующая пѣснь „Христось Воскресе.“

Малѣйшее изъ исчисляемыхъ г жею Глуховцовой большевицкихъ оскорбленій православія для насъ, русскихъ, должно было бы быть острѣе, чѣмъ для евреевъ ихъ „Стѣна Плача,“ потому что здѣсь дѣло идетъ не объ историческомъ воспоминаніи, а о живой религіозной существенности — о погубляемомъ, унижаемомъ, развращаемомъ духѣ народа: о сдачѣ въ Россіи позицій Христа штурму Антихриста... А мы?...

Гдѣ наши государствснные люди — нѣтъ ихъ, что ли? — требующіе отъ Европы и Америки того рѣшительнаго „стой!“ на большевиковъ, терзающихъ религіозное чувство русскаго народа, подобно тому, какъ политики еврейскаго государства въ государствахъ требуютъ „стой!“ на арабовъ?

Гдѣ наши капиталисты, однодневкою собирающіе колоссальныя суммы на поддержку національной борьбы, какъ въ Нью Йоркѣ первый же подписной листъ еврейской колоніи далъ итогъ въ 800 тысячъ долларовъ?

Гдѣ наша пресса, которая, въ моменты національнаго несчастья, отлагала бы всякое иное попеченіе и внушала бы только дѣятельную любовь къ отечеству и жажду борьбы за него?

Гдѣ наша молодежь, которая, подобно еврейской изъ-за „Стѣны Плача“, тысячами двинулась бы въ добровольчество за поруганный Домъ Пресвятой Богородицы? Гдѣ онъ, этотъ нашъ идеалистическій волонтеріатъ?

Впрочемъ, послѣдній вопросъ я возьму обратно, его надо измѣнить и поставить иначе Матеріала для активнаго добровольчества въ эмиграціи и зрѣлой, и молодой, очень много, и желаніе активности въ ней велико, но мы то, мы то что дѣлаемъ для того, чтобы этотъ матеріалъ оформлялся изъ возможности въ дѣйствительность и дѣйственность, чтобы активныя устремленія переходили въ активное исполненіе?

Ровно ничего, а очень часто и хуже, чѣмъ ничего: хватаемъ эти самовольныя устремленія за горло и стараемся удушить ихъ, какъ из-

лишне народившихся ценять неудобно сердитой породы.

Вспомните травлю Нечаевского отряда — смѣлой попытки создать на Дальнемъ Востокѣ, подъ знаменами китайской войны противъ коммунистовъ, ядро русской вооруженной силы для удара по большевикамъ СССР.

А, впрочемъ, что же вспоминать старое, когда есть новое много хуже? Развѣ сейчасъ не возобновлена эта травля противъ „бѣлогвардейцевъ“, дерзающихъ воевать съ большевиками въ союзѣ съ китайскими анти-коммунистическими войсками? Развѣ дальневосточные бѣлогвардейцы уже не прокляты анаѳемой на всѣхъ миллюковскихъ и пестро социалистическихъ соборахъ? И развѣ въ защиту свою отъ этихъ анаѳемъ и травли слышатъ они со стороны увязшей въ обывательствѣ эмиграціи что-либо, кромѣ лѣнивыхъ разсужденій за игрой въ крестословицы:

— Оно, конечно, съ одной стороны надо признаться, пора бы, но съ другой стороны, пожалуй, нельзя не сознаться, можетъ быть, лучше повременить...

Внушаютъ намъ, будто дальневосточное бѣлое движеніе напрасно, вредно, бессильно, бесполезно. Это въ то-то время, какъ сама красная власть, болтливыми языками своихъ „военкомовъ“, признается, что ки-

тайцы ей нисколько не страшны, а вотъ 18.000 бѣлыхъ — это врагъ опасный, ибо закаленные въ бояхъ воины, одинъ стоитъ десяти новобранцевъ!

Есть матеріаль, есть рвеніе. Вотъ въ іюльско августовскомъ бюллетенѣ „Братства Русской Правды“ выразительное увѣщаніе — „къ особому вниманію“:

„Братьямъ не заваливать начальниковъ просьбами объ отправкѣ на Д. Востокъ. У БРП лишнихъ денегъ на прогоны нѣтъ“.

А дальше уясняется, что люди, моль, и здѣсь нужны, ибо „врага надо дожимать всегда и со всѣхъ сторонъ“.

Совершенно справедливо, но, вотъ, о мотивировкѣ: „денегъ на прогоны нѣтъ“. И ихъ, мнѣ извѣстно, дѣйствительно нѣтъ. БРП, единственная вооруженно дѣйственная организація зарубежнаго или, точнѣе назвать, порубежнаго противобольшевицкаго активизма, живетъ впроголодь, „босы ноги, грязно тѣло и едва прикрыта грудь“. Воюетъ оно, чудомъ Божиємъ, —

Въ лапоткахъ, бабушка, въ ла-
поткахъ,
Съ палочкой, Пахомовна, съ па-
лочкой!

А какъ вы думаете, государи мои: если 12.000 американскихъ молодыхъ евреевъ, заявившихъ о своей

готовности ѣхать въ Палестину волонтерами для вооруженной защиты своего народа, дѣйствительно должны будуть ѣхать, можетъ это быть, что для нихъ не окажется денегъ на прогоны?

Нѣтъ, не можетъ быть. Говорю не предположительно, а утвердительно, потому что, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ Великой войны, былъ свидѣтелемъ, почти что очевидцемъ, какъ В. Е. Жаботинскій и П. Н. Рутенбергъ вели, съ поразительной энергіей, пропаганду организаціи 40 тысячнаго еврейскаго легіона и заставили еврейскій капиталъ осуществить ее, не смотря на то, что сами, — не знаю, богаты ли теперь, — но тогда были бѣдны, какъ двѣ синагогальныя крысы. Ибо еврейскій капиталистъ можетъ быть лично, какимъ ему угодно „апикойресомъ“ (эпикурейцомъ, въ смыслѣ скептика, религіознаго невѣра), но капиталъ его всегда правовѣрный еврей. На призывъ обще-еврейскаго національнаго дѣла, еврейскій капиталистъ покорно отпираетъ свою кассу (бываетъ даже не рѣдко, что противъ личнаго убѣжденія), можетъ быть, съ тяжкимъ вздохомъ, но съ единственнымъ вопросомъ:

— Сколько?

Русскій капиталъ теперь многіе склонны обвинять, будто онъ „поддерживалъ революцію“. Обыкновенно, тутъ на сцену выползають пре-

словутые 60.000 рублей, данныя Саввою Морозовымъ М. Горькому... Подумаешь, великая сумма! Да и тѣ, вѣдь, укралъ у Горькаго Парвусъ-Гельфдинъ вовсе не на революцію, а на спекуляцію хлѣбомъ въ Константинополь!

Нѣтъ, это басни, мухи, раздутыя въ слоновъ. Какая тамъ поддержка, если революціи пришлось для изысканія средствъ взяться за компрометирующую практику экспроприаціи. Участіе русскаго капитала въ революціи пророчески изображено Тургеневымъ въ „Нови“. Когда русскому капиталисту почему либо вдругъ „хотѣлось революціи“, онъ подмигивалъ:

— Расчудесное дѣло, товарищъ, только ты того... устрой ее не дороже, какъ на два двугривенныхъ!

Теперь русскому капиталу нужна контръ-революція. Но, такъ какъ характеръ у него остался прежній, а послѣ революціи онъ переобулся изъ сапоговъ въ лапти, то и опять лишь подмигиваетъ:

— Расчудесное дѣло, господинъ хорошій! Устройте ка мнѣ эту самую контръ революцію... только не дороже, какъ за пятакъ!...

Исключенія есть, но они такъ рѣдки, что только подчеркиваютъ правило. Правильное патріотическое настроеніе въ русскомъ капиталѣ — счастливая случайность, а не пове-

лительный принципъ, какъ въ еврейскомъ.

А въ результатъ въ бѣлорусскихъ бандахъ, хотя бы того же БРП люди перевязывали раны грязными рубашками безсмѣнной многонедѣльной носки, и зараженіе крови лишало повстаніе бойцовъ много чаще, чѣмъ большевицкія пули.

Вотъ и судите, правъ ли я, говоря, что пришло намъ время для воздыханія въ тонѣ генерала Ермолова:

— „Ваше величество, произведите насъ въ жида!“

7.

Что, собственно, произошло въ Палестинѣ?

Погромъ?

Нѣтъ, въ читанныхъ мною статьяхъ это роковое слово встрѣчается рѣдко, что обозначаетъ, что еврей, хотя оно приходитъ имъ въ мысли и на языкъ по старой горькой памяти, въ данномъ случаѣ считаютъ его неумѣстнымъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, какъ же подвести подъ рубрику „погромъ“ такія статистическія показанія?

Убито:

Магометанъ 87, христіанъ 4, евреевъ 119.

Ранено:

Магометанъ 208, христіанъ 33, евреевъ 334.

(Беру эти данныя изъ рижскаго „Сегодня“, № 246, отъ 5 сентября.)

Исключая изъ этого подсчета незначительную цифру христіанъ, очевидно пострадавшихъ случайно, „въ числѣ драки“, попавъ не ко времени между молотомъ и наковальней, — что получаемъ?

Какъ между убитыми, такъ между ранеными число нападавшихъ къ числу нападаемыхъ относится почти точно, какъ три къ четыремъ.

Какой же это погромъ? Это сраженіе и, къ чести еврейскаго отпора, очень энергическое сраженіе: сторона атакующая и превосходная численно понесла потери почти равныя съ стороною атакованною. Пусть военные скажутъ, часто ли это бываетъ. Я не „военспецъ“ и своего сужденія имѣть не могу, но, сколько читывалъ, помню, что — кто нападаетъ, тому меньше попадаетъ, и побѣды, въ которыхъ цифры убитыхъ и раненыхъ приблизительно равны съ обѣихъ сторонъ, суть побѣды сомнительныя. Да и вообще, при систематическомъ сводѣ телеграммъ, получается такое опредѣленное впечатлѣніе, что, говоря карамзинскимъ слогомъ, индѣ аравитяне тѣснили іудеевъ, индѣ іудеи аравитянъ.

Во всякомъ случаѣ, это не Кишиневъ, не Бѣлостокъ, не Балта. Скороѣ ужъ провалившаяся Варѣоломеевская Ночь или неудачная Си-

цилійская Вечерня. И, если „выступленія арабовъ были тщательно подготовлены и ипроведены по предварительно выработанному плану, съ привлеченіемъ къ участию бедуиновъ Сирін, За-Иорданья и Аравіи“, то и еврейская самозащита оказалась весьма на высотѣ положенія всюду, гдѣ евреи защищались самостоятельно, не надѣясь на англійскую политику. Эта послѣдняя въ первые дни столкновенія, играла въ немъ замѣчательно жалкую роль. Это отмѣчено съ большою рѣзкостью полковникомъ Вуджвидомъ, тогда какъ объ еврейской самозащитѣ онъ отозвался съ наилучшими похвалами.

Вотъ примѣръ работы еврейской самозащиты. Арабы рассчитывали напасть на Тель-Авивъ врасплехъ, раскинувъ вокругъ города многочисленныя засады. Но въ одну изъ нихъ попала группа евреевъ, работавшихъ на какихъ-то плантаціяхъ подѣ Тель-Авивомъ. Ихъ перестрѣляли, но двоимъ удалось убѣжать въ городъ, гдѣ они, конечно, подняли тревогу. „Когда арабы подступили, самозащита была на чеку“, и, послѣ ожесточенной борьбы, „арабы были отбиты и оставили на мѣстѣ сраженія свыше 30 труповъ, тогда какъ тель-авивскіе евреи потеряли убитыми всего 6 человекъ“.

(Телегр. „Сегодня“ отъ 4 сентября).
15-го августа въ Іерусалимѣ: „Во

время футбольнаго состязанія произведено было нападеніе на еврейскихъ дѣтей. Этотъ кварталъ населенъ курдистанскими евреями, принесшими съ собою изъ Курдистана одному изъ арабовъ раздробили голову, свыше десятка другихъ были ранены“...

Похоронная процессія, послужившая поводомъ къ столкновенію евою прежнюю воинственность. Плохо пришлось потому нападающимъ: реевъ съ англійской полиціей, была составлена, въ числѣ 3000 человекъ, „главнымъ образомъ, изъ спаніоловъ, курдовъ, бухарцевъ“, то есть представляла собою боевой отрядъ, посланный для воинственной демонстраціи. А „еврейская самооборона стояла уже на стражѣ въ старомъ городѣ и „союзъ Трумпельдора“ занялъ площадь у Стѣны Плача“. Процессія двигалась, повидимому, въ весьма жуткомъ настроеніи.

„Евреи, задыхаясь отъ ярости, увидѣли“ полицейскій кордонъ, преградившій путь похоронному шествію, тогда какъ предшествовавшія демонстраціи мусульманъ свершались безпрепятственно. Они прорвали кордонъ. Тогда англичанами пущены были въ ходъ нагайки и „военный автомобиль въѣхалъ въ гущу похороннаго шествія“...

(Корреспонденція д-ра Вольфганга ф. Вейсля въ „Фоссише Цей-

Тунгъ“, перепечатка въ „Сегодня“, № 240, 30 августа).

И такъ далѣе. Можно „надергать“ картинокъ, сколько хочешь, но и приведенныхъ довольно для показанія, что палестинскія событія были не просто погромною полосою, но запѣвкой гражданской войны въ молодомъ подопечномъ государствѣ, которое „еще едва умѣетъ лепетать“, но уже ершится. Думаю, что, по этническому составу своему, не можетъ не ершиться, и многому времени надо пройти, прежде чѣмъ щетины колючаго ерша улягутся настолько, чтобы онъ принялъ видъ и благодушный нравъ премудраго карася.

Гражданская война въ двусоставномъ государствѣ, гдѣ четыре пятыхъ населенія почитаетъ себя націей аборигеновъ и исконныхъ хозяевъ страны, а одна пятая хочетъ сдѣлать Палестину своимъ національнымъ домомъ, ссылаясь въ томъ на права 40-вѣковой давности. Разнясь въ религіи, обѣ стороны, каждая въ своей, очень крѣпки и ревнивы. А топографія ихъ религій совпадаетъ, и святыя для обѣихъ мѣста то и дѣло дѣлаются аренами соперничества за преимущество культа.

Къ слову сказать, между христианами разныхъ исповѣданій у Святого Гроба, въ Вифлеемѣ и др. святынищахъ Христовыхъ, соперниче-

ство ничуть не слабѣе. Если оно не развивается съ такою острою силою, какъ видимъ теперь въ арабо-еврейскомъ междуособіи, то это не по недостатку религіознаго фанатизма, а потому, что у христіанъ Палестины сравнительно мало мѣстныхъ интересовъ политическихъ и экономическихъ. У мусульманъ же ихъ полонъ домъ.

Поэтому „твердая рѣшимость строить еврейскій національный очагъ въ Палестинѣ (изъ манифеста еврейскаго агентства) для арабовъ — острый ножъ, и, чувствуя его въ своей ранѣ, они хватаются за каждый предлогъ къ гражданской войнѣ. И удобнѣйшіе предлоги выдвигаетъ религіозная рознь, при общей религіозной топографіи.

— Не смѣйте толпиться на святомъ мѣстѣ, откуда Магометъ вознесся на седьмое небо! вопять арабы.

— Нѣтъ, это вы не смѣйте загроживать Стѣну Плача — Стѣну Соломонова Храма, въ которомъ наши отцы молились за полторы тысячи лѣтъ до вашего Магомета! — отвѣчаютъ евреи.

За одними полторы тысячи лѣтъ правового преданія, за другими три. А между ними — англійскій мандатъ, которому счетомъ 10 лѣтъ. Вотъ тутъ и разбирайся. Равнодушное „Олл райт“ между пламеннымъ „Шмо Исроэл“ и фанатическимъ

„Ла иль ла иль Алла Мухаммед расуль Аллал..“

Гражданская война религиозной окраины, подобная, въ миниатюрѣ, гугенотскимъ войнамъ Франціи XVI—XVII вѣковъ. Будемъ надѣяться, что она не выростетъ до ихъ размѣра, ни, тѣмъ паче, что изъ сего горчичнаго зерна не разрастется однажды зловѣщее древо Тридцатилѣтней войны, перенесенной на Азіатскую почву въ азіатскія условія.

8.

Нѣтъ такой гражданской войны, которой стороны не нуждались бы въ иноземной интервенціи.

Нѣтъ такой гражданской войны, которая могла бы покончиться безъ чужеземной интервенціи, явной или подспудной, фактической или потенциальной.

И нѣтъ такой гражданской войны, чтобы интервенція не принималась даже побѣждающей стороной, какъ горькая, обидная необходимость, за которую „спасибо“ звучитъ, какъ „чортъ бы тебя побралъ!“

Интервентамъ бывають признательны, интервентовъ благодарятъ, но терпѣть ихъ не могутъ и стараются какъ можно скорѣе освободиться отъ обязательныхъ къ нимъ отношеній. А — бывало не разъ! — при случаѣ, даже и „удивить міръ своею неблагодарностью.“ Въ семъ послѣднемъ искусствѣ была вели-

кою спеціалісткою покійная Австрійская імперія Габсбурговъ.

Въ Палестинское государство, по предвидѣнію непременно ожидающихъ его бурь, интервенція вдвинута въ предварительномъ порядкѣ, въ формѣ англійскаго мандата. Какая то смѣсь самаго, что ни есть, политическаго „модерна“ съ античною римскою прокуратурою, когда Понтій Пилать, Феликсъ, Фестъ и др. поочередно оказывались въ томъ же „положеніи хуже губернаторскаго“ въ какомъ теперь мається лордъ Чэнсларъ. Да имъ, пожалуй, всетаки было легче, потому что они имѣли дѣло, хотя, съ фанатически спорливой, но однородной массой, — Царьки Ироды, санхедринъ, саддукейская интеллигенція, фарисейская масса средняго класса во главѣ и водительство народа, даже зилоты, странные совмѣстители крайне праваго націонализма съ крайне лѣвымъ анархизмомъ, — всѣ они, всетаки, были единъ народъ: дѣти Авраама, Исаака и Іакова, ученики Моисея, подзаконные богоданной Торѣ, — такая цѣльность, что даже не охоча была до прозелитовъ. Политически государство было преотвратительное, обреченное на самоистребленіе, но почти монолитное, какъ религіозная нація.

Лорду же Чэнслору досталась въ удѣлъ прокуратура въ государствѣ, гдѣ евреи представляютъ національ-

ное меньшинство, однако, убѣжденно стремящееся къ господству, а національное большинство (и, притомъ, подавляющее) не имѣетъ ничего общаго ни съ идеей еврейскаго національнаго очага, ни съ іудаизмомъ. Тутъ — муфтій съ Кораномъ, муэдзинъ на минаретѣ (одинъ изъ поводовъ къ озлобленію евреевъ у Стѣны Плача), вакуфное право и т. д.

Въ „Избранныхъ стихахъ“ Бунина есть очаровательное восьмистишіе „Магометъ и Сафія“.

Сафія, проснувшись, заплетаетъ
ловкой

Голубой рукою пряди черныхъ
кость:

„Всѣ меня ругаютъ, Магометъ,
жидовкой“,

Говоритъ сквозь слезы, не стирая
слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью
глядя,

Отвѣчаетъ кротко: „Ты скажи
имъ, другъ:

Авраамъ—отецъ мой, Моисей—
мой дядя,

Магометъ—супругъ“.

Чудо, какъ хорошо! Но — въ гаремѣ. А въ политической и религиозной жизни народовъ этакія счастливыя сліянія не вытанцовываются.

Существует предразсудочное убѣжденіе, будто Исламъ терпимѣе (религіозно) къ іудаизму, чѣмъ христіанство. Въ дѣйствительности, это не такъ. Исламъ терпимъ только до тѣхъ поръ, пока „Муса“ довольствуется ролью скромнаго пророка предшественника въ свитѣ „единаго пророка Мухаммеда“. Если же „Муса“ пытается поднять голову выше, Исламъ не устраиваетъ диспутовъ францисканцевъ съ раввинами, а просто берется за ятаганъ — „се-кимъ башка“! Великолѣпныя синагоги, поднимающія свои главы выше храмовъ „господствующей религіи“, выстроены не на мусульманскомъ Востокѣ, а въ Амстердамѣ, Нюренбергѣ, Нью Йоркѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Римѣ.

Сейчасъ, послѣ палестинской рѣзни, колятъ англичанамъ глаза:

— При туркахъ того не было.

Это наивно. Съ какой же стати могло бы „то“ быть при туркахъ? Гражданскія войны мыслимы только въ нѣдрахъ самостоятельныхъ государствъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ подобіе самостоятельности. А развѣ существовало при туркахъ палестинское государство — арабское ли, еврейское ли? И мысли о томъ не могло быть. Была провинція, управляемая весьма отвратительной властью эгоистической, жадной, жестокой. Противъ нея могли быть бунты, она могла отвѣчать каратель-

ными экспедиціями или погромами, натравливая одну часть разновѣрнаго населенія, почитаемую крѣпкою оттоманской Имперіей, на другую, Стамбулу сомнительную. Характеръ гражданской войны по добныя столкновенія принимаютъ только тамъ, гдѣ есть государство, но, нѣтъ правительства, и разнородныя (такъ или иначе) части населенія устремляются къ захвату власти, чтобы сдѣлать „вакантное государство своимъ.

Я очень сочувствую сіонистамъ. Изъ вождей ихъ хорошо зналъ Е. В. Жаботинскаго и П. М. Рутенберга, увлекательныхъ романтиковъ этого движенія. Ради сіонизма первый забросилъ превосходно начатую карьеру русскаго публициста, а второй покинулъ ряды русской революціи послѣ многолѣтняго ей служенія: вѣдь, этотъ самый Рутенбергъ, организовалъ убійство Гапона. Территоріальные планы сіонизма всегда казались мнѣ сомнительными къ практическому осуществленію, но резонными въ теоріи: разъ еврейское государство нужно, то гдѣ же и зиждиться ему, какъ не въ Палестинѣ? Энергія сіонистовъ (поразительно настойчивая, талантливая и, прямо сказать, героическая, ибо побѣждать ей приходилось не только сопротивленіе враговъ, но чуть ли не пуще предубѣжденія своихъ) успѣла добиться цѣли. Англія дала

евреямъ, если не самостоятельное государство, то эмбрионъ его.

Но, какъ водится, Англія дала, Англія же и продала. Бываютъ величины, коимъ характеристика — ни рыба, ни мясо. Палестина же подъ сѣнью Бальфунова мандата, хаотическая похлебка, заправленная рыбой по еврейски въ мясномъ бульонѣ по арабски, варимая плохимъ, лѣнивымъ и безвкуснымъ англійскимъ поваромъ, вдобавокъ, не имѣющимъ въ своемъ хозяйствѣ ни щепотки турецкаго перцу. Можетъ быть, уварится, — прокъ будетъ, но, покуда, ужасная бурда!

9.

Жалоба жалобѣ рознь.

Есть жалобы плаксивыя, молящія.

Есть жалобы, „костатирующія фактъ“.

Есть жалобы требовательныя.

„Вступишь, ради Бога!“ — „Вступишься ты, нѣтъ ли, но я протестую, — чтобы тебѣ было извѣстно!“ — Потрудись, почтеннѣйшій, вступишься: это твоя непремѣнная обязанность, и, если ты ее не исполнишь, то наживешь себѣ неприятности!“

Жалобы русской эмиграціи, обращенныя къ Европѣ, всегда второй и первой категоріи — въ чистотѣ или смѣшеніи, съ заключительнымъ патетическимъ упрекомъ:

— Неужели это васъ не трогаетъ? Неужели вамъ не совѣстно? Неужели ваше безучастіе согласуется съ вашимъ культурнымъ уровнемъ?

А, если очень удручены и разойдемся въ горестномъ паѳосѣ, то смѣлѣемъ и до ругательствъ, впрочемъ, обыкновенно междустрочныхъ. Даемъ, вѣжливыми обиняками, понять:

— Неужели вы такія свиньи?

Но даже и въ сей лютой крайности русской протестъ не переступаетъ границъ того „душеспасительнаго слова“, въ убѣдительную силу котораго вѣрилъ Плюшкинъ, но сомнѣвался въ ней Чичиковъ.

Совсѣмъ иного типа жалобы еврейскія. Онѣ комбинируютъ вторую и третью категорію, — констатируютъ фактъ и, на основаніи факта, выставляютъ требованія.

Покойный Н. М. Барановъ, знаменитый нижегородскій губернаторъ-диктаторъ, рассказывалъ мнѣ однажды, — правду или выдумывалъ, кто его знаетъ? большой былъ любитель краснаго словца! — будто какъ-то разъ ворвался къ нему во дворецъ, на пріемъ, еврей, котораго жестоко высѣкъ одинъ изъ приставовъ ярмарочной полиціи. (Годъ былъ холерный, опасный по возможности безпорядковъ, и полиція, снабженная полномочіями „не допускать и пресѣкать“, не стѣсня-

лась съ лицами, представлявшимися ей подозрительными: безчинствовала весьма, чему примѣръ подавалъ, увы, и самъ, неукротимый въ произволѣ, Николай Михайловичъ).

Такъ подскокилъ этотъ высѣченный еврей къ Баранову, повернулся къ нему спиною, наклонился и, спустивъ штаны, укоризненно воскликнулъ:

— Ваше Превосходительство! не угодно ли вамъ полюбоваться, что у васъ въ губерніи дѣлается?!

И генераль... сконфузился!

Какъ, по вашему, эта, сконфузившая Баранова, демонстрація была жалобою просьбы или жалобою требованія?

Такъ вотъ точно и теперь, послѣ палестинской рѣзни, жалуются евреи своей двуличной покровительницѣ Англии:

— Милорды и джентльмены! не угодно ли вамъ полюбоваться, что у васъ въ сферѣ вашего мандата дѣлается!

Это не:

— Пожалѣйте насъ, несчастныхъ!

Но:

— Нѣтъ съ, вы потрудитесь дать мнѣ удовлетвореніе!

— Откажете — мы плюнемъ на законы Британіи, въ нихъ, значить, силы нѣтъ.

Мы ждемъ суда. Дождемся-ль — отвѣчайте? („Венец. Купецъ“).

„Вчера проф. Вейцманъ вручилъ Макдональду меморандумъ, въ которомъ требуется принятіе немедленныхъ мѣръ для обезпеченія спокойствія въ Палестинѣ... Въ полицію и войска должны быть привлечены представители еврейскаго народа... Меморандумъ требуетъ, чтобы Англія, какъ мандатная держава, помогала расцвѣту Палестины, еврейской иммиграціи и колонизаціи въ смыслѣ тѣхъ обязательствъ, которыя она на себя взяла“. (Лондонъ, 24 сентября).

Этотъ тонъ звучитъ во всѣхъ телеграммахъ, корреспонденціяхъ, документахъ еврейской стороны междоусобія, начиная съ 23 августа и до сего дня. И, какъ я уже писалъ, сквозь него явственно слышится:

— А не то...

Что, собственно говоря, „не то“? Что, казалось бы, можетъ предпринять разсѣянное по земному шару, безгосударственное еврейство противъ такой всесторонне могущественной державы, какъ Англія?

Однако, вотъ, пишетъ еврей журналистъ, сотрудникъ нѣмецкихъ газетъ, свидѣтель боя у Стѣны Плача и даже раненый въ немъ.

— „Не подлежитъ сомнѣнію: многія симпатіи, которыми англичане пользовались до сихъ поръ въ Палестинѣ, были въ тотъ день выбиты у евреевъ. Если не произойдетъ быстрая перемѣна системы, безо-

щадное наказаніе виновныхъ чиновниковъ, то возмущеніе евреевъ, направленное нынѣ только противъ чиновъ палестинскаго правительства, обратится противъ самой Англіи. Англія же не можетъ похвастать такимъ количествомъ друзей въ Азіи, чтобы она могла отказаться хотя бы отъ одного изъ нихъ“. („Фосс. Цейт.“, переп. въ „Сегодня“, № 240, отъ 30 авг.).

Однако, вотъ, полковникъ Веджвудъ тревожно предостерегаетъ:

„Въ Польшѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ уже начались антианглійскія демонстраціи, организованныя евреями по поводу событій въ Палестинѣ. Многіе считаютъ это признакомъ окончательнаго разочарованія въ британско-еврейскомъ сотрудничествѣ“ (2 сентября).

А 4 го сентября варшавскій органъ сіонистовъ „Нашъ Пшеглондъ“ вышелъ съ передовою статьею г. Давида Зохера подъ заглавіемъ: „Палестинскій мандатъ должна получить Польша“. Газета утверждаетъ, что Польша является единственнымъ государствомъ, способнымъ выполнить мандатъ въ пользу евреевъ. Если палестинскій мандатъ будетъ предоставленъ Польшѣ, то польское правительство въ контактѣ съ сіонистами устроитъ въ густо населенныхъ евреями центрахъ Польши сельско хозяйственныя и ремесленныя школы для подготов-

ки кадровъ эмигрантовъ въ Палестину. Палестинскій мандатъ въ финансовомъ отношеніи не принесетъ Польшѣ никакихъ потерь. Необходимо лишь создать армію изъ польскихъ евреевъ для защиты Палестины. На административные посты въ Палестинѣ Польша могла бы назначить, главнымъ образомъ, евреевъ“.

По мнѣнію газеты, палестинскій мандатъ въ рукахъ Польши все и всѣхъ устроить въ вождельннѣйшемъ порядкѣ. Даже арабы не будутъ противъ него возражать, такъ какъ Польша пользуется въ магометанскомъ мірѣ большими симпатіями. (Однако, едва ли такими большими, чтобы арабы жаждали посадить себѣ поляковъ на шею?).

Такъ какъ Палестина страна величайшихъ католическихъ святынь, то естественно, чтобы мандатъ на нее получило католическое государство, какова есть Польша. (О существованіи православныхъ славянскихъ государствъ и Греціи газета забываетъ: очевидно, съ той поры, какъ Россія изъ „Дома Пресвятой Богородицы“ обращена въ безбожный вертепъ СССР, православіе уже не считается вѣроисповѣданіемъ, заслуживающимъ политическаго вниманія: *c'est une quantité negligéable!*). „Въ экономическомъ отношеніи мандатъ будетъ

выгоденъ, какъ для Польши, такъ и для Палестины“.

Бредовый проэктъ? Ну, какъ вамъ сказать... Во первыхъ, я давно уже отвыкъ считать бредомъ гласно объявляемые еврейскіе проэкты, какъ бы ни фантастичны они были. Что, двадцать лѣтъ тому назадъ, могло быть фантастичнѣе еврейскаго государства въ Палестинѣ хотя бы и подмандатнаго? Однако, вотъ, оно существуетъ — и уже настолько реально, что, въ немъ вспыхнувшая, гражданская война встревожила весь міръ.

А во вторыхъ, еслибы даже этотъ польско еврейскій планъ былъ лишь фанфаронадой озлобленнаго фанатика сіониста, то и тогда онъ, въ условіяхъ политической минуты, имѣетъ очень опредѣленный и весьма реальный смыслъ:

— Просвѣщенные мореплаватели! Вы оказались плохими мандатаріями. Объявляемъ вамъ выговоръ и предостереженіе. Помните, что свѣтъ на васъ клиномъ не сошелся. Исправтесь, иначе мы вынуждены будемъ помѣстить въ газетахъ всего міра объявленіе:

„Ищутъ мандатарія, знающаго свое дѣло, крѣпкаго тѣлосложенія, не стараго, храбраго, послушнаго, безъ разсужденій согласнаго на всѣ услуги. Не пьющему предпочтеніе. Вознагражденіе приличное. Обратиться въ Палестинскую Экзекути-

ву сіонистовъ. Безъ рекомендацій не приходится, но можно и не отъ прежнихъ господъ“.

Комедія? Можетъ быть. Но еще большая комедія съ англійской стороны.

„Палестинскій мандатъ — невыгодное дѣло, — заявляетъ министръ колоній, лордъ Пасфильдъ (Томасъ Веббъ), но Англія не будетъ стараться отдѣлаться отъ трудной задачи и сохранить мандатъ и впредь. Англія сдѣлаетъ все, чтобы поддержать порядокъ въ странѣ и будетъ продолжать работу надъ осуществленіемъ своей задачи, — созданія еврейскаго національнаго очага въ Палестинѣ...“ (10 сентября)

Лордъ Розермиръ напечаталъ въ „Дэйли Мэйль“ статью, въ которой категорически требовалъ отказа Англіи отъ Палестинскаго мандата. Чтобы парализовать впечатлѣніе, сэръ Джемсъ Ларръ немедленно выступаетъ въ мандатной комиссіи Лиги Націй съ заявленіемъ:

— Несмотря на то, что управленіе Палестиной обходится намъ дорого, Англія не собирается отказываться отъ мандата. (17 сентября).

Въ томъ же духѣ „хотя, но“ отвѣчалъ въ Лигѣ Націй Гендерсонъ финляндскому представителю Прокопэ (знаю его, очень умный человекъ). Но, когда Прокопэ, не удовлетворенный, заявилъ желаніе слышать болѣе глубокое сужденіе о

причинахъ арабо-еврейскаго столкновения, Гендерсонъ предпочель промолчать.

Все это, конечно, гарнируется фразами вродѣ того, что „правительство Британской имперіи, консервативное или рабочее, знаетъ цѣну британскому слову и въ исторіи не бывало случая, когда бы британское правительство отказалось отъ осуществленія принятаго имъ на себя обязательства.“

Это звучитъ гордо, но нѣсколько устарѣло. Покойный Н. В. Чайковский въ Архангельскѣ и ген. Юденичъ въ Гатчинѣ имѣли случаи убѣдиться на собственномъ горькомъ опытѣ, что такіе примѣры бывали. Но не въ томъ дѣло.

А въ томъ, что Англія, несмотря на всѣ свои вздохи о невыгодности, неудобствѣ и затруднительности для нея палестинскаго мандата, держится за него обѣими руками, а если бы его у нея стали отнимать, то вцѣпитя и когтями и зубами.

— Въ Англіи, — говоритъ сіонистъ М. Нурохъ, — палестинскій мандатъ не популяренъ среди населенія, такъ какъ народъ боится, что однажды онъ потребуеть посылки войскъ въ Палестину и вызоветъ увеличеніе налоговъ, но крупные политики понимаютъ его важность. (23 сентября).

Понимають ее, кромѣ крупныхъ англійскихъ политиковъ, злѣйшіе

враги англійской политики: коммунисты и социалисты. Заключается же она вовсе не въ привычкѣ Англии свято держать однажды данное слово, но въ томъ, что палестинскій мандатъ — геніально наложенный броневой щитокъ на весьма уязвимую пяту неуязвимаго британскаго Ахиллеса.

10.

Извѣстный англо-русско еврейскій пулицистъ Діонео (Исаакъ Шкловскій) освѣтилъ броневое значеніе палестинскаго мандата въ небольшой, но весьма интересной статьѣ подъ заголовкомъ „Почему равнодушна Англія къ событіямъ въ Палестинѣ“.

Заголовокъ неудаченъ, потому что несправедливъ. Гдѣ же „равнодушіе“, если, по первому грому арабскихъ безобразій, въ Палестину были двинуты войска съ Мальты и изъ Египта, въ бухтахъ Хайцы и Яффы легли пять броненосныхъ крейсеровъ, а въ воздухѣ закружили десятки аэроплановъ, сыпавшихъ бомбы, не жалѣя, во всякое, замѣченное внизу, арабское скопище? Разстрѣливали арабовъ тоже въ изрядномъ количествѣ. Особенно послѣ того, какъ одному изъ скопищъ удалось поколотить англійскій отрядъ.

Нѣтъ, Англія усмиряла междоусобіе совсѣмъ не равнодушно, а, на-

противъ, даже жертвуя своими людьми, чего она, охъ, какъ не любить! Когда, въ самомъ началѣ арабскаго возстанія, потерпѣла крушеніе отправленная на усмиреніе, воздушная эскадра и погибло нѣсколько англійскихъ солдатъ (писали даже, что 35), это не произвело громкой сенсаціи, скорѣе, было замолчано... Нѣтъ, какое же равнодушіе! Еслибы просвѣщенные мореплаватели въ такой мѣрѣ были „равнодушны“, когда Юденичъ подступалъ къ Петрограду, а Миллеръ держался въ Архангельскѣ, то судьбы русскаго сѣвера были бы съ легкостью исторгнуты изъ большевицкихъ когтей, ослабѣвшихъ было и готовыхъ разжаться...

Сіонисты не скрываютъ ни отъ самихъ себя, ни отъ міра, что симпатіи англійскаго общества клонятся гораздо больше въ сторону арабовъ, чѣмъ къ нимъ. Но это политическая романтика: вродѣ того, какъ русское общество нѣкогда обожало и воспѣвало „черкеса“. Практическая же политика очень хорошо понимаетъ, что палестинскій арабъ — разбойникъ прошлый, настоящій или будущій. Притомъ, особенно неудобный тѣмъ, что европейской культурѣ онъ поддается плохо, а къ размноженію способенъ весьма, фанатикъ Ислама — стало быть, естественный союзникъ неисчислимыхъ магометанскихъ мил-

ліоновъ Азіи и Африки, — и далеко не обиженъ военными дарованіями. Ладить съ нимъ можно и должно, держа его одновременно и въ лести и въ страхъ, но довѣрять ему нельзя. А между тѣмъ Англіи приходится съ нимъ считаться и, скрѣпя сердце, оказывать ему довѣріе въ дѣлѣ жизненной важности. Такой важности, что, рухни это дѣло, и Англія перестаетъ быть владычицей морей и чуть ли не должна объявить банкротство.

Великая война выяснила, что Суэцкій каналъ совсѣмъ не такъ надежно защищенъ съ востока Синайскою пустынею, какъ думали раньше. Нѣмцы и турки прошли пустыню и открыли, что ключъ къ Суэцкому каналу лежитъ весьма далеко отъ него: въ Палестинѣ. Это — „хинтерландъ“ Суэцкаго канала, опорная база къ владѣнію имъ. Поэтому, Палестина необходима Англіи и должна была бы быть ея колоніей. Но въ ней перекрещиваются такъ разнообразно и остро религіозные интересы христіанскихъ государствъ Европы, что обратитъ Палестину въ англійскую колонію формально было бы трудомъ тяжелымъ, щекотливымъ и неблагодарнымъ.

Сіонистовъ англичанамъ, что называется, „Богъ на шапку послалъ“. Просвѣщенные мореплаватели тутъ убили однимъ выстрѣломъ не двухъ,

а, по крайней мѣрѣ, полдюжины зайцевъ. Получили возможность сдѣлать красивый историческій жестъ, открывъ евреюству, послѣ девятнадцативѣковаго политическаго небытія, надежду и путь государственнаго возрожденія: „національный очагъ“. Въ формѣ подмандатнаго арабо еврейскаго государства, приобрѣли самую настоящую колонію: вѣдь палестинскій мандатъ, единственный изъ всѣхъ, даетъ мандатарію суверенныя права. Противопоставили „симпатичному, но ненадежному, анархическому, полукочевому арабскому элементу консервативный элементъ буржуазной еврейской осѣдлости, которая, заботясь о собственномъ благополучіи, тѣмъ самымъ приводитъ въ благополучное состояніе и фактическую англійскую колонію. Наняли, за квартиру, чуткаго сторожа (столь добывай самъ!) своего Суэцкаго канала противъ покушеній на него со стороны Азіи и всякой соціалъ коммунистической Евразіи.

Большевики ругательно зовутъ сіонистовъ „цѣпными собаками англійскаго капитализма“. А по наблюденіямъ сіонистовъ, августовскій взрывъ палестинскаго междоусобія былъ подготовленъ на денежки большевицкой пропаганды: опять грабили ограбленный русскій народъ, чтобы, на добычу грабежа, обучать грабежу еще не грабившихъ! Боль-

поискахъ челоуѣчествомъ новыхъ валютъ, способныхъ замѣстить золотую. Революція обучила богатый классъ, угрожаемый посконными дырявыми карманами, брилліантовой валютъ, предпочтительной по своей удобоноскости и легкой укываемости. Весьма усвоили эту валюту также и посконные дырявые карманы, когда „грабятъ награбленное“. Но это узко классовое, условное. Для всей же шири мірового обмѣна стали серьезно обсуждаться валюты натуральными продуктами первой необходимости — главнымъ образомъ, хлѣбной и топливной (угольной, нефтяной). Если міру суждено еще разъ претерпѣть эпидемію международной рѣзни, — а невѣроятнаго въ томъ ничего нѣтъ: недаромъ же каждый мало мальски явственный призракъ войны повергаетъ въ панику не столько враждующіе народы, сколько „всю Европу“, — то продуктивныя валюты побѣдятъ золотую, и золото изъ самосцѣнности сползетъ къ тому же размѣнному значенію, какое теперь имѣетъ по отношенію къ нему, серебро.

Недавно одинъ итальянецъ выпустилъ въ свѣтъ книжку парадоксовъ, иногда довольно удачныхъ.

Не странно ли, спрашиваетъ онъ, что благородными металлами называются только тѣ, которые совершенно или почти бесполезны чело-

Тамъ большевицкая Москва обрабатываетъ тысячи арабскихъ паломниковъ на „грабь награбленное“: наука слишкомъ не трудная для полудикарей: они, и безъ того, рады тащить все, что плохо лежитъ... Оттуда плыветъ непрерывно волна неукротимой ненависти къ европейскому капиталистическому государству, въ представительствѣ на Азіатскомъ материкѣ исконной царицы капитала, Англии. А, чтобы ненависть эта была не статической, но динамической, большевицкая пропаганда приспособляется къ средѣ, предъ которой проповѣдуетъ.

Въ мягкотѣлой, ослабѣвшей духомъ, податливо вывѣтренной отъ религіи, запуганной Москвѣ большевикъ, опираясь на самогонный нигилизмъ безпардоннаго „шлющагося народа“, Стенькина пролетариата, ломаетъ Иверскую часовню, издаетъ „Безбожника“, устраиваетъ въ Христову ночь праздникъ Антихристу, обращаетъ соборы въ музеи антирелигіознаго похабства. Въ Аравіи, Сириі, Палестинѣ, гдѣ религія крѣпка, какъ камень, изъ котораго, чуть ударь по немъ кресаломъ, летятъ искры, большевикъ прячетъ свое бе-божіе въ карманъ и дѣлается фанатическимъ ревнителемъ Ислама — хоть ставь его въ муфти! На лету ловить искры раздраженія и поджигаетъ ими арабскія массы на революцію, вербуя союз-

никовъ вовсе не въ пролетаріатѣ, какъ хвалится, а, напротивъ, въ слояхъ духовенства, помѣщиковъ, купцовъ: въ средѣ мѣстнаго капитала, испуганнаго и притиснутаго къ стѣнѣ пришлымъ капиталомъ англо-еврейскимъ.

Когда воры хотять ограбить хозяйскій домъ, первое, что они дѣлають, отравляють ядомъ или пришибають обухомъ дворовую собаку, чтобы не лаяла и не кусала за икры. Разъ большевики считаютъ сіонистовъ „цѣпными собаками англійскаго капитализма“, естественно было для нихъ направить арабскій обухъ именно на сіонистовъ. Тѣмъ болѣе, что эти „цѣпныя собаки“ не изъ смиренныхъ, но брехучія и кусачія. Значительная часть еврейства недовольна, слишкомъ разусердствовавшимися въ пропагандѣ еврейскаго примата, „сіонистами-ревизионистами, съ Жаботинскимъ во главѣ, да и сами сіонисты сознаются, что они своею заносчивостью не мало содѣйствовали раздраженію арабовъ.

Въ результатъ, по совокупности взаимодѣйствующихъ причинъ, арабскіе верхи начали агитацію, какъ мѣстную, такъ въ англійскихъ политическихъ сферахъ, противъ Рутенберга, своими силовыми станціями „захватившаго въ свои руки экономическое хозяйство страны“, противъ Новомійскаго, „завладѣвшаго

Мертвымъ моремъ со всѣми его неисчислимыми богатствами*. И т. д. А арабская чернь, въ одинъ прескверный день, по ловко поданному знаку кого то, рѣшившаго использовать удобный религіозный предлогъ и моментъ обоюднаго фанатическаго обостренія, набросилась на евреевъ у „Стѣны Плача“, въ Хевронѣ, Сефедѣ и т. д. И пошла ятаганить безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ, на глазахъ, совершенно растерявшейся было на первыхъ порахъ, англійской власти.

11.

Есть въ мірѣ сила, несомнѣнно крупная и могущественная, однако чрезвычайно преувеличиваемая укоренившимся суевѣріемъ.

Это еврейскій капиталъ.

Признаюсь, что, когда я слышу рѣчи о непобѣдимомъ всемогуществѣ еврейскаго капитала, мнѣ дѣлается неловко, словно пришелъ я слушать серьезную лекцію профессора политической экономіи, а, вмѣсто него, занялъ трибуну мальчикъ въ курточкѣ и залепеталъ арабскую сказку о сокровищахъ Аладина. И такъ и ждешь:

— Ну, аргументъ непобѣдимаго капитала проѣхалъ. Сейчасъ выползетъ на свѣтъ аргументъ всемірнаго еврейскаго заговора и санхендринъ семи сіонскихъ мудрецовъ...

Все это не такъ. То есть: мудре-

цы то, руководящіе національнымъ сохраненіемъ и движеніемъ еврейства въ его международномъ разсѣяніи, дѣйствительно имѣются, но ихъ вовсе не семь, какъ злыхъ духовъ древняго сумерійскаго заклинанія. таинственныхъ, безыменныхъ и безликихъ, а, можетъ быть, семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь. И имена ихъ, откровенно печатаемая на визитныхъ карточкахъ, хорошо извѣстны, какъ евреямъ, такъ христіанамъ тѣхъ странъ, гдѣ они дѣйствуютъ. Капиталь же еврейскій, дѣйствительно, огромный, играя чрезвычайно значительную роль въ международномъ денежномъ хозяйствѣ, далеко не такъ властно представленъ въ хозяйствѣ промышленномъ и аграрномъ. Обладатели наиболѣе крупныхъ промышленныхъ производствъ и земельныхъ богатствъ въ странахъ царственнаго капитала, въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ, не евреи. Если бы, — воображая возможнымъ невозможное, — христіанскій капиталъ однажды весь проникся духомъ воинствующаго антисемитизма и ополчился соединенными силами на еврейскій капиталъ, то послѣдній, хотя и послѣ катастрофической финансовой революціи, былъ бы, въ концѣ концовъ, раздавленъ.

Такъ что сила еврейскаго капитала вовсе не въ громадности его накопленія и ширины экономиче-

скаго захвата. Намъ, очевидцамъ русской революціи и ея европейскихъ отраженій, должно быть хорошо и опытно понятно, что эти накопленія и ширина — условности, дѣйствительныя лишь до чернаго дня, когда онѣ разлетаются пухомъ и прахомъ подъ дуновеніемъ голоштанниковъ, чуждыхъ всякому накопленію и болѣе, чѣмъ суженныхъ въ своей житейской экономикѣ. И это я не о прямомъ „грабѣ награбленное“ говорю, которое имѣло мѣсто въ Россіи, а вообще о выявленіи нашею эпохою призрачнаго характера денегъ, ничтожества ихъ, какъ таковыхъ, когда за ними не стоитъ сила твердаго національнаго достоянія.

Я постигъ эту истину горькимъ опытомъ собственнаго разоренія. Бѣжавъ въ августѣ 1921 г. изъ Петрограда съ семьей, самъ шесть, въ чемъ были и безъ гроша въ карманѣ, я, однако, имѣлъ въ запасѣ надежный шансъ: контрактъ съ крупной издательской фирмой въ Стокгольмѣ, по которому было мнѣ еще не доплачено 8.000 шв. кронъ. Фирма эта меня гнуснѣйше надула: ссылаясь на *force majeure*, заплатила только тысячу кронъ. Обстоятельства были жуткія, пришлось подчиниться. Добрались кое-какъ до Берлина. Здѣсь мнѣ повезло продать нѣскольکو моихъ сочиненій, въ общемъ, на 250.000 марокъ. Пятьдесятъ я полу-

чиль одновременно, пятьдесятъ въ Прагѣ превратились въ 25.000 чешскихъ коронъ, на каковыя мы, шестеро, и существовали шесть мѣсяцевъ, пока дружеское участіе президента Масарика не дало намъ возможности добрѣться до своего мѣста въ Италіи.

Здѣсь, казалось бы, имѣли, — на что жить: въ запасѣ, вѣдь, оставалось дополучить 150.000 герм. марокъ, благоразумно разсроченныхъ, во избѣжаніе собственнаго неблагоуразумія, на частичное полученіе въ опредѣленные числа. Но благоразуміе то и оказалось верхомъ неблагоуразумія. Марки мнѣ были выплачены честно, но... въ порядкѣ инфляціи. Въ іюль 1922 года за присланныя мнѣ очередныя 6.000 марокъ я имѣлъ удовольствіе получить въ размѣнѣ 300 итальянскихъ лиръ, въ сентябрѣ — 50, а дальше за германскія деньги ужъ и вовсе ничего не давали. Ибо германская марка достигла того блистательнаго уровня, который когда то мрачно предсказывалъ Щедринъ русскому рублю, что будетъ на немъ напечатано:

— По предъявленіи сего, подателю изъ размѣнной кассы Государственнаго банка выдается плюха.

И, такимъ образомъ, надувшій меня мошенникъ Стокгольмъ принесъ мнѣ, значить, выгоды всетаки много больше, чѣмъ формально испол-

нившій обязательство честный Берлинъ. Вотъ что такое деньги, когда онѣ символизируютъ государство, котораго экономическая подкладка распоролась и виситъ клочьями. Условность цифръ и предательское ничтожество!

Скажете:

— Да, когда онѣ—печатная крашенная бумага. А золото? Вѣдь, еврейскій то капиталъ — золотой!

Да, золото сила, безспорная извѣчно, и прочность его власти изумительна, почти мистична. Но безусловна ли она, это еще тоже вопросъ. Именно теперь, послѣ великаго народотрясенія міровой войной и революціонными бурями. Онѣ выяснили съ яркою наглядностью во первыхъ, необычайную легкость перемѣщенія золотыхъ накопленій путемъ насильственныхъ захватовъ; во вторыхъ, малую выгодность захватнаго золота, потому что захватчикъ не въ состояніи его уберечь, а вынужденъ спускать въ чужія руки, какъ „хапанное“, съ большимъ убыткомъ противъ стоимости.

Большевики завладѣли всѣмъ русскимъ государственнымъ золотомъ и частными его накопленіями. Разбогатѣли они отъ этого? Нѣтъ. Для поддержки своего существованія мечутся въ поискахъ займовъ у ненавистныхъ имъ буржуазныхъ государствъ и должны „разбазаривать“, доставшуюся имъ въ когти,

Россію по дешевымъ цѣнамъ. Совершенно такъ же, какъ карманникъ, вытащивъ у прохожаго золотой хронометръ, спускаетъ его скупщику хапаннаго за десять процентовъ стоимости и бутылку водки.

Послѣдите внимательно за ходомъ большевицкой торговли въ Европѣ расхищенными русскими цѣнностями. Въ ней равно отвратительны, что продавцы, что покупатели. Пожалуй, эти вторые даже хуже. Я, когда читаю корреспонденціи о подобныхъ торгахъ, какъ то всегда вспоминаю шоссейные типы Левитова: какъ „пришоссейный паренекъ“, сорвавъ съ проѣзжей барыни накладную косу, спѣшитъ спустить ее кабатчику.

— „Говорятъ, онѣ дороги — косы то эти.

„Начался осмотръ длинной черной косы, мягкой, душистой. Цѣловальникъ глубокомысленно разглаживалъ ее, встряхивалъ, щелкалъ ею, какъ пастушьимъ кнутомъ и, наконецъ, сказалъ:

— „Косырь отпускаю, — дави.

— „Вонъ оно — косырь! Ей цѣна то, знаешь, какая? Слѣпая! Этакое добро то за косырь? Черти! Туда же хотятъ всякою вещью торговать.

— „Не лайся! Вотъ тебѣ три шкалика, да щей со свиной волью. Жри“

И парень принялся жрать, урча

надъ деревянной чашкой, какъ голодный волкъ.

Только теперь все это — словно подъ микроскопомъ, увеличивающимъ въ миллионъ разъ. Пришосейный паренекъ выросъ гигантомъ во всю „компартію“, а ему соотвѣтствуетъ цѣловальникъ ростомъ во всю Европу, и сдѣлки между ними свершаются не на шкалики и ши со свиной, а на миллионы, однимъ платимые, другимъ жадно хватаемые тамъ, гдѣ въ приличномъ, честномъ торгѣ спросъ и предложеніе сходились бы на миллиардахъ.

Да, золото — сила страшная. И, однако, двадцатый вѣкъ и, въ особенности, послѣднее пятнадцатилѣтіе, очень потрясли авторитетъ золота. Великая война явила, что государство, богатое золотою валютою, очень рискуетъ, однако, погибнуть смертью царя Мидаса — отъ голода., лежа на кучѣ золота.

„Скупой рыцарь“, накопившій въ своемъ „подвалѣ тайномъ“ шесть „вѣрныхъ сундуковъ“ золота, восклицалъ:

Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ,

Отселѣ править міромъ я могу!
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги... и т. д.

Но въ томъ то и „загвоздка“, что — „лишь захочу“. Анъ, хотѣнья то и не было. И просто ссы-

паль „дублоны старинные“ въ кучу, напугавъ ихъ:

Ступайте, полно вамъ по свѣту
рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ че-
ловѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и по-
кою,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ
небесахъ!..

То есть, въ потенціальности безъ приложения“, въ которой сила не разнится отъ безсилія и власть отъ безвластія. И въ горестномъ ожиданіи неизбѣжности, что придетъ страшный наслѣдникъ:

Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ ото-
претъ,
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные со-
суды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ на-
поить.
Онъ расточить...

Весь этотъ предсказанный процессъ гибели потенціального золотого могущества замѣчательно точно прошелъ предъ нашими глазами въ русскую революцію, съ тою только разницею, что сокровища текли не въ атласные, а въ посконные дырявые карманы. Текли, утекали и вытекли.

Четверть вѣка тому назадъ, мнѣ случилось однажды слышать вопль политическаго „Скупого Рыцаря“. Это было въ японскую войну вскорѣ послѣ гибели „Петропавловска“. Пріѣхавъ къ С. Ю. Витте на Каменноостровскій проспектъ для условленнаго свиданія, я засталъ опальнаго министра въ состояніи какого-то холоднаго бѣшенства. Не было достаточно бранныхъ словъ, которыми не угостилъ бы онъ виновниковъ и сторонниковъ злополучной войны отъ предѣльныхъ верховъ до предѣльныхъ низовъ. И, между прочимъ, съ рѣзкостью отчеканилъ.

— Эти умники обрадовались золотому фонду, который я скопиль. Подумаешь, надолго хватить имъ моего золотого фонда, если у нихъ этакъ пойдутъ топить броненосцы!

А, вѣдь, для того, чтобы скопить этотъ золотой фондъ, я выжалъ Россію, какъ лимонъ!

Прозаическое сокращеніе поэтическаго четверостишія:

— Да! если бы всѣ слезы, кровь
и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ...

Потрясенность золотого авторитета сказывается въ инстинктивныхъ

шевики не очень и отрицают это такъ какъ громогласно объясняютъ междоусобіе „возстаніемъ арабскаго пролетаріата“. Сіонисты же опредѣляютъ это объясненіе „втираніемъ очковъ“.

Какой пролетаріатъ въ странѣ, гдѣ на кв. километръ приходится всего 16 человѣкъ и идетъ,—удачно ли, нѣтъ ли, — огромное хозяйственное строительство, на которое не хватаетъ людей? Чѣмъ чѣмъ другимъ, а бездѣльемъ и скупостью сіонисты не грѣшны: высоко подняли цѣны на землю и рабочія руки. Да и что за странное пролетарское возстаніе, которымъ предводительствуютъ муфтій, „эфенди“ и „лафундисты“?! Вѣдь, это все равно, что утверждать, будто большевицкій октябрьскій переворотъ сдѣлалъ митрополитъ во главѣ столбовыхъ дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ!

— Нѣтъ, — говорятъ сіонисты, — что арабы! что даже и муфтій! „Іерусалимъ дрожитъ отъ ярости и возмущенія, — пишетъ въ „Фоссише Цейтунгъ“ Вольфганъ ф. Вейсль, — но не противъ арабовъ, напавшихъ на евреевъ, и не противъ муфтія, изъ личнаго честолюбія разжигающаго религіозную ненависть своихъ приверженцевъ“. (30 авг.). Это — орудія, а корень то зла, мы знаемъ, гдѣ: въ совѣтскомъ посольствѣ въ Меккѣ.

вѣку, а тѣ, которые ему необходимы и служатъ вѣрою и правдою (жельзо, мѣдь, свинець), неблаго-родны? И съ драгоцѣнными камнями то же самое. Алмазь драгоцѣнный камень, пока онъ блестящая балаболка для украшенія, и никто не почтетъ его драгоцѣннымъ въ рѣзакѣ стекольщика. У насъ этого итальянца 175 лѣтъ тому назадъ предупредилъ Ломоносовъ разсужденіемъ о пользѣ стекла: „Неправо о стеклѣ тѣ думаютъ, Шуваловъ, которые стекло чтутъ ниже минераловъ“. И оба правы. По существу своему, золото — лишь вѣчный капризь челоуѣчества, подобный тѣмъ временнымъ капризамъ, что обуяютъ эпидемическою страстью къ тѣмъ или инымъ предметамъ, подымая ихъ цѣнность выше золота.

Что можетъ быть нелѣпѣе современной филателии? Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда хотѣли сказать, что челоуѣкъ изсякъ и нигде больше не годится, его называли „использованною маркою“. А въ наше время Аваловъ-Берманъ на филателическую игру содержалъ худо ли, хорошо ли, какую ни есть, армію. Полторасти лѣтъ тому назадъ, золотая валюта пасовала предъ голландскимъ тюльпаномъ, а въ вѣкѣ Нерона — предъ столиками изъ лимоннаго дерева.

Нѣтъ, сила и власть еврейскаго

капитала совсѣмъ не въ его количествѣ и матеріальномъ качествѣ, а въ пламени національнаго духа, оживляющаго капиталъ. Еврейское золото — расплавленное. Тысячами ручьевъ или, точнѣе, правильныхъ, искусно проложенныхъ, каналовъ течетъ оно по земному шару, отовсюду направляемое въ море общей національной цѣли. Оно распадается на тысячи задачъ, но — всѣ съ однимъ предписаннымъ рѣшеніемъ: сохранить въ еврействѣ сознание себя избраннымъ народомъ, какимъ объявилъ его Ягфе Моисею на Синаѣ, и достигнуть осуществленія и признанія этой избранности, живя своеобычнымъ народомъ среди иноплеменныхъ народовъ. Въ этой національно-служебной дѣятельности съ еврейскимъ капиталомъ не въ состояніи сравниться ни одинъ изъ христіанскихъ капиталовъ нашего времени, а нашъ русскій — въ особенности.

12.

Зарубежные русскіе очень не любятъ дѣленія на „эмигрантовъ“ и „бѣженцевъ“: каждому бѣженцу хочется, чтобы его считали эмигрантомъ, и любой эмигрантъ, почитающій себя въ правѣ на сіе храброе именованіе, недовольно сморщится, если вы, по простотѣ душевной, зачислите его въ бѣженцы. А, между тѣмъ, дѣленіе это естественно необ-

ходимо и чѣмъ дальше, тѣмъ больше опредѣляется само собою. Никто не дѣлитъ зарубежную массу, — сама дѣлится. Бѣженство ширится, не смотря на свирѣпствующее въ немъ возвращенство, плодится и множится. Эмиграція старѣетъ, вымираетъ, узится. Прилива въ нее изъ Россіи почти нѣтъ, внутреннее пополненіе, приходящимъ къ дѣйствительному возрасту, молодымъ поколѣніемъ слабо. Да еще, вотъ, „дѣтей“ угораздило накинуться съ упреками на „отцевъ“, а „отцы“, не кстати разгорячась, костятъ „дѣтей“ и такъ, и этакъ. Но о семъ наименьше. Я освѣдомленъ объ этой схваткѣ боевой очень односторонне, пресловутаго нынѣ „Нашега Знамени“ не видалъ ни одного номера, — значить, и судить могъ бы только по полемическому ворчанію „отцовъ“. А это судъ опасный и неправый. Какой же русскій полемистъ не старается, прежде всего, выставить своего идейнаго противника такимъ дуракомъ и прохвостамъ, чтобы читателю и взглянуть то на него было противно? „Плюнь, душечка, и ножкой разотри!“.

Когда заводится рѣчь о слабой активности рус. Заруб. немедленно выдвигается возраженіе въ духѣ знаменитаго коменданта крѣпости, к о т о р ы й не салютоваль Фридриху Великому по семнадцати причинамъ, изъ нихъ же первая бы-

ла, что — „нѣтъ пороха“. Фридрихъ, какъ извѣстно, не поинтересовался слышать остальныхъ. Можетъ быть, сдѣлалъ ошибку. Потому что, хотя салюта чрезъ то, все равно, не получилъ бы, но, крайней мѣрѣ, узналъ бы, мимоходомъ, куда дѣвался порохъ.

— Бездѣйствуемъ, потому что не имѣемъ средствъ на дѣйствіе. Мы, эмигранты, бѣдны, нищіе. Гдѣ же намъ бороться, если мы едва существуемъ? Посмотрите, какъ мы ужасно живемъ, какъ, ради хлѣба насущнаго надрываемся въ трудѣ, намъ не свойственномъ и непосильномъ, какъ мы изнемогаемъ, болѣемъ, калѣчимся, умираемъ преждевременно, сколько въ нашей средѣ самоубійствъ...

Все это, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно и то, что столь бѣдственное и презрѣнное состояніе эмиграціи можетъ быть прекращено единственнымъ способомъ переходомъ ея изъ бездѣйствія въ дѣйствіе, изъ прокисанія въ безплодномъ ругательно-нейтральномъ выжиданіи невѣдомо чего отъ невѣдомо кого на положеніе боевое.

А, что для этого нѣтъ средствъ, это еще требуетъ провѣрки. Да, если и дѣйствительно не окажется средствъ, то бьется же чуть не голыми руками Братство Русской Правды, сколько хватаетъ силы и помогаетъ Богъ, подъ своимъ свя-

тымъ знакомъ Восьмиконечнаго Креста съ надписаніемъ: „Господи, спаси Россію!“ Какія „средства“ имѣла въ распоряженіи Марья Станиславовна Захарченко Шульць? На чьи средства уничтожилъ царубійцу Войкова героическій мальчикъ Борисъ Коверда?

Не въ средствахъ главное дѣло, а въ рѣшимости дѣйствовать. Въ рѣшимости начать ту войну, которая сама себя — кормить. Будетъ дѣйственность, — найдутся и средства, а подъ лежачій камень и вода не течетъ. Довольно ужъ того позора, что, съ позволенія сказать, проквасили Врангеля и в. кн. Николая Николаевича. Неужели будемъ ждать, покуда вовсе вымретъ поколѣніе вождей—участниковъ и героическаго офицерства Великой и Гражданскихъ войнъ, поколѣніе боевого закала и опыта, способное внушать довѣріе, дисциплинировать и вести?

Средствъ нѣтъ... Да точно ли ужъ такъ вовсе нѣтъ?

„Съ одной стороны“, дѣйствительно, какъ будто, нѣтъ. По крайней мѣрѣ, Зарубежье оказалось на сихъ дняхъ настолько бѣдно, что допустило себя до новаго религіознаго позора: проданъ съ аукціона берлинскій русскій соборъ, выстроенный всего два года тому назадъ, освященный въ прошломъ году. Проданъ за 148 тысячъ марокъ ка-

кому то нѣмцу, настолько любезному, что обѣщаетъ оставить церковь въ покоѣ, не обращая ее въ торговое помѣщеніе, и воспользоваться только нижнимъ этажемъ зданія для магазина. Очень любезный нѣмецъ, но — почему же любезность, въ столь критическій моментъ, оказываетъ злополучному храму нѣмецъ, а не русскій или, если не было одного русскаго, которому она подъ силу, то не русскіе?

Одинъ берлинецъ мнѣ такъ и пишетъ:

— Эхъ, Александръ Валентиновичъ, гдѣ ужъ намъ стоять за Иверскую, какой ужъ намъ Дѣмъ Пресвятой Богородицы, когда мы свой собственный храмъ, въ глазахъ нашихъ бывшій, проворонили, какъ слѣпые?!

Я долженъ признаться, что къ затѣѣ сооруженія берлинскаго собора относился, въ свое время, довольно скептически. Оно, конечно, какъ будто хорошо — благочестиво, внушительно, благолѣпно. Но, если судить по здравой логикѣ, то — зачѣмъ эмиграціи ли, бѣженству ли великолѣпная каменная церковь?

Я понимаю, что можно и должно отстаивать таковыя всѣми средствами тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, воздвигнутыя для потребностей былыхъ русскихъ посольствъ, колоній

и путешественниковъ. Это наши церковно-историческіе памятники. Ихъ, скажу прямо, лучше было бы разрушать, чѣмъ отдавать въ поганья большевицкія лапы, еслибы не надежда, что „большевизмъ умретъ, а Россія не умретъ“. какъ гласитъ второй девизъ БРП, и что храмы эти, значитъ, опять будутъ русскими, православными, а новое освященіе выгонитъ изъ нихъ Антихристову вонь.

Я понимаю, если эмиграція, гостя въ православной странѣ, какъ Югославія, Болгарія, выстроитъ церковь или часовню, которая затѣмъ останется одновѣрному народу памятью пребыванія признательныхъ русскихъ братьевъ. Такъ, напр., читалъ я въ газетахъ, что есть намѣреніе воздвигнуть въ Бѣлградѣ точную копию разрушенной московской Иверской часовни и помѣстить въ ней точную же копию Аѳонской иконы, копией коей была наша Московская. Если есть на то средства, мысль превосходная, нельзя же пожелать ей быстраго осуществленія.

Но, вообще то, развѣ русское Зарубежье собралось на вѣчную осѣдлость, что вздумало строить въ чужихъ странахъ каменные церкви? Оно — кочевая орда, на походѣ. Значитъ, достаточно для него и походныхъ церквей. Полотняный патеръ, деревянная „обы-

денка“, просторная чистая комната, гдѣ возможно отдѣлить иконостасомъ пространство для алтаря: таковы храмы странствующихъ.

Думаю, что, когда насъ обуреваютъ устремленія благочестиваго строительства, полезно перечитать седьмую главу второй Книги Царствъ:

„Сказалъ царь Давидъ пророку Наѳану:

— „Вотъ, я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ“.

Но отѣтнымъ отъ Господа словомъ было:

— Ты ли построишь Мнѣ домъ для Моего обитанія, когда Я не жилъ въ домѣ съ того времени, какъ вывелъ сыновъ Израилевыхъ изъ Египта, и до сего дня, но переходилъ въ шатрѣ и въ скиніи? Гдѣ я ни ходилъ со всѣми сынами Израиля, говорилъ ли Я хотя слово: почему не постройте Мнѣ кедроваго дома?

И затѣмъ, отказавшись отъ храма, какъ несвоевременнаго, Господь указываетъ, когда настанетъ время храмостроительства:

— „Я устрою мѣсто для народа Моего, для Израиля, и укорѣню его, и будетъ онъ спокойно жить на мѣстѣ своемъ и не будетъ тревожиться больше, и люди нечестивые не станутъ болѣе тѣснить его. Успокою тебя отъ всѣхъ враговъ

твоихъ... Возставлю послѣ тебя сѣмя твое и упрочу царство его. Онъ постронтъ домъ имени Моему, и Я утвержу престоль царства его“...

Внушительный смыслъ этого замѣчательнаго текста:

— Пока не упрочена цѣлокупность націи, пока не завершено побѣдою и не обезпечено прочно національное дѣло, національная религія не нуждается въ храмопостроительствѣ. Она довольствуется скиніей: ея единящая сила живетъ въ полномъ могуществѣ и подъ шатромъ.

Гонимая старая вѣра, поповщина древляго православія, просуществовала съ одикономъ и полотняною церковью 250 лѣтъ, что ничуть не ослабило религіозной твердости и энергии старообрядчества. Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ“. Когда на Стародубьѣ начали строиться церкви, старовѣрческая эмиграція отнеслась къ нимъ недоброжелательно, какъ къ новшеству, излишнему, пока она на чужбинѣ.

Но изъ того, что едва ли есть необходимость въ храмопостроительствѣ, конечно, нисколько не слѣдуетъ, чтобы храмъ, однажды воздвигнутый и освященный, могъ подвергнуться упраздненію и поруганію продажею съ аукціона, постигшею берлинскій соборъ. Онъ былъ созданиемъ неосторожнаго

идеалистическаго порыва, понадѣяшагося на религіозно-жертвенную энергію паствы и зарвавшагося, поэтому, въ кредитѣ. Но то, что, въ роковую для него годину, онъ былъ преданъ православнымъ Берлиномъ на публичное торжище, словно просроченные въ закладѣ часы, — это такъ постыдно, что словъ нѣтъ. Если есть люди, виноватые умышленно или злоумышленно въ томъ, что къ новозданному собору приблизился такой позоръ, то дѣло эмиграціи разслѣдовать ихъ вины и съ каждымъ поступить по заслугамъ. Но церковь то надо было спасти. Иначе опять не уйти намъ отъ жестокаго слова: дрянно съ!

Какое уваженіе къ своей вѣрѣ можете вы, именующіе себя православными, внушить иновѣрной Европѣ, когда, — не говоря уже объ ужасахъ гоненія въ СССР, гдѣ безнаказанно оскверняются, расхищаются, уничтожаются ваши святѣйшія святыни, — храмы въ „лимитрофныхъ“ государствахъ осуждаются на разрушеніе, подъ предлогомъ, что они де не религіозныя зданія, но политическіе памятники „царизма“? Когда въ Польшѣ надъ православными церквями опять безобразничаютъ ксендзы, словно въ XVI-XVII вѣкѣ? Когда въ государствахъ свободныхъ и вѣротерпимыхъ ваши старые храмы вѣчно висятъ на ниточкѣ отъ опасности

быть отсуженными въ гражданскомъ порядкѣ большевицкимъ полпредствомъ? Когда воздвигаете новые храмы только для того, чтобы подставлять ихъ подъ молотокъ аукціоннаго оцѣнщика?

Милостивые государи мои! Слышали вы когда-нибудь, чтобы въ девятнадцативѣковомъ „голусѣ“ еврейства была продана за долги синагога?

А сейчасъ пришли газеты,—прочиталъ отчетъ судебного разбирательства, какъ былъ загубленъ берлинскій храмъ. Оказывается, все устроилось бы, если бы не предательство „евлогіанской“ части православной колоніи, малочисленной, но деньгодержательной по преимуществу. Представитель ея прямохонько заявилъ, что для поддержки храма „требуется разрѣшеніе отъ митрополита Евлогія“.

— То есть отъ Москвы? съ улыбкой (должно быть, очень ядовитой!) возразилъ судья.

Могутъ же люди сами напрашиваться на подобныя пощечины!

13.

Такъ нѣтъ у Зарубежья капиталовъ на борьбу за Россію, за свой Домъ Пресвятой Богородицы?

Прискорбно, очень прискорбно!

Но, вотъ, читаю въ газетахъ.

Антрепренерша русской оперы поссорилась со своимъ управляю-

щимъ и уволила его. Тотъ противъ нея — искъ въ 850 тысячъ франковъ. Антрепренершѣ надо ѣхать въ Америку, а истецъ, въ послѣдній передъ отъѣздомъ моментъ, наложилъ арестъ на театральнй багажъ: антрепренершѣ играть въ Америкѣ будетъ не съ чѣмъ. Чтобы безпрепятственно двинуться въ путь, антрепренерша немедленно вносить залогъ въ 850 тысячъ франковъ и — „плыви, мой челнъ, по волѣ волны!“.

Будто у этой „эмигрантки“ нѣтъ капитала?

Знаменитый пѣвецъ, можно сказать, облопавшійся баснословными гонорарами въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, находитъ, что ему все еще мало и всесвѣтно шляется, продолжая ковать, ковать, ковать деньгу. Давнымъ давно уже миллионеръ, домовладѣлецъ въ Парижѣ, въ Миланѣ, кажется, и въ Нью - Йоркѣ. Самъ о себѣ повѣствуетъ печатно, какъ онъ недавно гдѣ-то, будучи на гастроляхъ, обѣдалъ съ друзьями и прожралъ, въ одинъ присѣсть, три тысячи франковъ.

Впрочемъ, нашель, что дорого и обидѣлся. Повѣствуетъ:

— Я, конечно, заплатилъ, но счетъ сохранилъ и показалъ директору театра. Если, говорю, въ вашемъ городѣ съ меня такъ деруть за простой обѣдъ, не ясно ли, что я

долженъ увеличить свой гонораръ соотвѣтственно здѣшнимъ цѣнамъ?

До того ошалѣлъ человекъ отъ денежнаго обжорства, что уже не соображаетъ, какимъ наивнымъ самообвиненіемъ дышитъ его похвальба жалобой на какого-то плута-трактирщика: „приписаль, подлець!“... А „подлець“, будучи строго допрошенъ, вѣроятно, возражалъ тоже не безъ наивности:

— Ежели я и приписаль, то, помилуйте, съ чего же нашему брату и наживать, какъ не съ бѣшенныхъ денегъ? Коль скоро онъ деретъ втридорога съ публики за невестственное, что у него идетъ изъ глотки, почему же мнѣ не содрать съ него малую толику за вещественное, что ему идетъ въ глотку?

Какъ хотите, но и этотъ „эмигрантъ“ тоже не безъ капитала!

Отставной танцовщикъ дягилевскаго балета купилъ въ Италиі островъ на Салернскомъ заливѣ и воздвигаетъ на немъ замокъ. Сомнѣваюсь, чтобы подобныя архитектурныя поэмы могли осуществляться безъ миллионнаго капитала.

Мнѣ скажутъ:

— Вы берете исключительныхъ удачниковъ.

Нѣтъ. Это только очень яркіе примѣры, обнаруживающіе на личностъ капитала, хотятъ того или не хотятъ его обладатели. Капитала же, думающаго свою наживную

крѣпку думу безъ шуму, неистинно больше. Какъ успѣшно вывезеннаго изъ Россіи, такъ и благопріобрѣтеннаго въ бѣженствѣ.

Читайте внимательно газетную хронику и газетныя объявленія. Среди фактовъ и призывовъ, вопіющихъ о тяжкой, безвыходной нуждѣ и, подгоняемомъ ею, непосильномъ трудѣ большинства эмиграціи, вы легко найдете слѣды подспуднаго капитала, держамаго меньшинствомъ.

Когда я вижу объявленіе: „дешево продаю горжетку и боа“, — это голось, подступившей къ эмигранткѣ, нужды.

Или: баснословно дешево и въ широчайшую разсрочку предлагаю богатый ассортиментъ почти совсѣмъ новаго, не взятаго заказчиками, платья“, — понимаю: слѣдовательно, есть обширный кругъ зарубежниковъ, которые не въ состояніи одѣться прилично (а безъ этого въ Европѣ даже и нищимъ нельзя быть) иначе, какъ баснословно дешево и въ широчайшую разсрочку. Но, когда я читаю: „покупаю мѣха (боберъ, соболь, черноб. лиса) въ неограниченномъ количествѣ на наличный расчетъ“, тутъ и спросъ кричитъ о капиталѣ (даже огромномъ: вдругъ, принесутъ, по старинному счету, сорокъ сороковыхъ собольихъ пупковъ, — ну-ка, купи на наличныя, какъ вызывался!), и

предложеніе, располагающее предметами такой высокой цѣнности, не говорить о бѣдности. А если и говорить, то объ условной, такой, которая, чтобы средне существовать, вынуждена поступиться избыткомъ: спустить предметъ роскоши.

Одно изъ прискорбнѣйшихъ униженій русскаго Зарубежья — служба интеллигентныхъ, благородныхъ, часто даже титулованныхъ бѣженцевъ и бѣженокъ по ресторанамъ, кафешантанамъ, мебелированнымъ комнатамъ, отелямъ. Это — нужда.

Но для кою нибудь существуютъ же рестораны, общающіе „барскій“ столъ и „изысканную“ кухню подъ управленіемъ такихъ то и такихъ то прославленныхъ въ кулинарномъ міркѣ „шефовъ“.

Кто нибудь да живетъ же не въ мебелированныхъ комнатахъ просто, но въ „роскошно“ мебелированныхъ со всѣми удобствами совершеннѣйшаго „комфорта модернъ“, включительно до радіо въ комнатѣ, не говоря уже о телефонѣ.

Кто нибудь долженъ же пожирать икру, балыки, тешку, семгу, осетрину, дагестанскіе огурцы и пр., и пр. въ многочисленныхъ гастрономическихъ магазинахъ, зазывы которыхъ манятъ аппетитъ читателя съ послѣднихъ полосъ парижскихъ газетъ. Для иностранцевъ, что ли, все это?

Конечно. нѣтъ. Если-бы для иностранцевъ, какой смыслъ былъ бы помѣщать въ русскихъ газетахъ, которыхъ иностранцы не читають, объявленія, стоящія огромныхъ денегъ? Какой смыслъ былъ бы награждать всѣ эти питательно-веселыя учрежденія типическими русскими названіями въ „пѣтушковомъ стилѣ“, иностранцамъ непонятныя, требующія для иностраннаго усвоенія обширныхъ вразумительныхъ толкованій?

„Садко“, „Золотой Пѣтушокъ“, „Шехеразада“ (все почему то изъ Римскаго Корсакова), „Боярскій Теремъ“, „Елисеѣвъ, гдѣ водка прямо со льда!“ и съ восклицательнымъ знакомъ. И т. д., и т. д.

Нѣтъ, это не для иностранцевъ. Это для русскихъ, у которыхъ есть весьма и весьма свободныя деньги. И такихъ русскихъ оказывается въ Парижѣ (главный центръ бѣженства) достаточно, чтобы доходомъ съ нихъ жило нѣсколько десятковъ жратвенныхъ заведеній всякаго рода. Пользованіе ими доступно изъ 30.000 русскихъ парижанъ (кажется, ихъ столько, если не больше) едва ли двадцати процентамъ. Откуда слѣдуетъ, что на каждую сотню русскихъ бѣженцевъ этого разряда приходится, приблизительно, по одному харчевно-питейно-увеселительному учрежденію.

Какъ же, послѣ того, скажешь, что у бѣженцевъ нѣтъ денегъ?

А русскія лошади на скачкахъ? А русскіе кубки на спортивныхъ состязаніяхъ? А безчисленные русскіе скупщики брильянтовъ и прочихъ драгоценныхъ камней? А русскіе домовладѣльцы? Въ прошломъ году на одного изъ нихъ напала враждебная печать за то, что онъ отказалъ въ помѣщеніи, не помню уже какому Союзу, имѣвшему свое бюро въ его домѣ, — въ самомъ бойкомъ центрѣ Парижа.

— Помилуйте, — съ достоинствомъ возразилъ домовладѣлецъ, — я же, въ замѣнъ этого помѣщенія, представилъ Союзу другое въ другомъ моемъ домѣ въ еще лучшемъ кварталѣ Парижа!

Что называется, знай нашихъ и скинь-ка шапку, скинь-ка шапку, да пониже поклонись!

А участіе русскихъ въ иностранныхъ банкахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ или служба въ такихъ на отвѣтственныхъ должностяхъ съ соотвѣтственнымъ содержаніемъ включительно до участія въ прибыляхъ? А модные магазины и мастерскія русской знати и всякіе „энститю де ботэ“? А... Да, впрочемъ, что считать! Примись только, съ утра до вечера не перечесть!

Не для обличенія и укоровъ я это пишу. Не нравоучитель и никакихъ претензій на эту роль не имѣю. Да и ничего достойнаго обличенія

или укоровъ нѣтъ въ томъ, что люди сохранили свои деньги или сумѣли ихъ опять нажить. Напротивъ, весьма почтенно. А кто имѣетъ деньги, тотъ, конечно, имѣетъ право и расходовать ихъ, какъ ему нравится. Учительствовать тутъ, считая въ чужомъ карманѣ, просто смѣшно. Это Василій Степановичъ Курочкинъ нѣкогда вопіялъ, хлопая въ перемежку сатирическимъ бичемъ и пробками откупориваемыхъ бутылокъ шампанскаго:

Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло,
На безобразіе есть!

А нашему вѣку, прошедшему сквозь свирѣпую большевицкую пытку и лютую казнь русскаго капитала подъ девизомъ „грабь награбленное“, не приходится бичевать капиталъ только за то, что онъ капиталъ и не стремится къ стяжанію Монтионовой преміи за добродѣтель. Она же, кстати, упразднена, — то есть разумѣю: премія, а не добродѣтель. Сія послѣдняя еще стыдливо водится кое гдѣ въ дѣвственныхъ лѣсахъ и горныхъ трущобахъ.

Да и несправедливо. Не все же русскій зарубежный капиталъ жретъ икру и проводитъ жизнь свою въ эмпиреяхъ. Не мало творится имъ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ, вносятся пожертвованій къ благу бѣ-

женства, цѣлесообразныхъ и плодотворныхъ. Напр., хотя бы на этихъ послѣднихъ дняхъ, жертва Вонсяцкаго на учрежденіе русскаго кадетскаго корпуса во Франціи: самое умное педагогическое предпріятіе за всѣ годы эмиграціи, потому что военно - патріотическое воспитаніе своей молодежи ей нужнѣе всякаго другого. Университетскіе опыты За-рубежья несомнѣнно полезны для удержанія его на достаточно культурномъ уровнѣ, но не въ состояніи воспитать въ немъ образованнаго офицера, т. е. главнаго, необходимаго работника будущихъ вооруженныхъ дѣйствій русскаго освобожденія.

Извѣстная широкая благотворительность (денежная и трудовая) Юсуповыхъ, многихъ великихъ княгинь и княженъ, нѣсколькихъ аристократическихъ и капиталистическихъ эмигрантскихъ фамилій. Люди, что называется, сами живутъ и другимъ жить даютъ. И, конечно, такое житіе ихъ вѣнчается честью и благодарностью. Впрочемъ, не всегда. Юсуповымъ, въ знакъ признательности, была подложена частью эмиграціи достаточно гнусная свинья. Но этотъ плачевный фактъ клонится къ стыду никакъ не капитала, но пользующихся капиталомъ и, въ то же время, науськивающихъ на капиталъ.

Нѣтъ, безъ всякихъ обличеній и укоровъ, я просто хочу установить тотъ фактъ, что дельги у насъ въ эмиграціи есть, и борьба съ большевиками могла бы быть капитализирована гораздо лучше, чѣмъ наблюдаемъ до настоящаго времени.

Однако, вотъ, сказалъ и уже впалъ въ ошибку. Ибо у насъ-то въ эмиграціи, — у интеллигентнаго и рабочаго пролетаріата, — дѣйствительно никакихъ денегъ нѣтъ, нищи на удивленіе всѣмъ Европамъ, созерцающимъ, недоумѣвая западно-буржуазнымъ недоумсліемъ, какъ это мы бьемся, бьемся, рыбами объ ледъ, и все не можемъ доколотить себя до смерти. Мнѣ на дняхъ буквально въ такихъ выраженіяхъ высказалъ свое изумленіе къ загадочности нашего существованія одинъ мой, не весьма удовлетворенный, кредиторъ. И, увы, насъ такихъ въ Зарубежьѣ не менѣе 75-80 проц., считая и эмиграцію, и бѣженство, а въ эмиграціи политическаго значенія, пожалуй, и всѣ 95 проц.

Но, за то, у нихъ то, у остальныхъ 20-25 проц. капитала предостаточно. И самое плачевное въ русской эмиграціи — что она не представляетъ собою, хотя бы малюго подобія экономической цѣльности, не имѣетъ хотя бы приближительнаго общаго уровня состоятельности, но рѣзко дѣлится на

„мы“, нищее большинство, и „они“, богатое меньшинство. Середины нѣтъ. Наша эмиграція — переглядка двухъ экономическихъ крайностей, раздѣленныхъ глубокимъ проваломъ. Средняго класса въ ней нѣтъ. А отсюда выросла и главная трудность и для смычки къ единодѣйствию въ противобольшевицкой борьбѣ.

Въ настоящее время бѣдствіе провала сознано обѣими группами эмиграціи, и замѣчаются устремленія его, если не засыпать и заровнять, то обезвредить, уменьшивъ глубину и сблизивъ края. Измышляются средства, прилагаются усилія къ тому, чтобы повысить уровень матеріальнаго достатка эмиграціи, обходя слабый палліативъ благотворительности, уже давно обнаружившій свою несостоятельность. Вмѣсто него предлагаются палліативы болѣе сильнаго дѣйствія, — организаціи взаимопомощи, предложенныя двумя проектами, — г. Любимова и проф. Коренчевскаго, — исходящими изъ разныхъ точекъ отправленія, но идущими къ одной цѣли. Проекты эти оказались настолько своевременными, что кто то, обрадовавшись, сдѣлалъ довольно крупное пожертвованіе на осуществленіе одного изъ нихъ — „все равно, котораго“, лишь бы поскорѣе: не позже, чѣмъ черезъ годъ.

Все это похвально и прекрасно. Однако, ни на волосъ не приближаетъ отвѣта на существеннѣйшій вопросъ эмиграціи — о себѣ самой: для чего она образовалась, сложилась и живетъ подъ чужими ей небесами и властями, и... къ чему же это ведетъ и чѣмъ кончится?

14.

Взаимопомощь, какъ и благотворительность, въ состояніи только поднять нѣсколько уровень матеріальныхъ условій эмиграціи на мѣстахъ ея прозябанія и, слѣдовательно, увеличить число терпѣливыхъ, способныхъ и согласныхъ ждать. „Годить“, какъ это состояніе опредѣлилъ когда-то горько и ядовито М. Е. Салтыковъ. Сроковъ же выжиданія и взаимопомощныя организациі не сократятъ ни на день единый. Благо отъ нихъ будетъ только то (и то хорошо, и ради того уже стоитъ ихъ осуществить), что часть нынѣшняго эмигрантскаго полукошевого „люмпен пролетаріата“, съ безработицы и голодухи падающаго на дно жизни, получить нѣкоторый шансъ превратиться въ осѣдлый пролетаріатъ трудящійся и „годить“ не на днѣ, но вися гдѣ то по середкѣ между дномъ и поверхностью, „на воздухѣхъ“. И, такъ какъ эмигранты народъ невзыскательный и терпѣливый, то многіе къ такой висячей позиціи отлично привык-

нуть, ею удовлетворятся и скажутъ на томъ русско-парижскомъ нарѣчїи, которое теперь усерднѣйше не то высмѣиваютъ, не то внушаютъ безпечальные парижскіе юмористы:

— Живонъ э ле пэнъ жевонъ!

Съ чѣмъ и можно будетъ поздравить, и, конечно, давай Богъ всякому. Но дальше то, дальше то что же? Для чего же вы, всетаки, тутъ за рубежомъ „живе э ле пэнъ жеве?“.

На этотъ вопросъ никакая взаимопомощь дать удо летворительнаго отвѣта не въ состояніи. Тянули эмигрантскую канитель съ брюхомъ, затынутымъ отъ голодухи на послѣднюю дырку ремня, потянемъ ее, распустивъ ремень на дырку предпослѣднюю. Только и всего. „А возъ и нынѣ тамъ!“. А, покуда онъ тамъ, — старѣніе, вымираніе, привычка къ тянутію партійныхъ канителей, со скуки отъ оныхъ равнодушное погруженіе въ обывательщину, денационализація, уходъ въ чужое подданство, положеніе потомства, для котораго русскій языкъ чужой, Россія — мифологическое сказаніе, и — „моя хата съ краю, я ничего не знаю!“. Всѣ тѣ бѣдственныя ступени эмигрантской „деградаци“, которую мы и теперь, мучимые инстинктомъ самосохраненія, пытаемся задержать десятками, сотнями, чуть не ежедневно приду-

мываемыхъ, палліативовъ. И плохо, — ахъ, какъ плохо они помогаютъ!

Это нисшествіе со ступеньки на ступеньку замѣчаетъ и, какъ будто, начинаетъ потрухивать его, даже и сама зарубежная бѣжено-обывательщина. Въ излюбленномъ ея органѣ, „Иллюстрированной Россіи“, въ № 44, помѣщена чудесная карриатура талантливаго Mad'a — „Годы проходятъ“ — въ шести рисункахъ, графически изображающихъ „эволюцію“ противобольшевицкой эне́ргіи преуспѣвающаго бѣженца.

Годъ первый. Прямо съ парохода. — Убійцы! Преступники! Будь они прокляты. Разстрѣливаютъ невинныхъ, залили кровью всю страну!

Годъ второй. Въ Константинополѣ. — Нѣтъ, это возмутительно, ужасно! Гоненіе на религію, разрушеніе храмовъ! И Европа молчитъ!

Годъ третій. Въ Берлинѣ. — Ну, что вы скажете?! Распродаютъ цѣнности, вывозятъ все изъ дворцовъ и музеевъ!

Годъ четвертый. Въ Парижѣ, оперясь. — Одно государство за другимъ признаетъ ихъ, заключаетъ съ ними договоры... хе хе!

Годъ пятый. Въ Парижѣ, за столикомъ Кафе де Ла Пэ, оперившись. — Да, да, конечно, это равнодушіе иностранцевъ къ тому, что происходитъ въ Россіи, возмутительно. (А у самого, подлеца, рожа:

— И чего ты, постылый человекъ, съ разговоромъ о Россіи ко мнѣ пристаешь? Только, что не принято признаваться вслухъ, а то, правду то говоря, наплевать мнѣ съ высокаго дуба!).

Годъ шестой. Въ Парижѣ, собственная квартира, за кофе съ супругой, совсѣмъ преуспѣлъ и процвѣлъ. — Супруга: Что новаго въ газетѣ? Онъ: Ничего особеннаго: разрушеніе Иверской часовни, продажа какихъ то художественныхъ цѣнностей за границу, разстрѣлы...

Пять лѣтъ тому назадъ, я напечаталъ въ „Возрожденіи“ (еще редакціи П. Б. Струве) нѣсколько статей, указывавшихъ на фатальную опасность раздвоенія эмиграціи на „мы“ и „они“ и предостерегавшихъ, что эволюція „ихъ“ непременно должна привести Зарубежье къ разложивнію въ аполитическое мѣщанство. Основная статья моя такъ и называлась „Два стана“, а потомъ поддерживали ее „Терпѣніе на волоскѣ“, „Весъегонскіе Володи“ и „Терніи ожиданія“. Послѣдняя статья была вся составлена изъ писемъ эмигрантовъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта. Сколько ихъ было тогда и какъ всѣ они были прекрасно однообразны! Бодрость къ борьбѣ, готовность на всѣ лишенія и жертвы ради борьбы, гнѣвъ на вынужденное бездѣйствіе, недоваѣріе къ проповѣдямъ ожиданія, жажда подви-

га, исканіе вождей, надежда на Вождя.

Весь этотъ порывъ, весь полетъ дѣятельной мечты кружился около строившагося тогда костра Зарубежнаго Съѣзда: чаяли, что онъ ярко вспыхнетъ высокимъ пламенемъ и зажжетъ путеводные маяки освободительнаго движенія.

Но онъ только чадилъ, коптѣлъ, шипѣлъ, какъ иллюминаціонныя плошки съ саломъ подъ дождемъ, да лилъ „слова, слова, слова“! Слова тѣхъ, кто имѣлъ возможность и желаніе терпѣть и ждать, увѣщавшія къ терпѣнію и жданью тѣхъ, кто ждать не имѣлъ никакой возможности, а терпѣть — уже никакой охоты...

Говорили, писали, печатали, что Зарубежный Съѣздъ потерпѣлъ неудачу на почвѣ политическихъ разногласій, не нашедшихъ пути къ соглашенію.

Да, въ числѣ вторыхъ причинъ была и эта. Но, вѣдь, она была предвидѣна заранѣе. Едва ли кто либо изъ руководителей участниковъ рассчитывалъ искренне, что съѣздомъ всѣ объединятся и другъ друга обымутъ.

Нѣтъ, первыми причинами, тогда еще мало кѣмъ сознанными, были: моральною — что Съѣздъ оказался не въ состояніи предложить эмиграціи никакой активной программы къ немедленному исполненію;

матеріальною — економіческая не-
возможность для еміграції сохра-
нять себя на высотѣ боевой поли-
тической силы въ условіяхъ неопре-
дѣленнаго ожиданія — не знай че-
го, не знай когда, не знай гдѣ...

Post hoc, non propter hoc, — не
по причинѣ Зарубежнаго Съѣзда,
но послѣ него, — обозначилась въ
Зарубежьѣ та трещина, которую те-
перь неточно опредѣляютъ рознью
между „старыми и молодыми“, „от-
цами и дѣтьми“.

Опредѣленіе это ошибочно съ
обѣихъ сторонъ. Среди молодыхъ
и дѣтей много сорокалѣтнихъ и бо-
лѣе (обычный поводъ къ полемиче-
ской ироніи стариковъ—„отцовъ“),
а дѣло стариковъ-отцовъ часто за-
щищаютъ совсѣмъ молодые люди.
Не въ возрастѣ тутъ дѣло, а въ
позывѣ къ живой дѣятельности, въ
динамической энергіи, которой
ищеть и жаждетъ дѣеспособная
часть еміграції, наскучившая ста-
тистическою лже дѣятельностью, пе-
реминающихъ десять лѣтъ съ ноги
на ногу, разсуждателей.

Трещина эта — явленіе очень
прискорбное. Тѣмъ болѣе, что ее
довольно ловко использовали боль-
шевики. Вѣдь, зачинщикомъ дѣле-
нія еміграції на виноватыхъ „от-
цовъ“ и обвиняющихъ „дѣтей“,
помнится, и былъ Неандеръ; мер-
зѣйшій провокаторъ, нѣсколькс-
лѣтъ водившій за носъ пражское и

парижское студенчество и, къ сожалѣнію, оставшійся цѣлымъ и невредимымъ (даже не поколотили!), послѣ того, какъ былъ уличенъ и вынужденъ сознаться.

Но, вѣдь, неандеровщина, Еъразія и т. п. благоглупости, — паръ и дымъ роковой трещины, — суть лишь ошибочные взметы нервной среды, усталой отъ вынужденнаго безсмысленнаго застоя до готовности прыгнуть въ пропасть, лишь бы хоть какое нибудь движеніе.

„Хоть гірше та инше“. Это все дезертиры изъ полка, замаявшагося въ праздномъ, утомительно нудномъ, безконечномъ стояніи на смотру, на который, хоть ты что, не ѣдетъ ожидаемый главнокомандующій.

Проповѣдники выжиданія люди безспорно добродѣтельны, лично и политически, но неожиданнымъ плодомъ ихъ добродѣтельныхъ проповѣдей былъ тотъ, разъѣдающій и разлагающій эмиграцію, политическій развратъ, которымъ они теперь справедливо возмущаются первые и паче всѣхъ.

Развратъ компромиссовъ, лицемерно прикрывающихъ суетнею мнимаго дѣйствія фактическое бездѣйствіе; мнимымъ разногласіемъ съ большевиками — фактическое тяготѣніе къ соглашательству; вычурно жуликоватымъ выворачиваніемъ патріотической идеи такъ и

этакъ на изнанку — покладистую сдачу крѣпости отечества на капитуляцію врагу азіату, выдачу Петра Великаго въ плѣнъ Ленину.

Не знаю, буду ли я понятъ. Можетъ быть, многимъ покажется, что я играю парадоксами и даже просто говорю не лѣпости. Но, по моему, все наше отношеніе къ своему эмигрантству недоразумѣнно, фальшиво самообманно. Употребляются огромныя средства и усилія, чтобы эмиграція „преуспѣвала, оставаясь тою, какъ она есть“, — на это даже лѣнивый русскій капиталъ раскошелливается сравнительно охотно! Умиляемся трогательнымъ и дѣйствительно изумительнымъ подвижничествомъ ея самосохраненія.

Но, умиляясь, мы упускаемъ изъ вида, что въ подвижничествѣ этомъ эмиграція таетъ. Не только физическимъ вымираніемъ, но и политическимъ.

Самосохраненіе эмигрантовъ не есть самосохраненіе эмиграціи. Напротивъ. Чѣмъ большее геройство выказываетъ эмигрантъ въ подвижничествѣ самосохраненія, чѣмъ больше силъ теряетъ онъ въ борьбѣ за существованіе личное и своей семьи или близкихъ, тѣмъ менѣе пригоденъ дѣлается онъ для истинныхъ цѣлей эмиграціи — для патріотической борьбы изнашивается*). О

*) Статья моя была окончена и готова къ отправкѣ, когда пришелъ № варшавской га-

многихъ-многихъ тысячахъ изъ эмигрантскихъ миллионовъ можно сейчасъ сказать некрасовскими стихами:

Не предали они, — они устали
Свой крестъ нести:
Покинулъ ихъ Богъ мести и печали
На поль-пути...

И винить ихъ за то нельзя: глубоко несправедливо! Ибо дѣйствительно „не предали они“, а ихъ предала жизнь: нужда, непосильный трудъ на не своемъ дѣлѣ, оторванность отъ родной среды, разнообразное вліяніе и давленіе чужбины. Словомъ, сумма того подвижничества, которымъ въ эмиграціи принято гордиться, за которое эмигрантовъ иностранцы одобряютъ, тогда какъ въ дѣйствительности оно лишь глубокой жалости достойно, какъ зрѣлище медленнаго самоистощенія и самоубійства въ самообманѣ само-сохраненія.

Самосохраненіе безъ самоудовлетворенія. Принято восторгаться тѣмъ, что русскіе эмигранты оказались превосходными работниками во всѣхъ видахъ труда, предложенныхъ имъ чужбиною.

Восторги заслуженные, я готовъ

зеты „за Свободу“ съ поразительнымъ „человѣческимъ документомъ“, письмомъ нѣкого г. Кочевника на эту самую тему... „За челоуѣка страшно!“

А л. А м ф.

къ нимъ присоединиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но въ общемъ — для эмиграціи, какъ таковой, — они не только не утѣшительны, но звучать роковымъ похороннымъ звономъ.

Совершенно вѣрно, что эмиграція надрывается въ трудѣ ради хлѣба насущнаго. Но совершенно невѣрно, что она своимъ надрывомъ „работаетъ.“ „Работать“ значитъ дѣлать свое дѣло. То есть такое, къ которому приложить свои силы, способности и стараніе естественно для человѣка, въ согласіи съ условіями его рожденія, образованія, воспитанія, знанія, умѣлости, опыта и привычки обслуживать общество требуюмою, на основаніи этихъ данныхъ, пользою.

Отъ мужика до царя, отъ дикаря до совершеннѣйшаго интеллигент-эрудита, всѣ имѣютъ свое дѣло, въ которомъ они полезны и быть имъ свойственно, — въ области его они „работаютъ“: одинъ за плугомъ, другой на тронѣ, третій въ лѣсной пустынѣ, четвертый на университетской кафедрѣ и т. д.

Но если человѣкъ вынуждается тѣснящею жизнью къ дѣлу, ему не свойственному и ненавистному, это уже не работа, — развѣ что съ эпитетомъ „каторжная!“ — но рабскій яремъ. Человѣкъ подъ ярмомъ не работаетъ, но рабствуетъ, и имя ему не работникъ, но рабъ.

Въ своемъ насильственномъ трудѣ рабъ можетъ быть старателенъ, прилеженъ, искусенъ, терпѣливъ, можетъ заслужить одобреніе и симпатію хозяевъ, кормящихъ его за трудъ, можетъ, наконецъ, самъ собою быть доволенъ, въ сознаниі, что не даромъ ѣстъ хлѣбъ. Но, все таки, онъ только рабъ. И, хоть убейте, ничего гордаго и лестнаго не нахожу я въ томъ, что генераль „умѣвшій побѣждать“, съ достоинствомъ торгуетъ съ лотка папиросами и газетами въ Александріи; что предсѣдатель судебной палаты ловко ѣздитъ шофферомъ; что лихой офицеръ превращается въ неумолимаго шахтеннаго рабочаго; что талантливый литераторъ таскаетъ кули въ порту; что интеллигентныя русскія женщины служатъ горничными у „нуворишей“, кельнершами въ ресторанахъ и кабакахъ и т. д.; что для престо-рѣлаго профессора чуть не счастье найти „столъ и домъ“ въ званіи швейцара; что хорошій журналистъ хватается за мѣсто аккомпаниатора или конферансье; что казаки превращаются въ шутовъ, формируя кочевые хоры и цирковыя труппы; что солдатская, рабочая и крестьянская часть эмиграціи принуждена разсыпаться по краямъ земли, куда воронъ костей не заносилъ, и очень часто — уже въ прямое, откровенное, контрактовое рабство...

Каждый отдѣльный случай пони-

маю, предъ рѣшимостью страдать и терпѣть каждаго и каждой преклоняюсь. Но чтобы съ этимъ противоестественнымъ порядкомъ вещей можно было мириться, чтобы гордиться и хвалиться имъ, какъ дѣлающимъ намъ честь и заслуживающимъ особое уваженіе отъ созерцающихъ наше униженіе народовъ,— это ужь,—извините, милостивые государи,— „тмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ!“ Если въ насъ, русскихъ, сидитъ весьма значительная доля истерической жертвенницы Сони Мармеладовой, то западные народы далеко не отзывчивые неврастеники Раскольниковы, чтобы, въ нашемъ лицѣ, „страданію всего міра“ кланяться въ ноги..

Насъ терпятъ,—и за то ужь спасибо! — ибо и терпятъ то не всегда и не вездѣ.

Что же касается „уваженія“, то оно сказывается по адресу А, Б, В, Г, Д. и т. д. до конца азбуки, въ извѣстномъ, даже, пожалуй, значительномъ числѣ эмигрантскихъ именъ но остается подъ весьма крупнымъ и чернымъ знакомъ вопроса для эмиграціи въ совокупности.

Если бы это уваженіе было, то Европа больше намъ вѣрила бы, не томила бы насъ оскорбительнымъ международнымъ контролемъ визъ, паспортной волокиты, картъ д'идантите и пр., и пр. Слушала бы вни-

Мательно, что мы говоримъ ей о русскихъ дѣлахъ, не перемигивалась бы съ большевиками, не признавала бы СССР, не торговала бы „всякою вещію“, которую совѣтскій „пришоссейный паренекъ“ волочить на европейскіе рынки передъ глазами ограбленныхъ владѣльцевъ, въ эмиграціи сущихъ.

Вспомните хотя бы дѣло кн. Палѣй!

Нѣтъ. Уваженіе бываетъ только тамъ, гдѣ есть сила. только къ тому, съ чѣмъ надо считаться, чего надо бояться, что необходимо, чье исчезновеніе способно нанести серьезный ущербъ.

Мы же — эмиграція въ томъ видѣ и складѣ, какъ она есть, — нужны Европѣ, какъ съ позволенія сказать, собакѣ пятая нога, и чѣмъ скорѣе мы освободимъ ее отъ нашего пріятнаго присутствія, тѣмъ довольнѣе она будетъ.

Не сохраненіе эмиграціи нужно, при вступленіи ея во второе десятилѣтіе своего существованія, а выходъ изъ эмигрантскаго застоя, избавленіе отъ эмигрантства.

То есть, — отложивъ всякое иное житейское попеченіе, — сосредоточеніе всѣхъ не только помысловъ, чувствъ и желаній, но и всей дѣятельности на единой цѣли: отбить у большевиковъ захваченную ими Россію и возвратиться подъ родной кровью. Въ нашъ тысячелѣтній сла-

вочудской русской домъ-храмъ, въ Домъ Пресвятой Богородицы, подъ защиту Нерушимой Стѣны, милость Коей поможетъ намъ поднять изъ праха всѣ святая стѣны, опрокинутыя большевицкою наглостью, по нашей безопасности, нерадѣнію, попустительству. Сюда должна быть направлена вся энергія, вся трудо-способность, вся дѣловитость, храбрость, стойкость, мужественная сила эмиграціи. На то долженъ работать, долженъ быть непремѣнно привлеченъ къ работѣ весь ея капиталъ.

Но, какъ разъ, онъ то, зарубежный капиталъ, сравнительно отзывчивый, покуда рѣчь идетъ о поддержкѣ эмиграціи *in statu quo* путемъ палліативныхъ пластырей, впадаетъ въ робость, отлыниваетъ, „жметса и кряхтитъ“, какъ скоро въ двери къ нему стучится прямой вопросъ о томъ, чтобы разъ-эмигрантить эмиграцію. То есть вывести ее изъ болота на боевую дорожку, возвратить ей то боевое значеніе, безъ котораго она никакого значенія не имѣетъ, а всѣ мнимодвиженія въ ея нѣдрахъ, не исключая даже самыхъ симпатичныхъ и архи-культурныхъ,—не болѣе, какъ самоутѣшительныя маски самоубійственнаго застоя.

Плачевное банкротство (какъ дико звучить это рыночное слово въ примѣненіи къ храму!) Берлинскаго собора потрясло бѣженскую массу. Дождь пожертвованій.

Берлинскія власти разрѣшили однокдневный сборъ на выкупъ храма по улицамъ Германской столицы.

Въ Бѣлградѣ начинательницами сбора выступили двѣ отзывчивыя, — благочестивыя и великодушныя, — сербки. Епископъ Тихонъ пишетъ одной изъ нихъ, что, — возможно, — нѣмецъ, купившій церковь съ торговь, отдастъ ее по своей цѣнѣ, безъ надбавки.

Надѣется епископъ найти "возможность получить ссуду на остальную сумму, непокрытую пожертвованіями". Хотя это, собственно говоря, обозначаетъ: „надѣюсь, что, авось, какъ нибудь, выстрою фундаментъ къ зданію, для котораго есть крыша“, — но, все же, матеріальное дѣло, надо уповать, устроится. Морально оно продолжаетъ быть очень печальнымъ въ своихъ причинахъ, но радуется своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ, — что явило огромную часть бѣженства способною на жертвенный откликъ призыву православнаго алтара, стѣсненнаго нуждою до бѣды.

Внимательно слѣдя по „Новому Времени“ за пожертвованіями, вижу,

что сумма ихъ слагается, по преимуществу, изъ поступлений мелкихъ: 5, 10, 20, 30 динаровъ, — свыше идутъ почти исключительно коллективныя, отъ корпорацій, учебныхъ заведеній, церковныхъ приходовъ, цѣлыхъ колоній и т. д. То есть —слагающіяся изъ единичныхъ взносовъ опять таки по 5, 10, 20, 30 динаровъ.

Это красиво. Значить, „даютъ всё“. Умилительно и трогательно. „Съ міру по ниткѣ“. Какъ будто что то прямо изъ „Власа“:

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли...

Тутъ приходится споткнуться, — Некрасовъ измѣняетъ: совсѣмъ не „родной“, а, напротивъ, весьма даже „чужой“... Но не въ томъ дѣло.

Успѣшный сборъ на Берлинскій соборъ не исключеніе изъ множества подобныхъ же восторженныхъ сборовъ на возникающія въ Зарубежѣ духовныя нужды. Достаточно вспомнить ежегодный успѣхъ invalidныхъ сборовъ ген. Баратова. Эмиграція бѣдна средствами, но отзывчива сердцемъ и не спокойна совѣстью. Крикъ вопіющей русской нужды настигаетъ ее всюду, какъ бы далеко она ни укатилась отъ своихъ европейскихъ центровъ, обгоняя самыя могучія волны радіо,

и, однажды услышанный, всюду онъ развязываетъ тощiе кошельки и вынимаетъ изъ нихъ трудовыя лепты. Всего нѣсколько дней тому назадъ, я читалъ въ „Возрожденiи“ восторженную передовую статью по поводу „лептъ“, присланныхъ въ распоряженiе ген. Кутепова группою эмигрантовъ, занесенныхъ судьбою въ какую то совсѣмъ пустынную глушь на берегахъ Персидскаго залива.

Я очень слѣжу за списками пожертвованiй въ получаемыхъ мною газетахъ. Ни одна кружка не остается безъ падающихъ въ нее лептъ. Жертвенная готовность бѣженскихъ массъ неоспорима и много обѣщаетъ авторитетной силъ, — если найдется такая сила, — которая сумѣетъ и овладѣть ею, чтобы направить разбросанность ея теченiя безчисленными рукавами въ единое русло, устремленное къ единому устью, къ единой цѣли: къ истинно активной борьбѣ за освобожденiе Россiи отъ большевиковъ и приведенiе нынѣшняго ея хаоса въ государственный порядокъ. Былъ бы кличъ, а лепты будутъ. Онѣ сыпятся теперь даже въ самыя случайныя и „безотвѣтственныя“ кружки, — что же послѣдуетъ, когда выставлена будетъ кружка отвѣтственная и авторитетная — подъ властно зателѣнной „мировою свѣчой“?

Эпизодъ „лепты вдовицы“ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ трогательныхъ и поучительныхъ въ Евангеліи. Однако, если бы къ казнохранилищу іерусалимскаго храма подходили, жертвуя, только вдовицы съ лептами, то храмъ въ однѣ сутки обанкротился бы не лучше берлинскаго. Лепты суть только символы настоящей потребности народнаго духа участвовать въ томъ или иномъ благомъ дѣлѣ. Удовлетворяются же потребности благихъ дѣлъ не лептами, но капиталами. Іерусалимскій храмъ существовалъ и правилъ народомъ силою десятиннаго обложенія, обязательнаго для каждаго іудея, — поглощалъ одинаково десятину богатствъ, какъ десятину скудости. Этимъ колоссальнымъ накопленіемъ слагался капиталъ церковно-политическаго значенія: капиталъ теократическаго объединенія іудейства во всѣхъ предѣлахъ земли, основной капиталъ іудейской націи. Храмъ былъ правительственнымъ банкомъ, — казначействомъ и министерствомъ финансовъ международнаго іудейскаго капитала, активнаго повсюду, какъ въ іудеѣ, такъ въ діаспорѣ. Разрушеніе Іерусалима и храма въ іудейской войнѣ было, собственно говоря, гигантскою банковской экспроприацией. Римъ, руками Флавіевъ, экспроприровалъ вѣковой іудейскій

капиталь (впрочемъ, сильно пограбленый іудеями анархистами).

Лепты вдовиць велики на небесахъ передъ Господомъ, но на землѣ серьезныхъ политическихъ дѣлъ на нихъ дѣлать нельзя, — по крайней мѣрѣ, не рискуя поморить дѣлателей голодомъ, либо притупить ихъ энтузіазмъ недостаткомъ средствъ на дѣйствія въ рѣшительные моменты. Активная борьба русской эмиграціи съ большевиками — трагическая лѣтопись героизма, останавливаемаго на порогѣ каждого успѣха нехватками капитала.

И какими нехватками! Добро бы въ милліонахъ, въ большихъ тысячахъ. Нѣтъ, то и дѣло люди должны отказываться отъ непременно вѣрныхъ предпріятій, либо портятъ ихъ и сами въ нихъ погибаютъ, потому что нѣтъ денегъ на перелетъ въ аэропланѣ; потому что оплошали автомобиль или мотоциклетка устарѣлой системы; потому что, вмѣсто исправнаго оружія, должны довольствоваться бракованнымъ хламомъ; потому что не на что подкупить продажнаго непріятели, ие чѣмъ заплатить корыстному союзнику; потому что команду, босую, въ лохмотьяхъ, голодную и обезсилѣвшую, нечѣмъ накормить и привести въ боеспособное состояніе.

Хорошо извѣстная мнѣ, боевая дѣятельность Братства Русской Правды, третій годъ дѣлающаго мнѣ

честь свою довѣренностью, испещрена осѣчками по безденежью, котораго не въ состояніи преодолѣть жертвенный героизмъ братьевъ, съ безпредѣльнымъ мужествомъ полагающихъ душу свою за други своя. Каждый разъ, когда братьямъ удастся крупная противобольшевицкая операція, я гораздо болѣе удивляюсь, чѣмъ когда у нихъ проваливается, казалось бы, несомнѣнно вѣрно рассчитанное дѣло. Потому что безденежье осуждаетъ ихъ на хроническое перешибаніе плетью обуха. Хлещутъ такъ, что отъ обуха часто отлетаютъ щепки, но — сколько же напряженной силы и энергіи расточается напрасно, чтобы придать удару плети силу удара топоромъ.

Располагай БРП не то, что крупными, а хоть сколько нибудь достаточными средствами, давнымъ давно вся Бѣлоруссія была бы не въ разбросанныхъ тамъ и сямъ вспышкахъ противольшевицкихъ бунтовъ, но во всеобщемъ организованномъ возстаніи. Братья вынуждены быть революціонными кустарями въ то время, когда край настойчиво и требовательно зоветъ ихъ на широчайшій революціонный размахъ. А размахнуться то и нечѣмъ: есть сильная рука, да въ рукѣ то — плеть противъ обуха! А топоръ купить нѣтъ купила.

Въ минувшемъ августѣ БРП по-

теряло одного изъ важнѣйшихъ своихъ двигателей: герцога Георгія Николаевича Лейхтенбергскаго. Его некрологи прошли по всѣмъ эмигрантскимъ газетамъ.

Признаюсь, читалъ ихъ съ грустью и не безъ негодованія. Отмѣчались въ нихъ старыя служебныя заслуги герцога, его литературность, его меценатство; говорилось въ общихъ чертахъ (по большей части очень вяло и смутно) объ его патріотизмѣ и твердой противобольшевицкой стойкости. Словомъ, азбука, внѣшній формуляръ.

Но, за исключеніемъ „Новаго Времени“, перепечатавшаго характеристику герцога изъ „Русской Правды“, кажется, ни одна газета не потрудилась сообщить Зарубежью, что въ лицѣ этого замѣчательнаго человека оно лишилось боевого дѣятеля, который не словами, а дѣлами велъ активную противобольшевицкую борьбу — борьбу за то, чтобы Зарубежье перестало быть зарубежьемъ и возвратило себѣ утраченную Родину.

Да, въ то время, когда всѣ „лидеры“ разговаривали объ активизмѣ, сидя у моря и выжидая погоды съ рекомендаціями того же поведенія своимъ „Панурговымъ стадомъ“, герцогъ Лейхтенбергскій, безъ разговоровъ, воевалъ, принимая самое близкое, пылкое, упорное участіе въ дѣятельности БРП и по-

сильно финансируя его изъ своего, отнюдь не колоссальнаго, состоянія.

Все это было замолчано, а въ иныхъ некрологахъ между строкъ сквозили даже неприятыя намеки. Болѣе того, мнѣ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ газетахъ друзьямъ покойнаго лишь съ трудомъ удалось помѣстить некрологи, благоприятные герцогу. Да и тѣ увидѣли свѣтъ съ сокращеніями или оговорками, затемнившими въ характеристикѣ усопшаго его политическія сочувствія и дѣйствія.

А между тѣмъ это былъ не то, что одинъ изъ немногихъ, а почти единственный русскій „капиталистъ“, который служилъ своимъ капиталомъ дѣлу русскаго освобожденія такъ, какъ долженъ былъ бы служить имъ каждый.

Десять такихъ „капиталистовъ“, какъ герцогъ Лейхтенбертскій, соединившихся жертвенно въ дисциплинированной дѣятельности на общую цѣль вооруженной борьбы, могли бы финансировать не то, что кустарную гверилью БРП, но оплатить начало Нижегородскаго ополченія. За малымъ дѣломъ стало: глухъ на это ухо русскій капиталистъ и отговорчивъ. Подобенъ въ такихъ случаяхъ той бабѣ, которая, пока съ печи падаетъ, успѣваетъ семьдесятъ семь увертокъ придумать.

Любимѣйшая изъ нихъ:

— Вооруженная активность—это значитъ, возстаніе, рѣзня, терроръ, месть, насиліе. А я противъ террора. Если можно безъ этого, я готовъ, если нельзя, извините.

И, такъ какъ ни одинъ честный боець контръ революціи не возьметъ на душу грѣхъ соврать, будто она въ состояніи успѣшно работать безъ террора, — такія фразы проповѣдуются только людьми, или лицемѣрно надувающими другихъ, или прекраснодушно надувающими самихъ себя, — то, значитъ, бойцу — „извините,“ а, — въ доказательство жертвенной готовности „вообще,“ вносится малая искупительная толика въ какое-нибудь безвредно разговорное вмѣстилище терпѣливаго выжиданія. Благо развелось ихъ, что блохы!

Или, въ болѣе умномъ случаѣ, какъ я говорилъ уже — благотворительность на улучшение быта эмиграціи въ условіяхъ осѣдлости: палліативчикъ, понемногу перерабатывающій ее въ осмысленное бѣженство.

Лицемѣріе богатыхъ враговъ террора и насилія нагляднѣе всего обнаруживается слабымъ, чтобы не сказать: никакимъ, участіемъ русскаго капитала также и въ противобольшевицкихъ предпріятіяхъ, чуждыхъ прямымъ средствамъ насилія, но боевыхъ по смыслу, тону,

призыву. Не помогаетъ онъ боевому мечу, не помогаетъ и боевому слову.

Развѣ не удивительное явленіе, что эмиграція, впитавшая въ себя чуть не половину русской дореволюціонной интеллигенціи и всю дореволюціонную журналистику, живетъ безъ политической печати?

Два-три органа, старающихся быть вѣрными политическому назначенію своего эмигрантскаго бытія, влачатъ трудное и, прямо сказать, жалкое существованіе. Поддерживаемые исключительно читательскими „лептами вдовиць“, они, выходя сегодня, ни когда не знаютъ навѣрное, выйдутъ ли завтра.

Само собою разумѣется, что, въ подобныя условія, газета, при всей твердости общаго направленія, не можетъ вести твердой линіи внушенія и, подвергаясь множеству противодѣйствій, какъ систематически враждебныхъ, такъ несчастно случайныхъ, не достигаетъ той силы вліянія, которой достойна. Редакторъ одного такого изданія пишетъ мнѣ:

— Что вы ворчите на наши недостатки? Вы судите, какъ привыкли, по петербургски. А вы поймите: достаточно пьяному или обозлившемуся метранпажу однажды разсыпать наборъ, чтобы мы прекратились...

По уровню нынѣшней печатной техники, это значить издаваться въ условіяхъ пещерныхъ, троглодитскихъ. И въ такой то нуждѣ-бѣдѣ бьется вся (впрочемъ, это гордое слово, въ данномъ случаѣ, переводится: „одинъ, два, да и обчелся“) наша „политическая пресса“.

Жизнь сводится къ извѣстной жестокой игрѣ: „выкрутись, — попъ будешь!“ Тутъ, будь хоть семи пядей во лбу, никакой Герценъ, даже если помножить его на Рошфора, много не сдѣлаетъ!

Есть печать богатая, но она, во первыхъ, не политическая, а зарядъ обывательская, лишь одобренная политическимъ душкомъ, чтобы не слишкомъ откровенно вонять благодуществующимъ мѣщанствомъ. Политика въ ней не болѣе, какъ приживалка при крестословицахъ, городской и театральной хроникѣ, шахматныхъ задачахъ, спортивныхъ отчетахъ и обсужденіяхъ, конкурсахъ красоты, англійскомъ уголовномъ романѣ въ фельетонѣ. Во вторыхъ, изъ подобныхъ газетъ подавляющее большинство обезпечено не русскимъ капиталомъ, но еврейскимъ.

Единственное исключеніе — парижское „Возрожденіе“ А. О. Гукасова, которое начиналось подъ редакціей П. Б. Струве, какъ органъ, хорошо ли, худо ли, но опредѣленно политическій, и остава-

лось такимъ до неудачи Зарубежнаго Съѣзда. Затѣмъ политическій элементъ сталъ въ немъ убывать, а обывательскій наплывать.

Струве не сумѣлъ справиться съ наплывающей волной, осердился и ушелъ. А безъ него волна и вовсе захлестнула изданіе. Въ настоящемъ своемъ видѣ „Возрожденіе“ — типическая газета губернскаго русскаго города Парижа, который величиною этакъ съ дореволюціонный Воронежъ и живетъ приблизительно тѣми же интересами, слегка модернизированными по условіямъ времени и мѣста. Частію Парижъ оворонился, частію опаризился Воронежъ.

Значительнѣйшая изъ еврейскихъ газетъ, рижское „Сегодня“, недавно справившее десятилѣтіе своего существованія, превосходно обслуженное информацией и, вообще, построенное на американскій ладъ, есть уже не русская, но латвійская или, шире беря, „лимитрофная“ газета на русскомъ языкѣ, съ „аполитическимъ“ участіемъ многихъ русскихъ писателей, безразлично эмигрантскихъ или подсовѣтскихъ. Твердая противобольшевицкая позиція „Сегодня“, стойко сохраняемая умнымъ и много опытнымъ публицистомъ М. Л. Ганфманомъ, имѣетъ несомнѣнно полезное значеніе для русскихъ въ обслуживаемомъ газетою районѣ. Но пслитическимъ голо-

сомъ русской эмиграціи „Сегодня“, конечно, не можетъ назваться, да и не имѣетъ на то претензіи. Это просто хорошо издаваемая и ловко ведома, бойкая газета общаго „столчнаго“ типа, съ сильнымъ уклономъ отчасти въ „американизмъ“, отчасти въ „одессизмъ“, что, впрочемъ, по существу, одно и тоже.

Когда зарождается мысль объ эмигрантскомъ политическомъ органѣ, кто еще такъ наивенъ, что рассчитываетъ на русскій капиталъ? Стучатся за нимъ къ французскому націоналисту Коти, ѣдутъ собирать его въ Америку, пользуются связями какого либо сановника - финансиста царскихъ временъ, способнаго выпросить малую толику у своихъ бывшихъ европейскихъ контрагентовъ, занимають у бельгійцевъ, берутъ субсидію у Крамаржа, Бенеша и т. д.

„Борьба за Россію“—органъ политической и несомнѣнно имѣющій успѣхъ. Однако, и онъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ №№, объявилъ откровенно въ списокѣ, поступившихъ для него пожертвованій, — столько то „лептъ вдовицы“ и 60.000 франковъ отъ „сочувствующаго иностранца“. На-дняхъ я прочиталъ въ газетахъ извѣстіе, что два хорошихъ челоуѣка, старый другъ мой В. Л. Бурцевъ и г. Дуйе (быв. бельгійскій консулъ въ Одессѣ, авторъ многополезной противо-

большевицкой книги „Россия безъ вуаля“) организуютъ какую то новую группу активной борьбы съ большевизмомъ и основываютъ соотвѣтственную газету, съ помощью бельгійскихъ капиталистовъ. Обѣщаютъ строго проводить тенденцію русскаго самоосвобожденія, рѣшительно отвергая идею иностранной интервенціи... Признаюсь, при всемъ сочувствіи проповѣди „настоящаго активизма“, я отъ души разсмѣялся. Да основаніе то боевой (какъ обѣщаютъ Бурцевъ и Дуйе) русскаго организаци и газеты на бельгійскій счетъ, — это что? не интервенція, что ли? Какъ, право, русскіе люди любятъ обманывать себя словами!

Вотъ еще одна изъ наивнѣйшихъ „условныхъ лжей“ Зарубежья: отрицаніе интервенціи. Иностраннымъ капиталамъ для борьбы пользоваться можно и желательно, искать и чаять интервенцію — Боже, сохрани! Между тѣмъ, всѣ, кто не хочетъ жить въ ослѣпленіи самообманомъ, всѣ прекрасно знаютъ, что великій русскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ однѣми русскими силами, — ни извнѣ, ни изнутри. Даже въ томъ случаѣ, если большевики, какою - либо счастливою внезапностью, возьмутъ да сами падутъ, т. е. потеряютъ свою нынѣшнюю формальную диктатуру, — даже и тогда не дешево и не просто достанется Россіи воскресеніе изъ гроба, въ который заколотила ее ленинская шайка. Слишкомъ она сложна этнически, слишкомъ громадна территоріально, слишкомъ много у нея границъ, и на каждой границѣ — острый уголъ либо цѣпляющій крючекъ.

Будутъ новыя внѣшнія, но, пуще ихъ, гражданскія войны. Можетъ быть, лютейшія, чѣмъ Деникина, Колчака и Врангеля. Вмѣшательство въ нихъ Европы окажется необходимымъ. Все равно, какъ для трудной операціи надъ дорогимъ семьѣ, труднымъ больнымъ, въ дореволюціонной Россіи, не довольствова-

лись отечественными хирургами, а вызывали какого-нибудь Бильроти из Вѣны, либо Дуайена изъ Парижа, Бастіанелли изъ Рима и т. д. И платили имъ огромные гонорары. Грядущія интервенціи, конечно, тоже потребуютъ жуткихъ уплатъ. Придется поступаться и территоріями, и „нѣдрами“, и регаліями, и платить чудовищные проценты по займамъ, и заключать тягостные союзы, съ убыточными обязательствами. Пройти всѣ мытарства, сквозь которыя, триста лѣтъ тому назадъ, не убоаясь провести Московскую Русь великій вождь - патріотъ Михайло Васильевичъ Скопинъ Шуйскій, когда, уразумѣвъ, что ей самой очистить себя отъ Смуты не подь силу, призвалъ на помощь „кованую рать свейскую“.

Но вопросъ объ интервенціи слишкомъ обширенъ и глубокъ, чтобы касаться его мелькомъ. Оставляю его въ сторонѣ, замѣтивъ лишь, что я лично убѣжденъ въ ея — рано или поздно — фатальности, обусловленной необходимостью не только для Россіи, но, можетъ быть, еще больше для самой Европы. Да еще отмѣчу логическое недоумѣніе. Почему, если съ красными арміями будетъ драться бѣлое ополченіе, одѣтое, обутое, вооруженное и обученное на заемъ у иностраннаго капитала, (другихъ, вѣдь, источниковъ не предвидится), это — не интер-

венція? А если то же самое ополченіе усилить себя иностраннымъ отрядомъ, оплачиваемымъ изъ того самаго иностраннаго капитала, это— интервенція и... „что вы! что вы! Можно ли вести иностранцевъ бить своихъ братьевъ по крови!“... Какъ будто лупить брату брата — это какая то особенно священная фанфильная привилегія, въ которую чужакъ не суйся!

Я, однако, думаю, что братъ брату рознь. Когда первый большевикъ Каинъ ухлопывалъ своего брата, перваго буржуя - скотобода, Авеля, то сей послѣдній былъ бы очень доволенъ, если бы какой нибудь интервенгъ, вырвавъ у Каина дубину, самого его хорошенько треснулъ по макушкѣ... Но, за неимѣніемъ тогда на землѣ другихъ челоуѣковъ, интервенція не состоялась, и, въ результатъ, буржуй Авель остался лежать покойникомъ на землѣ, а большевикъ Каинъ забралъ себѣ его стадо. Чему и теперь мы свидѣтели - очевидцы въ подсовѣтской Россіи.

Я принадлежу къ числу тѣхъ „лубочно непримиримыхъ“, какъ изволилъ П. Н. Милюковъ именовать покойнаго М. П. Арцыбашева и согласныхъ съ нимъ въ патріотической вѣрѣ, которые рады бороться противъ большевиковъ подъ какимъ угодно знаменемъ, лишь бы это была борьба, а не мямленье, походъ,

а не топтанье на одномъ мѣстѣ, подѣ десятилѣтній аккомпаниментъ публицистической „Вампуки“ съ газетныхъ столбцовъ, митинговыхъ трибунъ, профессорскихъ кафедръ, съ банкетнаго застолья. Единственно, чего не повторю, — что въ первые годы эмиграци твердили многіе: „Хоть съ чортомъ да противъ большевиковъ!“...

По той причинѣ, что мрачный опытъ показалъ: идти съ чортомъ противъ большевиковъ нельзя, — чортъ самъ идетъ съ большевиками. Такъ что, — кого онъ обманно увлекаетъ за собою, будто бы противъ большевиковъ (на словахъ), — тотъ и самъ не замѣчаетъ, какъ на дѣлѣ начинаетъ работать на большевиковъ: шагаетъ въ ногу съ большевиками, „засыпаетъ рвы“, „строить мосты“, приобрѣтаетъ »ультрафіолетовые“ тона, сочиняетъ Евразію и, черезъ примиренчество шагая въ соглашательство, дошагиваетъ не только до совѣтской службы, какъ Пѣшехоновъ, но и до провокаторства, какъ Неандеръ и графъ Игнатъевъ.

Какая ужъ выгода чорту помогать тѣмъ, кто стремится поднять изъ праха Домъ Пресвятой Богородицы, разрушенный большевицкимъ неистовствомъ! Тысячу лѣтъ работаль, чтобы добиться такого сокрушительнаго эффекта, а теперь будетъ строить? Какъ бы не такъ! Въ

народныхъ легендахъ, правда, бываетъ иногда, что чортъ, попавъ въ какой нибудь безвыходный просякъ, вынуждается зиждить церковь, но либо онъ оказывается не въ состояніи ея достроить, либо устраиваетъ какое нибудь жульническое издѣвательство къ посрамленію вѣры. Такъ, св. Олафъ, король шведскій, подчинилъ чорта обязательству выстроить великолѣпный соборъ, выше котораго нѣтъ на землѣ. Чортъ обязательство исполнилъ, соборъ выстроилъ и даже крестъ на куполѣ поставилъ. Но, когда св. Олафъ, провѣряя бѣсовскую работу, поднялся однажды на куполъ, онъ убѣдился, что крестъ — совсѣмъ не крестъ, а фигура свирѣпаго коршуна съ распростертыми крыльями, которая снизу, по высотѣ зданія, кажется крестомъ.

Легенду эту не худо было бы принять къ свѣдѣнію, какъ схожую притчу, всѣмъ, кто пріемлетъ или склоненъ принимать религіозные суррогаты, подсовываемые совѣтскою властью русскому населенію въ подмѣнъ ненавистнаго ей православія. Да и тѣмъ, кто въ эмиграціи воображаетъ, будто можно сочетать православіе съ „лояльностью“ подвластія большевизму охранять Христовою благодатью Антихристово иго, благословлять православную паству крестомъ, на которомъ выше надписи »І.Н.Ц.І.«,

значится печать пятиконечной Анти-христовой звѣзды.

Нѣтъ, о томъ, чтобы идти на большевиковъ съ чортомъ, надо бросить мысль и забыть. Надо идти съ Богомъ. Съ Богомъ Силь, съ русскимъ Богомъ, извѣчнымъ Спасителемъ и Вождемъ русскаго народа, учившимъ его побѣдамъ надъ врагами и надъ самимъ собою, который такъ часто ему врагъ пуще всѣхъ враговъ. Съ Богомъ, рукою Владиміра Мономаха избавившимъ Русь отъ половецкаго полона; умомъ Александра Невскаго помогшимъ ей вынести не раздавленною тягость татарскаго ига; благословеніемъ св. Сергія Радонежскаго положившимъ конецъ игу; мечомъ Ивана Грознаго низложившимъ бусурманскія царства на Волгѣ; стойкостью патриарха Гермогена и сидѣльцевъ Троицкой Лавры вондушевившимъ Нижегородское ополченіе — начало побѣды русскаго разума надъ Смутою, такъ подобною той, что мы теперь переживаемъ...

Скажутъ многіе:

— Ахъ, какая все это старая пѣсня! Хоть бы вспомнили пословицу: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай!“

Пословица превосходная. Нѣтъ лучшей активной программы, чѣмъ эти семь словъ.

Но, къ сожалѣнію, мы ея не исполняемъ вовсе или пріемлемъ въ

искаженіяхъ, совершенно обезсиливающихъ ее. Одни такъ увѣренно сами не плошаютъ, что вовсе не надѣются на Бога и тѣмъ отрѣзываютъ себя отъ вѣрующей массы, которая „безъ Бога ни до порога“. Другіе, наоборотъ, ужъ такъ удобно укрѣпляются въ надеждѣ на Бога, что безтрепетно сами плошаютъ, видя въ нашей плачевной дѣйствительности Божье попущеніе: Господомъ де попущено, Господомъ и пройдетъ, а наши средства человѣческія тутъ безсильны.

Третьи, наконецъ, и на Бога не надѣются, и сами плошаютъ, — просто существуютъ по инерціи неопредѣленно безпечныхъ надеждъ, что какъ то что то однажды образуется, а, пока что, „живон э ле пэн жевон«.

Этими я заниматься совсѣмъ не буду. Что касается „квіэтистовъ“, пріемлющихъ свое эмигрантство, какъ Божье попущеніе, и чающихъ возрожденія Россіи только отъ Господа Бога, позволю себѣ напомнить притчу о кавалерійскомъ генералѣ, князѣ Яшвилѣ, которая, по словамъ Н. С. Лѣскова, была признана мудрою и благополезною знаменитымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

На какомъ-то смотру своей части Яшвиль остался недоволенъ ѣздою въ одномъ изъ полковъ. Полковой командиръ, въ извиненіе, сослался

на молодость эскадронныхъ командировъ.

— Вздоръ изволите говорить! — взревѣлъ Яшвиль. — Что это за манера извиняться другъ другомъ? Полковой командиръ ссылается на эскадронныхъ! А эскадронные сошлются на взводныхъ! А взводные на вахмистровъ, а вахмистры на солдатъ! А солдаты на Господа Бога! А Господь Богъ скажетъ: „врите вы, мерзавцы, я вамъ не конюхъ, чтобы вашихъ лошадей выѣзжать: сами выѣзжайте!“

Филаретъ, выслушавъ донесеніе о томъ, не только одобрилъ дерзновеннаго генерала, но даже пожалѣлъ, что „мы, духовные, не можемъ говорить такъ вразумительно“:

— Отчего бы на текстъ „просящему дай“ такъ же кратко не сказать слушателямъ: не говори, алчная душа, что „Богъ подастъ“. Богъ тебѣ не ключникъ и не ларешникъ, а самъ подавай...

Не въ бровь, а прямо въ глазъ квіетистамъ эмиграціи вообще, капиталистамъ въ особенности. Вѣруйте въ Бога, „Помощника и Покровителя — намъ во спасеніе“, но Богъ вамъ не агитаторъ, не конспираторъ, не организаторъ, не атаманъ повстанческой банды, не генераль „контръ-революціи“, и не банкиръ, чтобы ее финансировать, не поставщикъ, чтобы ее экипировать и содержать. Сами агитируйте,

конспирируйте, организуйте, агитуйте, генеральствуйте, сами дайте и найдите средства и кредиты, чтобы ее содержать и двигать. И не извиняйте такихъ фактовъ, какъ разрушеніе Иверской часовни, „Божьимъ поущеніемъ“.

Не молніей разбита, не землетрясеніемъ уничтожена. Отнята »Стѣна Нерушимая“ разбойными людьми, татями ночными у людей оробѣлыхъ и сонныхъ, а оробѣлые люди выдали Ее разбойникамъ, потому что въ робости ужъ очень подрынились. Что же на Бога то валить? Всеу приѣмлется Имя Его!

17.

Разрушеніе Иверской часовни, которое дало мнѣ толчекъ къ написанію этого ряда статей, потрясло въ эмиграціи не только многихъ, но почти что всѣхъ.

Были не только христіанскіе, но и еврейскіе отклики негодованія на безстыжее большевицкое кощунство. Но, къ сожалѣнію, весьма многіе изъ христіанскихъ откликовъ, протестуя противъ факта оскорбленія души народа въ великой его святынь, спѣшили, вмѣстѣ съ тѣмъ, отгородиться отъ этой оскорбленной души:

— „Хотя мы не вѣрующіе, но...“
Выходило, въ грубомъ, но прямомъ толкованіи, такъ:

— Хотя мы не такіе дураки, чтобы придавать какое либо значеніе вашей Иверской, но, такъ какъ вы, чернь ѣе просвѣщенная, Ей значеніе придаете, то мы выражаемъ сожалѣніе, что васъ такъ напрасно и безнужно обидѣли.

„Безнужность“ разрушенія подчеркивалась съ наивной настойчивостью... Какъ будто могли быть условія, въ которыхъ Иверскую часовню „нужно“ было бы разрушить! Какъ будто народъ въ состояніи повѣрить въ возможность подобной „нужности“!

Эти предисловія о своемъ невѣріи, можетъ быть, очень честны и прямы, но они не по времени и ужъ очень не практичны. Ибо убиваютъ все послѣдующее „но“.

— Разъ ты не вѣруешь въ мою святыню, то какое тебѣ дѣло до моего о ней горя? Ты не вѣруешь въ Иверскую Богоматерь, а я не вѣрю въ твое о Ней сожалѣніе. Можешь оставить при себѣ твое „но“.

Въ тяжелые дни размышленія о томъ, я часто думалъ о Львѣ Толстомъ. Вотъ кто никогда не сказалъ бы этого двусмысленнаго „но“. Онъ ненавидѣлъ Иверскую икону, какъ живое существо, съ яростью не Льва Толстого, но Льва Исаврянина, говорилъ о ней невозможныя вещи невозможнымъ языкомъ:

Такъ что однажды вызвалъ сар-

кастическое замѣчаніе Владиміръ Соловьева:

— Какъ хотите, Левъ Николаевичъ, а у васъ съ Иверской Божьей Матерью какія то личности!

Въ качествѣ яраго иконоборца, Толстой, вѣроятно, одобрилъ бы разрушеніе часовни и, конечно, не сталъ бы прятать свое удовольствіе за лживое сочувствіе народному горю, которое, по его взглядамъ, не было ни горемъ, ни народнымъ, и котораго самъ онъ нисколько не ощущалъ. Какъ не ощущаютъ его и человѣки уступительнаго періода:

— Хотя мы и не вѣрующіе, но“...

Вѣра — дѣло совѣсти, дѣло свободное. Да будетъ стыдно тому, кто насилуетъ вѣру своего ближняго, хотя бы она была вѣрою безвѣрія! Хочешь вѣрить, — вѣрь; не хочешь, — не вѣрь.

Но умно ли въ дни, когда вѣра отпадаетъ, и народъ потрясенъ ея страданіемъ, высказывать впередъ такимъ Филиппомъ изъ Конопель съ рекомендаціей своего сострадающаго невѣрія?

Главное, вѣдь, никто изъ страдающихъ тебя о твоёмъ невѣріи не спрашивалъ и никому изъ нихъ оно нисколько не интересно вообще, а ужъ, въ особенности, въ подобныхъ обстоятельствахъ. Нѣтъ, нейметса языку, — дай, отрекомендуюсь! Иначе, если я заявлю свое состраданіе и возмущеніе просто, безъ „хо-

тя — но“, вся красная, розовая и цвѣта сапоп Марья Алексѣевна подумаетъ и скажетъ, что я тоже вѣрую Богордицѣ... ай-ай-ай, срамъ какой!

Опять приходится обратиться за примѣромъ къ евреямъ. Между ними свободомыслящихъ, философовъ, деистовъ, „апикойресовъ“, совершенныхъ атеистовъ не меньше, а, можетъ быть, и гораздо больше чѣмъ среди православныхъ русскихъ. Но, когда инцидентъ „Стѣны Плача“ одѣлъ еврейство въ религиозно-національный трауръ, выскочилъ ли хоть одинъ еврейскій мыслитель, „лидеръ“, публицистъ, писатель со своимъ личнымъ „хотя—но“? Я убѣжденъ, что среди еврей-евъ-историковъ и археологовъ имѣются многіе, которые не только не вѣрятъ въ истинность Стѣны Плача, а, пожалуй, именно они то и опровергли ее своими изысканіями. Но затронуть національно-религиозный символъ, и всѣ они спрятали въ карманъ свое знаніе, свой скептицизмъ, свое невѣріе и встали въ защитный строй рядомъ съ старозавѣтными хасидами въ лапсердакахъ, ермолкахъ и пейзахъ.

(Уклонилась отъ агитаціи за „Стѣну Плача“ часть „Бунда“, объявивъ ее буржуазной претензіей сіонистовъ. Такъ опять-таки уклонилась, т. е. отреклась, объявила, что національно-религиозное еврейское дѣ-

ло не ея сціалъ - демократическое дѣло, не хромая на обѣ ноги вертлявымъ „хотя—но...“)

По всему міру, въ дни протестующихъ еврейскихъ сборищъ по поводу „Стѣны Плача“, отъ Нью Йорка до какой-нибудь Рѣжицы, приостанавливалась, въ знакъ траура, еврейская торговля, запирались еврейскіе магазины, не играли еврейскіе театры, евреи не посѣщали общественныхъ увеселеній.

Весь міръ видѣлъ, что у евреевъ горе, и всѣ евреи дѣляютъ это горе. И, видя, любопытствовалъ, какое это горе, и, узнавая, сочувствовалъ...

А мы?..

Получая 6 зарубежныхъ русскихъ газетъ, хоть бы слабый слѣдъ чего либо подобнаго нашель я въ нихъ въ угрюмые дни, когда большевики въ Москвѣ опрокинули нашу „Стѣну Нерушимую!“ Нѣсколько строкъ болѣе или менѣе сильнаго негодованія на второй полосѣ, а на четвертой — все обстоитъ благополучно: русскіе театры играютъ, русскіе магазины торгуютъ, русскіе шаткабаки звенятъ пѣснями и громяютъ жазъ бандомъ, — штандартъ скачетъ, музыка играетъ, Фенарди вертится колесомъ и жизнь проходитъ въ эмпиреяхъ! И благодушная „рожа изъ карикатуры Mad'a: — „ито новаго въ газетахъ, Поль? — НЧего особеннаго, Мари: разруше-

иен Иверской часовни, разстрѣлы...“
Тьфу!..

И еще кто-то на меня обидѣлся, что я рекомендую русскимъ эмигрантамъ просить производства въ жида!

Единственно кто заговорилъ тогда къ русскому міру тѣмъ языкомъ, какого требовалъ моментъ, было опять-таки Братство Русской Правды, отвѣтившее на ужасъ событія воплемъ гнѣвнаго призыва:

„Русскіе люди! Красная Антихристова власть подняла руку на нашу величайшую Русскую святыню. Она разрушила въ Москвѣ часовню, гдѣ отъ самыхъ стародавнихъ временъ нерушимо стояла чтимая всею Россіей Чудотворная Икона Иверской Богоматери. Дадимъ на этотъ новый напоръ слугъ Дьявола нашъ Русскій отвѣтъ! Постоимъ за Домъ Пресвятыя Богородицы! Бей комиссаровъ и коммунистовъ! Кровью и огнемъ покажемъ врагамъ Христа и Пречистой Его Матери, что жива Русская вѣра и жива Русская душа!“

„Именемъ Бога и Россіи призываемъ всѣхъ Русскихъ гражданъ, готовыхъ постоять за Божье и Русское дѣло, начать противъ представителей красной власти жестокой и беспощадный терроръ. Не людямъ служимъ, Богу и Родинѣ служимъ. Русскій терроръ есть Божій мечъ.“

«Дздравствуетъ Русскій народный терроръ!»

Это, вотъ, слова настоящія, слова мужчинъ, слова воиновъ, слова „ополчившихся“, слова „взмшихъ мечъ“, не страшась отъ меча погибнуть. Они напечатаны въ томъ же № «Русской Правды», за июль - августъ, гдѣ появился некрологъ „свѣтлаго рыцаря Россіи“, герцога Георгія Николаевича Лейхтенбергскаго.

Было бы грѣшно и стыдно бряцать раскаленною сталью подобныхъ словъ, если бы за ними не скрывалось осуществляемаго дѣла. Но здѣсь дѣло слѣдуетъ за словомъ; каждые два мѣсяца оглашаютъ братья свои успѣшныя достиженія и свои горестныя утраты. И, если дѣло не такъ быстро и широко, какъ хотѣлось бы, если оно вынуждено двигаться въ путяхъ кустарности, это ужъ вина не дѣлателей, но эмиграціи, оставляющей его на попеченіи „лептъ вдовицы“, которыя, само собою разумѣется, падаютъ очень скудно.

Да и противъ этого скуднаго попеченія, большевицкой интригѣ одно время удалось было провокативно поднять на дыбы капиталистическую часть зарубежной печати, столь охочую до разговорности, топчущейся на мѣстѣ, и столь пугливую, когда требуется шагнуть

впередъ съ оружіемъ въ рукахъ. И, къ сожалѣнію, въ сѣти провокаціи, пытавшейся разрушить БРП, попалось тогда нѣсколько дѣятелей, несомнѣнно честныхъ и даже энергичныхъ, склонныхъ къ непосредственной активности, но страдающихъ русскимъ порокомъ ревности ко всякому, кто „смѣетъ дѣлать то же самое дѣло, что я“, въ особенности, если онъ „дѣлаетъ лучше, чѣмъ я“, — и, отсюда, одержимыхъ жестокимъ упрямствомъ предубѣжденія.

Теперь это, кажется, миновало, но, всетаки, если БРП существуетъ и неутомимо дѣйствуетъ, то эмиграція, за малымъ исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ именъ, была ему не помощницей, но тормозомъ. И сколько прекрасныхъ, великодушныхъ жизней погубилъ понапрасну этотъ тормозъ, пресѣкая для нихъ возможности борьбы въ моменты самага стремительнаго ея разбѣга, превращая блистательныя удачи, достигнутыя самоотверженнымъ мужествомъ, въ горькія неудачи по истощенію средствъ! „Разстрѣлявъ всѣ патроны, были истреблены превосходными красными силами“, — таковъ угрюмый припѣвъ всѣхъ неудачъ, постигающихъ противобольшевицкую борьбу, ведомую „Тамъ, гдѣ еще бьются“. Читайте простодушную и просторѣчивую книгу подъ этимъ заглавіемъ, вышедшую

въ Берлинѣ: она васъ многому на
учить!

18.

Въа нмѣченномъ мною рядѣ статейподъ заглавіемъ „Стѣна Плача и Стѣна Нерушимая“ вышелъ перерывъ. Причинъ тому двѣ. Первая—болѣзнь, долго продержавшая меня въ постели. Вторая — ужасъ Трехрѣченскаго избіенія русскихъ бѣлыхъ посельщиковъ.

Какъ узналъ, какъ прочиталъ, какъ вникъ, — руки опустились и перо выронили... Что же тутъ писать? о чемъ проповѣдовать? Рѣжутъ насъ, — ибо трехрѣченцы это, милостивые государи мои, мы! да, мы, мы, мы! такіе же эмигранты и бѣженцы въ Китаѣ, какъ мы во Франціи, Югославіи, Чехословакии, Болгаріи, Италиі, Польшѣ. Рѣжутъ насъ, какъ барановъ, а мы, въ отвѣтъ, въ состояніи только бляеть, что насъ рѣжутъ безвинно. Помилуйте! за что? Никакихъ бѣлыхъ отрядовъ на Китайской территоріи не было, население бѣлыхъ поселковъ жило мирнымъ земледѣльческимъ бытомъ, добросовѣстнѣйше безоружнымъ и отрекшимся отъ всѣхъ средствъ замозащиты. И — всетаки! Не ужасно ли?

Очень ужасно, но кто же, гдѣ же, когда же видалъ, чтобы барана рѣзали за то, что онъ „виноватъ“? Рѣжутъ его за то, что желаютъ его

съѣсть, и потому, и какъ разъ, только потому, что онъ безоруженъ для самозащиты. Трехрѣчье, населенное разоруженными казаками (казакъ безъ оружія — какая бессмыслица!) было удобосѣдомо для набѣжавшихъ большевицкихъ волковъ: они его и съѣли. Именно потому и съѣли, что не оказалось никакихъ бѣлыхъ защитныхъ отрядовъ и населеніе было „добросовѣстно“ разоружено. Были бы бѣлые отряды, то въ вооруженныя казацкія станицы красноармейцы и не сунулись бы. А, если бы и сунулись, то были бы въ Трехрѣчѣ сраженія, а не бойни двуногихъ барановъ, овецъ и ягнятъ. Этихъ то вотъ послѣднихъ, въ особенности, жаль, — до жгучихъ слезъ, до неистовства, до кровомщенія жаль! Ибо тутъ уже не простое поѣданіе звѣремъ зубатымъ звѣрять беззубыхъ, а какое то Антихристово обжорство къ изничтоженію Аглицевъ Пасхи Христовой...

„Полагались на китайскую охрану“! Козаки, охраняемые китайскими „ходящими“! Развѣ это не фантастика? Теперь обѣщаютъ русскихъ поселенцевъ... вооружить? Нѣтъ, убрать поглубже внутрь территоріи, чтобы при слѣдующемъ совѣтско - китайскомъ столкновеніи войска краснаго разбоя до нихъ не достигли.

Ну, а если, въ условіяхъ воинственнаго совершенства и непоколе-

бимаго мужества доблестныхъ китайскихъ армій, красный разбой по-претъ и внутрь территоріи?

Что же? Опять будемъ изумляться и негодовать, что вооруженные съ головы до ногъ рѣжутъ безоружныхъ, зубатые грызутъ беззубыхъ; волки, ворвавшись въ овчарню, душатъ овецъ и ягнятъ, которыхъ бараны безсильны защищать, ибо сами гибнутъ беззащитно. Поплачемъ. Обратимся къ общественному мнѣнію просвѣщенныхъ народовъ въ благоустроенныхъ государствахъ: „возмутитесь, пожалуйста!“. Просвѣщенные народы отвѣтятъ: „возмущаемся, но“... Соберемъ малую толику въ пользу пострадавшихъ, то есть овецъ и ягнятъ, успѣвшихъ изъ овчарни, гдѣ хозяйничали красные волки, выскочить недогрызенными.

И все это съ нашей стороны будетъ опять очень хорошо и похвально, какъ хорошо и похвально все, что теперь дѣлается для облегченія участи трехрѣченцевъ. Наглядно явимъ, что мы люди чувствительные, потомки не сухосердныхъ священника и левита, равнодушно прошедшихъ мимо путника, ограбленнаго и изранческаго разбойниками, но прапраправнуки благодѣтельнаго самаритянина, который мало, что отвезъ раненаго въ гостинницу на своемъ ослѣ, но еще и

далъ гостиннику денегъ на лѣкарства.

Все хорошо и все... бессильно!.. Благодарными самаритянами быть и чувствовать себя прекрасно. Но представьте вы себѣ такую возможность, что путники, разграбленные и израненные разбойниками, лежатъ на дорогѣ черезъ каждые десять шаговъ, какъ то было въ Трехрѣчьѣ. Не ясно ли, что на нихъ не достанетъ ни благодарныхъ самаритянъ, ни у сихъ послѣднихъ—ословъ для развоза страдальцевъ, и денегъ для гостинника ни, наконецъ, у гостинника — помѣщенія, ибо гостинница превратится въ перевязочный пунктъ въ тылу ожесточенной рѣзни? И не набредетъ ли тогда даже самый кроткосердый изъ благодарныхъ самаритянъ смущенно тоскующимъ умомъ на идею, что кромѣ подбиранія на дорогѣ раненыхъ разбойниками, есть еще одинъ видъ дѣятельной любви къ страдальцамъ отъ разбоя: это—истребленіе разбойниковъ, усыпающихъ дороги убитыми, ранеными и ограбленными,

Какъ бы ужасно ни было страданіе, оно всегда имѣетъ ту хорошую сторону, что кое-чему человѣка учить.

Трехрѣчье тоже ужасный урокъ пассивному большинству эмиграціи и бѣженства, уповающему на защиту отъ большевиковъ своею чуже-

странностью. Особенно поучителенъ онъ для русскихъ, пребывающихъ въ „лимитрофныхъ“ государствахъ. А, наипаче, въ Польшѣ и Румыніи, гдѣ отношенія съ СССР хронически напряжены и часто натягиваются до опасности военнаго столкновения.

Если таковое однажды приключится, то, каковъ бы ни былъ его конечный исходъ, не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что Трехрѣчье успѣетъ ястребинымъ летомъ перемѣститься съ Дальняго Востока на ближній Западъ. То есть русскія бѣженскія колоніи потонуть въ своей крови на территоріяхъ польской и румынской такъ же, какъ тонули на китайской, съ тѣми же обвинительными мотивами со стороны красныхъ волковъ и такъ же извините за прямое слово, бараньи безвинно.

Когда Макиавелли написалъ своею „Государя“, близорукая толпа зою вопила, что онъ славить тиранні и создаетъ школу деспотизма, о лишь немногіе дальновидные и пръ ницательные говорили: „Мессеру Николо, уча, какъ устроены зубы у волковъ, выдираетъ ихъ изъ волчь ихъ челюстей и переставляетъ въ овечьи.“

Въ наше время вѣрный ученикъ Макиавелли, Бенито Муссолини, повторяетъ этотъ символическій процессъ, выдравъ волчи зубы у италья-

янскаго коммунизма и пересадивъ ихъ въ пасть охранительныхъ словъ населенія, въ представительствѣ „милитаризованнаго“ фашизма.

О, если бы намъ. русскимъ эмигрантамъ и бѣженцамъ, ниспослалъ Господь, наконецъ, какого нибудь политическаго дантиста, чтобы научить насъ, какъ въ бараньи челюсти вставляются волчьи зубы!

Да гдѣ намъ! въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ чьей-либо эмигрантской пасти усматривается хотя бы намекъ на волчій зубъ, баранья масса проникается къ этому исключительному уроду въ семьѣ страхомъ и ненавистью пуще, чѣмъ къ самымъ чистокровнымъ, лютымъ, матерымъ волкамъ.

Развѣ не слышали мы милыхъ фразъ россійскаго лже демократизма цвѣта сапоп (изъ всѣхъ группъ русскаго разсѣянія есть ли болѣе противно аристократничающая духовно и самодовольная своимъ замкнуто кастовымъ самодовлѣніемъ?)— въ томъ родѣ, что „большевикамъ-де мы, конечно, враги, однако, съ ними для насъ, всетаки, возможны точки соприкосновенія; но съ бѣлыми вообще, съ бѣлогвардейцами въ особенности, съ генералами наипаче, съ Кутеповымъ пуще всего—никогда никакихъ?“

Развѣ не читали, что въ Трехрѣченскихъ ужасахъ виноваты не большевики, но бѣлые агитаторы, кото-

рыхъ де крамольная дѣятельность такъ раздражаетъ нервную совѣтскую власть, что она, осатанѣвъ, набрасываетъ я съ губительствомъ на души непоинныхъ?

Развѣ не на нашихъ глазахъ большевицкіе агенты пытались затравить, задѣвить клеветами Братство Русской Правды, при полномъ тому сочувствіи и даже содѣйствіи многихъ добровольцевъ изъ розо-желтаго бараньяго стада?

Развѣ, на этихъ дняхъ, г. Керенскій не утѣшилъ вселенную своимъ неподражаемымъ объясненіемъ, какъ онъ, сочувствуя митингу религіознаго протеста въ Лондонѣ, не могъ, однако, принять въ немъ участія рядомъ съ г. Тэтенже изъ опасенія не понравится тѣмъ французскимъ „лѣвымъ“?...

Съ днемъ предательства г. Керенскимъ ген. Корнилова, этотъ кратковременный герой и разрушитель Временнаго правительства пересталъ меня интересовать, какъ ужъ слишкомъ ярко опредѣлившаяся „нулевая величина“: театрално - пошлое ничтожество, съ заведеннымъ внутри органикомъ неврастеническаго крика кстати и некстати противно надменное въ удачѣ, жалко трусливое въ бѣдѣ и всегда лживое (сознательно и безсознательно, — по натурѣ: лжетъ, какъ дышитъ). Но я все-таки не думалъ, что Керенскій глупъ! Между тѣмъ, лондонское

изъясненіе его — такая типическая „дуракова грамота“, какой, кажется, еще не бывало въ хранилищахъ російскихъ политическихъ благоглупостей, при всемъ ихъ богатствѣ таковыма. Ну и что же? Это тоже, по вашему, не „дрянь?“

Вотъ, написалъ,—и опять кто-нибудь благодушный и млекоточивый попрекнетъ меня, что „ругаюсь“ и говорю „жестокія слова.“

Ну, и ругаюсь. А ругаюсь, во-первыхъ, потому, что... довели!... Во-вторыхъ, потому, что ужъ очень много развелось въ Зарубежьѣ двуногихъ тапировъ, бегемотовъ, носороговъ и иныхъ толстокожихъ, коихъ другимъ способомъ не то, что не вразумишь, но и не проберешь: бронированы самодовольствомъ до непроницаемости!

Увѣряютъ, будто я царапаю по „открытымъ ранамъ“. Не вѣрю я въ ваши открытыя раны, государи мои! За десять лѣтъ даже у многихъ изъ настоящихъ инвалидовъ, о которыхъ неустанно заботится генераль Баратовъ, открытыя раны закрылись, зарубцовались, и люди сдѣлались работоспособными и работоусердными настолько, что подають примѣръ намъ, здоровымъ. А духовныя раны тѣхъ, кого я обозвалъ „дрянью“, это — нѣчто вродѣ кровохарканья М. Горькаго, которое, къ сожалѣнію, пропустило срокъ своего 25-лѣтняго юбилея,

но уже приближается къ 35 лѣтнему, появляясь аккуратно всякій разъ, когда знаменитому писателю предстоитъ отвѣтственное и небезопасное выступленіе, и исчезая впредь до востребованія, какъ скоро отвѣтственность и опытность минуютъ.

Какія ужъ тамъ открытыя раны у составителей и разрѣшителей крестословицъ и слоговицъ, шерошекъ съ машерочками, печатно переписывающихся о своихъ сердечныхъ дѣлишкахъ, и збирателей „миссъ Россіи“ (до чего глупо звучать всѣ эти географическія „миссъ“ и какими дурами надо быть, чтобы на сихъ Парисовыхъ судахъ выставляться!), королей и королевъ тенниса и пр., и пр.

Разскакались, расплясались, распоясались до самозабвенія. Старый, заслуженный, даже знаменитый казачій генералъ пишетъ мнѣ съ гнѣвною скорбью о казачьемъ балѣ въ Парижѣ, состоявшемся... въ канунъ первой годовщины кончины В. Кн. Николая Николаевича! И объявленія объ этомъ плясѣ были озаглавлены — „Казачій сполохъ“! То есть боевой казачій кличъ къ общему сбору: всѣ на кругъ, всѣ за оружье... На врага? Нѣтъ, танцовать кэкъ-уокъ и чарльстонъ!.. Старикъ выходитъ изъ себя, дрожить отъ волненія, кричитъ о кошунствѣ, но „масса даже и не замѣтила, какъ

она скошунничила и въ срокъ, и въ девизъ... Вотъ вамъ и свято хранимая традиціи! Нечего сказать, нашель время кстати „разгуляться, взволноваться славный тихій синій Донъ“! И, какъ водится, все — подь всеоправдывающимъ знакомъ благотворительности..

Неисчислима и неописуема пусто-порожня суетня зарубежной обывательщины, взбрыкавшейся, чутъ немножко перестала голодать и начала забывать большевицкую бойню, словно деревенская кляча въ городъ, съ непривычнаго овса вмѣсто соломенной сѣчки. Олустилась и ошалѣла до такого низкаго уровня, что у наблюдателей — и руки врозь! Ужъ на что свисходительная и мягкая юмористка Тэффи, но, и ее читая, „за челоуѣка страшно“. Увязли въ пошлости глубже чеховскихъ людишекъ въ мелкотравчатомъ разложеніи „конца вѣка“. Тѣ — хоть хмуру вязли, а эти — знай нашихъ! съ присвистомъ!..

Если и были у нихъ когда ни будь открытыя раны, то давнымъ давно мало, что зарубцовались, но по рубцу еще именно ремнемъ тапирьей кожи заросли. И еели мое „жесткое слово“ въ состояніи пропарпать этакій ремень до живого мяса, чтобы тапирь восчувствовалъ и малость опамятовался, не вижу въ томъ худа. Напротивъ!

Иначе, поди, доказывай, пожалуй, двуногсму тапиру отъ логики то, что онъ, въ сущности, жалкое грязелюбивое животное, которое неизвѣстно для какой надобности коптитъ небо выдыханіями своего хоботка. Хоть всѣ Брэмовы страницы о тапирахъ вычитай ему отъ первой буквы до поелѣдней: не только не повѣритъ, но и въ полемическую діалектику пустится: „я, дескать, пахидермъ (благо слово то этакое вѣское, со звукомъ!) и горжусь тѣмъ, и съ нашей, пахидермовъ, точки зрѣнія“... и пр., и пр. — пошла писать губернія!

Нѣтъ, тамъ, гдѣ „душеспасительныя слова“ въ парламентскомъ стилѣ выдохлись до безвластности, нуженъ языкъ краткой и ясной прямизны, хотя бы она и звучала иной разъ бранью.

Есть у старика Щедрина, какъ онъ, возмущенный наивной наглостью купца Блохина, „чуть было не сказалъ ему: ахъ, свинья!.. Но, такъ какъ я это только подумалъ, а не сказалъ, то купецъ Блохинъ такъ до сихъ поръ и не знаетъ, что онъ свинья!“

А кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что замѣнить къ купцѣ Блохинѣ отрадное о себѣ мнѣніе подобнымъ „прозрѣньемъ внутрь себя“ было бы весьма полезно, если не для него, толстокожаго, то для

общества, среди котораго онъ ро-
еть рыломъ и хрюкаетъ?

19.

Одинъ изъ порицателей моей „ругани“, А. А. Яблоновскій иронически замѣтилъ, что, кажется, я собираюсь „глаголомъ жечь сердца людей“, и внушаетъ мнѣ, что бранью этого не достигаютъ. Нѣтъ, такихъ гордыхъ упованій я не имѣю. И не потому, чтобы не хотѣлъ ихъ имѣть (кому же изъ писателей они чужды, кромѣ равнодушныхъ ремесленниковъ-гонорарщиковъ, „гоняющихъ строку“?), а потому, что не чувствую въ себѣ огненной силы, способной зажечь ту мокрую вату, что впихнута въ груди, защищаемой А. А. Яблоновскимъ, „дряни“ подъ псевдонимомъ сердцецъ. Въ нихъ не то, что жгучимъ „жестокимъ словомъ“, а прямо пылающей головнею тычь, — будутъ только шипѣть, чадить, коптить, вонять... въ концѣ концовъ, и головню то погасятъ!..

А въ томъ, будто „ругань“ несовмѣстима съ усердіемъ „жечь сердца“, А. А. Яблоновскій ошибается. Какъ разъ, специалисты то по „жженію сердцецъ“ и были всегда самыми безцеремонными ругателями“ во всей міровой литературѣ.

Библейскіе пророки, Данте, протополь Аввакумъ, чистили современную имъ „дрянь“ такими сло-

вечками и метафорами, какихъ и Сквозникъ Дмухановскій -не загиналъ, А Пушкинъ, когда мечталъ обратиться къ публицистикѣ? Вспомните ка его стихотвореніе — „О, муза пламенной сатиры!“ Сравнительно съ его языкомъ моя „дрянь“ — просто „шепотъ, робкое дыханье, трели соловья“...

Немного забавно, что урокъ воздержанія въ рѣзкомъ словѣ читаетъ мнѣ А. А. Яблоновскій, который самъ весьма не прочь отъ діалекта, называющаго кошку кошкой, и неоднократно зажигалъ мое сердце остроумными вспышками своихъ патентованно доброкачественныхъ спичекъ, направленными противъ разныхъ прохвостовъ совѣтскаго и полусовѣтскаго званія.

Я, напр., ни лично, ни по печати не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о какомъ то Алешѣ Свидерскомъ, которымъ весьма часто занимается А. А. Яблоновскій. Но своими характеристиками А. А. неотразимо убѣдилъ меня, что этотъ Алеша, какъ говорится въ старомъ еврейскомъ анекдотѣ, „не брунетъ и не блондинъ, а просто сшволочь“, и теперь я сказаннаго Алешу не иначе, какъ за таковую и понимаю. Но, хотя, по правдѣ сказать, „сволочность“ Алеша Свидерскаго, въ виду ея наглядности, едва ли и нуждалась въ обильныхъ доказательствъ. Такъ что разница между

моими спичками и спичками А. А. Яблоновскаго только въ направле-
ніи зажигательства. Онъ думаетъ,
что важно освѣтить и обжечь Але-
шу Свидерскаго, а я думаю, что
хорошо бы разжечь ту нашу лѣни-
вую и косную „дрянь“, по чьему
равнодушію, трусости и вялости
Алеши Свидерскіе мало, что пло-
дятся, какъ грибы, на перегноѣ
СССР, но еще и дерзають нагло и
властно выползать за рубежъ, слов-
но клопы изъ щелей, достойные
подпалки, но, увы, ужъ очень рѣд-
ко такуюю получающіе.

Въ этомъ разницу слышу. Что
же касается тона и „выражансовъ“,
то... А. А. Яблоновскій любитъ пи-
сать „отъ анекдота“. Ну, вотъ ему
— былъ. Въ юности моей, помню,
ждали мы, семьей, въ гости двухъ
пренеприятныхъ барышень. Я и
вздыхнулъ съ огорченіемъ:

— Ахъ, опять приплетутся эти
надоѣдныя дѣвки!

А тетенька моя, Марья Ивановна
Чупрова, старая дѣва, простенькая
масальская поповна, возмутилась:

— Что это, Саша, какъ ты вы-
ражаешься?

— Да если я ихъ не выношу?

— Я и сама ихъ терпѣть не мо-
гу, а, всетаки, нехорошо такъ о
благородныхъ барышняхъ: „дѣвки“.

— А какъ же хорошо, ѣтя Ма-
ша?

Тетя Маша подумала и ласково разрѣшила:

— Ну, когда ужъ такъ не терпится тебѣ, скажи: „шлюхи!“

Право же, поправки, внушаемая мнѣ недовольными моею „жестокою“ „дряню“, рискуютъ оказаться въ добродушно энергическомъ стилѣ тети Маши... Что же, я, пожалуй, приму. Но не будетъ ли хуже?

Ахъ, не въ словахъ дѣло, а въ печальной правдѣ, что стоитъ за словами призракомъ мрачнымъ и неотгоннымъ. И правду эту не окрутить ни изящными обиняками, ни подрумянить искусно подобранными мотивами. Ибо: „словами пышными возможно ли украсить поступки гнусные?“ съ комическимъ глубокомысліемъ воскликнулъ нѣкогда Владимиръ Соловьевъ.

А пассивное уклоненіе нашей многократно стотысячной „дряни“ отъ активнаго поступанія — это ли ужъ не „гнусный поступокъ“ оптомъ и въ розницу.

Правда обидно колетъ глаза, но развѣ я одинъ ее говорю? Вонъ, читаль я вчера рецензію на романъ изъ эмигрантскаго быта, написанный ежедневнымъ сосѣдомъ А. А. Яблоновскаго по газетѣ, г. Ренниковымъ. Говоритъ рецензентъ: живописуетъ авторъ въ натуральную величину то, что Арцыбашевъ обо-

звалъ „воблю“, а Амфитеатровъ обругалъ „дряню.“

Почему одинъ „обозвалъ“, а другой „обругалъ“, — это секретъ рецензента, но если ему „вобла“ слаще „дряни“, — пусть: съ моей стороны препятствій не имѣется.

Да что романы! Для того, чтобы утвердить мое „жестокое слово“ на крѣпчайшіе быки, съ нихъ же его не своротишь, достаточно внимательно слѣдить за фельетонною хроникою въ „Возрожденіи“ того же г. Ренникова и... А. А. Яблоновскаго! Матеріаловъ для иллюстраціи „воблы“ ли, „дряни“ ли, льется изъ подъ ихъ перьевъ потокъ густой и неукротимый.. *De quoi donc vous plaignez vous, Stanislas?!..*

Еще одно слово по поводу суда А. А. Яблоновскаго надъ „жестокимъ словомъ“. Онъ рассуждаетъ: за то, что Зарубежье мало дѣйствительно противъ большевиковъ и, въ частности, осталось безотвѣтнымъ на разрушеніе Иверской часовни, Амфитеатровъ обругалъ эмиграцію дрянью. Но въ Россіи тоже мало дѣлается противъ большевиковъ и тамъ народъ тоже остался безотвѣтнымъ на разрушеніе Иверской часовни. Слѣдовательно, и Россія дрянь? Нѣтъ, Россіи дрянью А. А. Яблоновскій ни назвать, ни считать ни въ коемъ случаѣ не согласенъ, что и дѣлаетъ ему честь.

И я тоже не согласенъ. Но А. А. Яблоновскій забываетъ, что никакой Россіи тамъ сейчасъ нѣтъ, а есть препоганѣйшій СССР съ разбойничьимъ правительствомъ отъ третьяго Интернаціонала. И русскаго народа тоже нѣтъ, а есть стадно запуганное населеніе СССР, разбитое на поль-дюжины фиктивныхъ республикъ.

Россія то была, есть (гдѣ она еще есть) и будетъ не дрянъ, но СССР, какъ угодно А. А. Яблоновскому, не только дрянъ, но даже мерзость. И населеніе, копошащееся въ этой мерзости безъ протестовъ, отгорожено отъ опредѣленія „дряню“ лишь тонкою стѣнкою „смигчающихъ вину обстоятельствъ“, изъ коихъ первое и главнѣйшее—ежечасный страхъ очутиться у „стѣнки.“

Активные силы, что здѣсь, что тамъ, въ бореніи противъ Антихриста большевицкаго ига,—это Россія, это русскій народъ, а предъ ними не то, что шапку долой, но и среди грязи стань на колѣни, да въ ноги, да лбомъ о землю!

Но пассивныя массы. смиренно сживающіяся съ СССР подъ бичами и скорпіонами ГПУ, послушно выдающія Антихристу на пропятіе Христа своего, спокойно претерпѣвшія надругательство надъ Иверскою Божіей Матерью, приемлющія превращеніе своихъ Лавръ и историче-

скихъ соборовъ въ музеи и школы атеизма, мирно присутствующія при сожженіи на кострахъ своихъ иконъ тысячами, допускающія оскверненіе своихъ святыхъ праздниковъ безстыжимъ скоморошествомъ безбожныхъ гаэровъ-пародистовъ, похабно пляшущія и пьянствующія вокругъ снятыхъ съ звонаренъ колоколовъ, подхалимно отказывающіяся доставлять духовенству почту, — это, конечно, ни Россія, ни русскій народъ.

Это дрянъ, дряннѣе которой уже не найти и не придумать, и, притомъ, дрянъ частію оскотѣлая, ибо ей уже нужны только „ярмо съ гремящими да бичъ“, а частію озвѣрѣлая, какъ то явили ея красноармейскіе подвиги въ Трехрѣчьѣ. И на фонѣ этой СССР-ной дряни тѣмъ величавѣе и святѣе обрисовываются тѣ героическіе остатки Россіи, что душу свою полагаютъ за чаемое воскресеніе Ея и безстрашно поливаютъ Ея летаргическое тѣло своею неисчислимо льющеюся свято-жертвенною кровью... Вотъ оно когда сбылось Аввакумово то: „Отдалъ Богъ свѣтлую Россію Сатанѣ, да обагрится она кровью мученической!“

Россія... Россія... Осторожно надо сейчасъ съ великимъ словомъ этимъ. Оно огромно и объемомъ, и звукомъ, но, когда имъ хотятъ убѣждать только на привычку къ его

огромнозвучности, не повѣряя его смысла въ современность, я вспоминаю Д. Н. Блудова, знаменитаго политическаго дѣятеля царствованія Александра I и Николая I.

Нѣкто кричалъ въ обществѣ, что Блудовъ „продаетъ Россію.“ Блудову сообщили. Онъ спокойно отвѣчалъ:

— Скажите этому сударю, что если бы Россія состояла изъ такихъ мерзавцевъ, какъ онъ, то я ее не только продалъ бы, но отдалъ бы даромъ!

И по этой блудовской логикѣ, я рѣшительно отказываюсь ставить знакъ тождества между Россіей и СССР. Они непроходимо раздѣлены духовно незримою стѣною чертополоха — гуще того, который П. Н. Красновъ въ извѣстной своей утопіи обѣщаетъ со временемъ вырастить между СССР и Европой. За Россію хорошо умереть, а СССР должно стереть съ лица земли. И это будетъ.

20.

Одно изъ наиболѣе частыхъ самоизвиненій эмиграціи въ бездѣйствіи противъ большевиковъ — страхъ за родныхъ и близкихъ, остающихся „тамъ“, подъ совѣтскимъ игомъ.

— Я де, молъ, и радъ бы дѣйствовать, да, вѣдь, сейчасъ же, при первомъ моемъ выступленіи, ГПУ возьметъ въ свои когти мо-

ихъ жену, мать, сестру, дѣтей, престарѣлыхъ родителей, дѣдушку съ бабушкой, любимую женщину, друга и т. д., пребывающихъ въ предѣлахъ досягаемости. Я не имѣю права рискивать ихъ жизнью и благополучіемъ.

Вопросъ этотъ — изъ трудныхъ. Сложный психологически, но ложный логически.

Потому что:

— Если ради безопасности твоихъ близкихъ ты не смѣешь дѣйствовать противъ враговъ, у которыхъ въ плѣну твое отечество (и, въ составѣ его, также и твои близкіе), то зачѣмъ же, собственно, ты отъ этихъ близкихъ бѣжалъ? Сидѣлъ бы вмѣстѣ, въ общей кучѣ, терпя „яро съ гремушками и бичь“. А то согласиись: выходить какъ то неловко. Дорогихъ близкихъ, которыми ты извиняешься, ты оставилъ въ завѣдомыхъ условіяхъ рабства и постоянной смертной опасности, а самъ улепетнулъ въ условія свободы и личной неприкосновенности.

— Я не улепетнулъ, но ушелъ. И не ради своей свободы и безопасности, но — чтобы отсюда бороться противъ ихъ порабощенія, чтобы имъ возвратить свободу и безопасность.

— Прекрасно. Благородно. Почему же не борешься и не возвращаешь?

— Потому что не желаю, чтобы ГПУ, изъ за меня, поставило ихъ къ стѣнкѣ, либо мучило въ своихъ застѣнкахъ, услало въ Соловки или Нарымскій край. Рѣшишься ли ты отрицать эти возможности?

— Нѣтъ, не рѣшусь. Напротивъ, усилю: это не возможности, но вѣроятности, чтобы не сказать: неперемѣнность. Но, ангель мой, почему ты такъ поздно шевелишь въ себѣ эти страхи? Они должны были тревожить тебя и быть продуманы тобою „до“, а не „по“: предъ эмиграціей, а не въ эмиграціи. Есть здравомысленный совѣтъ: „не кажи гопь, пока не перескочишь“. Ты и перескочилъ, и гопь сказалъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. А за симъ — „снявши голову, по волосамъ не плачутъ“.

— Но если мнѣ по волосамъ плачется?

— Тогда не считай и не зови себя политическимъ эмигрантомъ, не говори о борьбѣ, дѣйственности и пр., а сознай себя просто бѣженцемъ - обывателемъ, благополучно унесшимъ свою шкуру отъ большевиковъ и весьма тѣмъ довольнымъ.

Что касается до оставленныхъ на родинѣ близкихъ, то для очистки совѣсти, отправляй имъ время отъ времени, когда заводятся деньги въ карманѣ, питательныя посылки, стоимостью отъ доллара и выше, какъ любезно предлагаютъ десят. комисс-

сіонеровъ, пестрящихъ объявленіями заднія полосы зарубежныхъ русскихъ газетъ. И благо ти будетъ, и долголѣтенъ будеши на земли, понеже, какъ ни какъ, и пятую заповѣдь помятуешь, и себя не обижаешь. Приспособляйся, знай, здѣсь къ свободѣ и безопасности, оставивъ своихъ тамъ приспособляться къ рабству и опасности. Что, между нами будь сказано, слишкомъ многіе и дѣлають съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія,

Курьезнѣе всего, что въ то время, какъ эмиграція оправдывается въ своемъ бездѣйствіи здѣсь боязнью повредить тамъ, это оберегаемое „тамъ“ совсѣмъ не требуетъ отъ нея подобныхъ опасливыхъ сожалѣній и осторожности. Въ письмахъ „оттуда“, и печатаемыхъ, и частныхъ, остающихся подч. спудомъ, очень рѣдка нота упрека и предостереженія: „берегите насъ! не подведите насъ!“ Если „тамъ“ есть нѣкоторый зубъ противъ эмиграціи, то онъ въ два корня. Во первыхъ, по совершенно естественной зависти людей, изнывающихъ въ рабской придавленности, къ людямъ, изъ подъ нея счастливо и, какъ иногда мнится тамошнимъ, эгоистически ускользнувшимъ. Во вторыхъ, какъ разъ, за бездѣйствіе. Удрали, моль, живете — хлѣбъ жуετε, а насъ позабыли, ничего для насъ не дѣлае-

те, чтобы мы тоже жили и хлѣбъ жевали, если не считать посылокъ стоимостью отъ одного доллара и выше, которыя, обыкновенно, исчезаютъ въ утробахъ совѣтскихъ таможенныхъ.

Справедливо ли это тамошнее недовольство?

Слишкомъ.

Не такъ давно приключился въ Парижѣ случай, значительною частью эмиграціи принятый почти какъ комическій. а, на мой взглядъ, онъ пахнетъ трагедіей и... въ достаточной мѣрѣ возмутительной. Въ Парижѣ пробрались какіе-то русскіе ходоки-крестьяне „оттуда“, съ заданіемъ ознакомиться съ положеніемъ и намѣреніями эмиграціи: что она дѣлаеть, какъ готовится къ освобожденію подъяремнаго отечества и скоро ли будетъ въ состояніи оказать активную помощь внутреннему контрѣ - революціонному движенію.

Что же встрѣтили эти люди въ эмигрантскомъ Парижѣ?

Конфузливое недоумѣніе, растерянность передъ неожиданнымъ неприятнымъ визитомъ „моральныхъ кредиторовъ“ — у одн ихъ, почутче и насмѣшки у другихъ, успѣвшихъ достигнуть самодовольнаго спокойствія и самолюбованія „пахидермовъ“. Наивные ходоки были безцеремонно высмѣяны бойкими перьями, да еще и съ нотаціей:

— Чего, моль, приперли, дураки? Сами тамъ, въ отечественныхъ нѣдрахъ сидите, ничего не дѣлаете, а пришли насъ звать, чтобы мы для васъ своими руками жаръ загребали? Нѣтъ-съ, вы извольте-ка пошевелиться тамъ своими средствами, а мы отсюда посмотримъ и, если вы, въ самомъ дѣлѣ, разойдетесь въ серьезъ, то ждите насъ: придемъ володѣти и правити вами.

Послѣдняго посула, правда, не печаталось, онъ оставался въ междустрочіи, но, вѣдь, все равно: онъ чувствовался, какъ необходимый логическій выводъ изъ всего предшествовавшаго. И, такъ какъ насмѣшки эти исходили не отъ правыхъ „бурбоновъ“ и „зубровъ“ и не отъ лѣвыхъ полусоюзниковъ Совѣтской власти, а изъ центра „буржуазной интеллигенціи“, то сіе иронически-дидактическое ворчаніе въ пузѣ умеренно свободомыслящаго эмигрантскаго либерализма получило особо вѣскую выразительность.

Великій Князь Николай Николаевичъ, по своей личной и политической скромности, все ждалъ, когда русскіе люди придутъ призвать его къ подвигу активнаго выступленія, и, въ ожиданіи, сдерживалъ свою личную инициативу: крупная, хотя и благородная, его ошибка. Прождалъ. Россіяне мерекали да почесывались: „если бы да кабы“, а за Великимъ Княземъ пришла, обогнавъ ихъ, не

умѣющая ожидать и не дающая отстрочекъ, смерть. И увела съ земли единственнаго всесловно популярнаго русскаго человѣка, который, въ силѣ Вождя, могъ бы явиться спасителемъ, а не только спасителемъ Россіи. Спасателей-то много!

Но, вотъ, россияне, какъ будто, перестаютъ мерекать да почесываться, а зашептались между собою, что, дескать, „наши топоры лежали до поры“, и, въ видѣ первыхъ ласточекъ сей весны, стучатся къ эмиграціи ходоки, клачяются:

— Вы, отцы наши, специалисты активнаго дѣйствія: поди, сколько надумали здѣсь на свободѣ, то, — ума палаты! Помогите, подѣлитесь, научите, да и пойдѣмъ — на славу намъ, на страхъ врагамъ!

И слышатъ въ отвѣтъ:

— Гы гы-гы, ишь какіе ловкіе! Вывертывайтесь, какъ знаете, а намъ, ежели желаете полной откровенности, и здѣсь, въ Зарубежьѣ, не плохо. „Посидимъ да поглядимъ, какъ мы хорошо сидимъ!“

„Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ“, „ниже сотворихомъ, ниже соблюдохомъ“ заповѣдей, подъ условіемъ которыхъ позволило намъ отечество удалиться отъ его страды на чужбину и облечься безрадостнымъ и нисколько не почтеннымъ (какъ бы то не оспаривалъ, возражавшій мнѣ въ этомъ пунктѣ, проф. Погодинъ) званіемъ „эми-

Грантовъ“. А, когъ въ несоблюденіи священныхъ нашихъ заповѣдей, прячемся оправдательно за частоколь находчивыхъ объясненій, — въ числѣ ихъ, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, — за свои нѣжныя чувства къ пребывающимъ въ СССР близкимъ.

Позволю себѣ длинную цитату. Кто хочетъ понять психологію истинно политическаго эмигранта-патріота въ отношеніи къ покинутой имъ семьѣ, рекомендую тому перечитать двѣ послѣднія сцены четвертаго дѣйствія „Макбета“. Тамъ, въ сжатости всего четырехъ страницъ, все есть. И негодующее отчаяніе жены и матери семейства, не понимающей, какъ мужъ могъ оставить семью въ когтяхъ тираннической власти:

„Покинуть домъ, жену, дѣтей, покинуть тамъ, откуда самъ бѣжалъ? Нѣтъ, онъ не любитъ насъ, онъ чуждъ простыхъ, природныхъ чувствъ. Бѣдняжка королекъ, малѣйшая изъ птицъ, — и та дерется съ совою за маленькихъ птенцовъ, а онъ? Тутъ видѣнъ страхъ и неслѣда любви“.

И утѣшеніе отчаянной женщины терпѣливымъ оптимистомъ, переживающимъ Макбетовъ терроръ съ хорошо намъ знакомымъ девизомъ постепенщины — „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“:

— „Такому бѣдствію не устоять. Оно пройдетъ, пройдетъ необходимо; порядокъ прежній долженъ возвратиться“.

И два типа эмигрантовъ: пассивно скорбящій и патріотически активный.

Малькольмъ. Пойдемъ и выплачемъ въ уединеніи печаль души.

Макдуффъ. Нѣтъ, лучше обнажимъ губящій мечъ, пойдемъ спасти стчизну и бодро станемъ за свои права.

И истребленіе „чекистами“ Макбета семьи активного эмигранта Макдуффа.

И картина, какъ эмигрантъ-патріотъ принимаетъ страшное извѣстіе, и урокъ, чѣмъ онъ долженъ лѣчить свою сердечную рану.

Малькольмъ. Макдуффъ, не надвигай на брови шляпу! Дай скорби вылиться въ словахъ, иначе она невидимо источитъ жизнь.

Макдуффъ. Такъ и дѣтей?

Росся. Жену, дѣтей, вассаловъ — все, что могли пойти.

Макдуффъ. А я былъ здѣсь!.. Такъ и жену?

Росся. Да, и жену.

Малькольмъ. Мужайся! Пойдемъ — эту рану сердца пусть безпощадная излѣчитъ месть...

Макдуффъ. Макбетъ бездѣтенъ! Всѣхъ моихъ малютокъ? Всѣхъ, говоришь ты? Адскій коршунъ! Всѣхъ?

Птенцовъ и мать однимъ налетомъ?
Дьяволь!

Малькольмъ. Снеси несчастье, какъ
мужь.

Макдуффъ. Снесу. Но я и чув-
ствую его, какъ мужь,.. Я могъ бы,
какъ жезщина, залиться горькимъ
плачемъ, храбриться на словахъ.
Но, Боже! Боже! Не отлагай суда!
Лицомъ къ лицу сведи меня съ
отечества тираномъ! Дай мнѣ сой-
тись съ нимъ на длину меча!

И спокойствіе совѣсти находить
Макдуффъ только, когда:

— Смотри Малькольмъ! Вотъ
гноснаго злодѣя голова! Свободенъ
міръ!

Вотъ это „политическій эми-
грантъ“! Это — „активистъ“! Тутъ
— настоящая любовь къ отечеству,
истинная жертвенность на алтарѣ
свободы и истинное ея достиженіе,
ибо заслуженное... А мы — разго-
ворщики, чернилоизводители и
плаксы!

Милостивые государи! не утѣшай-
те себя самообманами отраднато о
себѣ мнѣнія! Повѣрьте: самый сла-
бый дружинникъ, который сейчасъ
въ сугробахъ бѣлорусскаго Полѣсья
мерзнетъ, выжидая въ засадѣ, съ
винтовкою въ рукахъ, проѣзда
слугъ красной Антихристовой звѣз-
ды, во сто разъ сильнѣе и полез-
нѣе для Россіи, чѣмъ всѣ мы съ
нашими рѣчами, митингами, резолю-
ціями, деклараціями, словеснымъ

плачемъ, слезы котораго льются обильно, но высыхаютъ быстро и безслѣдно...

А вѣдь дружинникъ то — тоже, поди, не безродный какой нибудь выкидышъ русскаго міра. Есть и у него „тамъ“ родимый кровь, любимая семья, близкая родня, дружескія связи. И все это покинуто имъ подъ не предполагаемую только, но подъ несомнѣнную угрозою звѣриной расправы, по первому подозрѣнію ГПУ, что парень ушелъ въ повстанье. Злодѣйствуютъ же чекисты почище Макбетовыхъ палачей! Не то, что семьи, цѣлыя деревни и села стираются съ лица земли даже не за сношенія съ „бѣлобандитами“, не за поддержку ихъ пріютомъ или харчами, но лишь за родство, свойство и дружество. Поэтому, напр., Братство Русской Правды часто мѣсяцами молчитъ о своихъ убитыхъ и плѣнныхъ, чтобы именами ихъ не навести бѣды на живыхъ и свободныхъ, и публикуетъ списки своихъ потерь, только имѣя полную увѣренность, что время и обстоятельство вытравили изъ нихъ опасность послужить ниткою для размотки конспиративнаго клубка.

Все есть, что у насъ, и много жутье нашего. Но маленькіе Макдуффы только крѣпче сжимаютъ винтовку въ ознобленныхъ рукахъ, да стараются вѣрнѣе брать прицѣль, чтобы не тратить патроновъ

даромъ, да ярче пускаютъ краснаго пѣтуха по совѣтскимъ зданіямъ и магазинамъ, да спускаютъ съ насыпей совѣтскіе поѣзда... Что же они? безчувственные, что ли? съ каменными сердцами? не страдаютъ, помышляя о своихъ женахъ, дѣтяхъ, сестрахъ, родителяхъ, угрожаемыхъ отъ звѣролюдей, томящихъ ихъ въ лукавомъ заложничествѣ?...

О, нѣтъ! Мучается куда острѣе и глубже насъ, живущихъ въ городахъ, которые болѣе или менѣе отвлекаютъ насъ отъ тяжкодумной сосредоточенности въ тоскѣ по родинѣ разнообразіемъ труда, интересовъ, развлеченій общежитнаго быта. А у нихъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ, нѣтъ ничего, кромѣ смертной угрозы, постоянно и со всѣхъ сторонъ напорающей отъ превосходныхъ и лучше вооруженныхъ силъ врага, да горькой безпокойной думы о далекомъ, безпризорно оставленномъ домѣ, который, можетъ быть въ эту самую минуту воспоминающаго раздумья, залитъ кровью и охваченъ пожаромъ большевицкаго мщенія. Это для души. А для тѣла — голодъ, холодъ, босота и нагота.

Кто эти люди? Герои? Можетъ быть, но они этого о себѣ не знаютъ и не думаютъ.

Просто, люди. Люди долга и дѣла, люди жертвеннаго самоотрече-

нія, безъ самоизвиненій, позднихъ разсужденій и виляющихъ словопреній. Люди, сознавшіе святость борьбы за отечество, за Христа на землѣ противъ воцарившагоса Антихриста, за Домъ Пресвятой Богородицы противъ панующаго бардака безбожной Вавилонской Блудницы, возсѣдающей на разнузданномъ звѣрѣ дикарскаго невѣжества съ кубкомъ, переполненнымъ всѣми мерзостями свирѣпыхъ похотей буйнаго безумія, пьянаго кровью и грязью.

Кто знакомъ съ русскимъ фольклоромъ, вспомнить, что, когда сказочному герою, Ивану Царевичу, что-ли, или Ивану Солдату, предстоитъ разрушить какія-нибудь бѣсовскія чары, онъ долженъ трижды подвергнуться мучительнымъ искушеніямъ и пыткамъ.

Въ первые два раза его терзаютъ тѣлесными истязаніями и пугаютъ всевозможными страхами.

Если онъ безтрепетно выдержалъ оба искуса, то въ третьемъ нечистая сила, пуская въ ходъ самое рѣшительное средство, ловитъ храбрца „на жалость.“

Передъ его глазами мучать его родителей, жену, ребенка; они воютъ, плачутъ, упрекаютъ, проклинаютъ „безжалостнаго“, что онъ упорствуетъ въ своемъ подвигѣ терпѣнія и тѣмъ выдаетъ ихъ бѣсамъ на муку.

Если герой преодолѣтъ и это бѣсовское навожденіе, то, съ предразсвѣтнымъ крикомъ пѣтуха, призраки исчезаютъ, злыя чары падаютъ и побѣдоноснаго подвижника ожидаетъ награда свѣтлымъ житейскимъ счастьемъ. Если же онъ поддавшись жалости, ослабѣтъ духомъ и уступить бѣсовскому лукавству, то весь его освободительный трудъ пропалъ даромъ: торжествующіе бѣсы хохочутъ надъ нимъ, а злое очарованіе остается закрѣпленнымъ навѣки.

Сказки эти (ихъ множество) имѣютъ глубокой смыслъ, символически выражая твердое сознаніе народомъ священнаго величія освободительнаго долга. Это великій и тяжелый крестъ: Никто не понуждается принимать его на свои рамена: дѣло добровольное. Сказки даже предостерегаютъ, что для многихъ онъ не въ подъемъ, и подъ тяжестью его можно погибнуть. Но, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ, а тяни, знай, тяни, не отрываясь, до побѣднаго конца, либо до смерти. Сказать по нынѣшнему, тутъ великое общее „дальнее“ вступаетъ въ соперничество съ личнымъ и частнымъ „ближнимъ“ и требуетъ его себѣ въ жертву. И готовностью принести въ жертву драгоценный фактъ измѣряется сила любви къ достигаемому идеалу.

Боевая крестоносная сила, сколько есть ея въ Зарубежьѣ и „тамъ въ бывшей Россіи, двѣнадцать лѣтъ напрягается, чтобы снять чары, превратившія наше Отечество въ гнусный СССР. Сколько въ напряженіи этомъ она мукъ безъ стонъ претерпѣваетъ, сквозь какіе страхи, не дрогнувъ, проходить, этого не въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, Свирѣпо практикуется къ уловленію ея и подлый Антихристовъ искусъ „на жалость“, нечего дѣлать надо вытерпѣть и его. Стиснувъ зубы, нахлобучивъ шляпу, вести Макдуфову борьбу, пока не заторчитъ на копѣ „гнуснаго злодѣя голова“. Пусть сердце обливается кровью отъ жалости, но долгъ борьбы выше. Надо нести тяжкій крестъ святого подвига сквозь черную бѣсовскую ночь, моля Бога, да ускоритъ Онъ времена, да услышимъ мы бѣсоразгоняющій крикъ предразсвѣтнаго „Золотого Пѣтуха“ (ахъ, какъ хорошо написалъ его Купринъ!) и да окрѣпимъ освѣженною утреннею вѣрою въ побѣду. ободряя другъ друга:

— Ну! Еще немного, еще совсѣмъ немного!.. Слышите? „На Святой Руси пѣтухи поютъ, — скоро будетъ день на Святой Руси!...“
Еще немного!

Въ „порядокъ дня“, руководящей движеніемъ моихъ статей, опять ворвалось событіе, которымъ онъ вынужденъ перестроиться.

Исчезновеніе генерала Кутепова.

Предположеній по этому поводу столько и такъ они разнообразны, что своихъ прибавлять я не стану. Да, по правдѣ сказать, ихъ и нѣту. Лично я Кутепова не зналъ, слыхалъ и читалъ о немъ только хорошее, какъ о человѣкѣ желѣзной воли и дисциплины, отецъ-командиръ славной Галлиполійской стоянки, спаситель, вмѣстѣ съ Врангелемъ, эвакуированной бѣлой арміи. Смерть Врангеля, а затѣмъ и В. Кн. Николая Николаевича выдвинула Кутепова на верховный постъ главнокомандующаго дѣеспособными силами бѣлой эмиграціи, призывными въ случаѣ пробужденія отъ сна освободительной гражданской войны, пребывающей нынѣ въ латаргіи, сквозь которую она только лихорадочно бредитъ разбросаннымъ партизанствомъ.

Какъ солдатъ, Кутепова, прямой, честный, храбрый, былъ вполне достоинъ своего высокаго поста, — въ томъ нѣтъ и для враговъ его ни малѣйшаго сомнѣнія. Обладалъ ли онъ другими качествами, необходимыми для столь отвѣтственной

роли, это вопросъ историческій. Разрѣшать его современность не въ правѣ по недостатку данныхъ.

Вѣдь, Кутепову выпала странная доля — быть правителемъ въ почти что конспиративныхъ условіяхъ. Его могучая фигура видна намъ ясно лишь въ показной торжественности праздничныхъ и декларативныхъ выступлений, въ будни она затянута конспиративнымъ тумномъ, проникать въ который не тактично, преждевременно и вредно для общаго патріотическаго дѣла.

Что въ конспиративной дѣятельности Кутепова бывали ошибки, даже крупныя, очень возможно: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но, по скольку эти ошибки извѣстны, всѣ онѣ носили окраску неизбѣжности, обусловленной отчасти рыцарскимъ характеромъ генерала, брезгливо отстранявшимся отъ всякаго „приспособленія къ подлости“, отчасти далеко не рыцарскими характерами разныхъ милостивыхъ государей, вкрадывавшихся въ его довѣріе, чтобы затѣмъ нагло его обмануть. Въ душѣ Кутепова, повидимому, не было „реактива на подлеца“, какъ символически выразился однажды объ одномъ тоже слишкомъ довѣрчивомъ сановникѣ великій химикъ Менделѣевъ. Честный самъ, Кутеповъ не умѣлъ представить себя безчестнымъ „друга“, не способный

къ предательству, не узнавалъ приближающагося къ нему Іуды.

Вѣроятно, это и погубило его. Газеты дружно пишутъ, что похищеніе Кутепова не могло состояться иначе, какъ при посредствѣ „предателя изъ своихъ“. И, если такъ, то развѣ это было бы въ первый разъ?

Теперь, когда Кутеповъ сдѣлался жертвою своей опасной довѣрчивости, о ней всѣ закричали. Что же раньше то молчали? Удивительные люди! Посадили человѣка мало мало что не главою и вождемъ русскаго разсѣянiя и оставили его сидѣть на семь тронѣ одиноко въ лѣсу „гдѣ опасность таится, неотразимо грозна, змѣи клубятся, коршунъ гнѣздится“ (Гейне — о Парижѣ) — на авось и милость Микола Чудотворца. Вѣдь, теперь полицейское дознаніе обнаружило, что Кутеповъ жилъ, окруженный большевицкимъ шпионажемъ (и какимъ наглымъ!) буквально со всѣхъ сторонѣ. Справа, слѣва, насупротивъ, — все были большевицкія гнѣзда. Совѣтскому шпику стоило лишь вооружиться хорошимъ биноклемъ, чтобы слѣдить, что дѣлается въ самой квартирѣ Кутепова. Зачѣмъ все это становится извѣстнымъ по несчастью, а не до несчастья? Вѣдь, тутъ совсѣмъ не — „кабы зналъ, гдѣ упаду, соломки подостлалъ бы“. Знали и видѣли,

гдѣ сколько — чуть не навѣрняка упасть, а соломки, всетаки, не слали.

Асигнують жертвенно сотни тысячъ франковъ на разысканіе Кутепова живымъ или мертвымъ. Прекрасная щедрость, но если бы на охрану Кутепова и бѣлую вокругъ него контръ-развѣдку давались только десятки тысячъ, то едва ли теперь понадобились бы сотни тысячъ на разысканіе Кутепова. Говорятъ: Кутеповъ самъ не хотѣлъ особой охраны. Да мало ли, что онъ не хотѣлъ! Есть положенія, въ которыхъ нехотѣніе личной охраны недопустимо. Главы правительствъ не въ правѣ подвергать себя риску завѣдомо готовыхъ покушеній, ибо рискъ ихъ не только личный, но и правительства, которое они представляютъ, и массъ, которыми правительство управляетъ. Это азбука. А Кутеповъ, конечно былъ „главою правительства“: правительства лучшей, надежнѣйшей и наиболѣе цѣльной части эмиграціи — ея военныхъ силъ. И сейчасъ было бы стыднымъ самообманомъ скрывать, что часть эта получила тяжкую рану въ голову.

Не смертельную, ибо *le roi est mort, vive le roi*, и на мѣстѣ генерала Кутепова мы уже видимъ замѣстителемъ, если К. живъ, и преемникомъ, если К. нѣтъ на свѣтѣ, генерала Миллера. Но очень мучи-

тельную и истощающую. Подумайте, посчитайте: вѣдь это уже четвертая смѣна главнаго командованія въ военной эмиграціи! И, не дай Богъ быть злымъ пророкомъ, но кто поручится, что, при той ротозѣйной халатности, съ какою охраняли... нѣтъ, съ какою не охраняли Кутепова, ген. Миллеръ, въ свою очередь не окажется жертвою большевицкихъ козней?

Что же? уповать, что ли, на тотъ авось, что свято мѣсто пусто не бываетъ, а генераловъ въ эмиграціи не малый запасъ? Полно, такъ ли? Посчитать бы лучше, сколько ихъ, за десять лѣтъ, вымерло, въ бездѣйственной тоскѣ по родинѣ, отъ голодной и холодной нужды, прикончившей однихъ болѣзнями преждевременной старости, другихъ самоубійствомъ. А многіе ли сохранили свѣжесть силъ и бодрость духа?

Да еще: не хотя охраны, Кутеповъ объяснялъ свое нехотѣніе именно недостаткомъ средствъ на нее, — не желалъ вводить свою организацію въ трудный для нея расходъ. Все равно, какъ освобождалъ своихъ шофферовъ добровольцевъ отъ повинности подавать ему машину въ воскресные дни, чтобы не лишать ихъ праздничнаго заработка. Все это опять таки благородно, чутко, деликатно, по рыцарски. Но возвращаетъ насъ къ тому,

что выяснял я въ 13 главѣ „Ст. Пл. и Ст. Нер.“: эмиграція наша, считающая въ нѣдрахъ своихъ не малое число огатыхъ и даже очень богатыхъ людей, оказывается ни-щю, какъ скоро требуются деньги на политическое дѣйство. Хотя бы даже на такое скромное, какъ обереганіе самой себя, въ лицѣ своего шефа, отъ большевицкаго глумленія въ столь неслыханномъ злодѣйствѣ, какъ это страннѣйшее похищеніе среди бѣла дня, почти что изъ центра Парижа, на глазахъ у многочисленныхъ свидѣтелей.

Генераль Миллеръ обѣщаль французскому правительству, что русское бѣлое офицерство, вѣрное дисциплинѣ, воздержится отъ соблазна разгромить злополучный посольскій дворецъ на Рю Гренель, за грѣхи наши и по слабости бывшаго дипломатическаго представительства, сдѣлавшійся змѣиною норою совѣтскаго полпредства.

Да, съ цѣлью обыска такой разгромъ былъ бы безсмыслицей, равно какъ безсмыслицей будетъ и французскій обыскъ (если состоится), котораго усиленно требуетъ парижская пресса. Само собою разумѣется, что Кутепова тамъ нѣтъ — ни живого, ни мертваго. Если онъ живъ и въ плѣну, то гдѣ нибудь далеко отъ Парижа. Если онъ убитъ, то, даже при убійствѣ въ стѣнахъ полпредства, не такъ же глупы боль-

шевики, чтобы оставить хоть какойнибудь малый слѣдъ своего злодѣянія. Развѣ не наивность искать могилу Кутепова? Подумаешь, если покойникъ, то непременно долженъ быть зарытъ въ землю! Какъ будто на службѣ ГПУ нѣтъ химиковъ! Мы въ XX мѣ вѣкѣ живемъ. Были бы даны время и лабораторныя средства, — мертвое тѣло можно истребить въ безусловную безслѣдность въ нѣсколько часовъ, не прибѣгая, ни къ огню, ни къ негашеной извести.

Неужели потеряли мы Кутепова, какъ потеряли Врангеля и Николая Николаевича мертвецами, а его Кутепова, то ли мертвымъ, то ли живымъ... Горькая, злая, скорбительная, постыдная для насъ тайна!

22.

Опять „злоба дня“ (ужъ и вправду злоба!) уводитъ меня въ сторону отъ темы. . Впрочемъ, на этотъ разъ не совсѣмъ, — въ близкое съ нею сосѣдство.

Меня спрашиваютъ:

— Вѣрите ли вы въ подлинность одобрительныхъ аттестацій, выданныхъ митрополитомъ Сергіемъ совѣтскому правительству за благонравное отношеніе къ православной Церкви?

Нѣтъ, не вѣрю.

— Почему? Развѣ вы сторонникъ Сергія? Сколько помнится, совсѣмъ

нѣтъ? Не вы ли когда то дали ему насмѣшливое прозвище „Гермогена наоборотъ“?

И повторю его. Насколько Гермогенъ былъ стоекъ и прямъ, настолько Сергій зыбокъ, извилистъ и податливъ. Насколько Гермогенъ былъ смѣлъ и не жалѣлъ живота своего, настолько Сергій робокъ и животолубивъ. Насколько Гермогенъ любилъ свою московскую Русь и Церковь, настолько Сергій любить свое „удобство житія“.

Гермогенъ былъ живою хоругвью и боевою трубою всенароднаго возстанія противъ нечестиваго врага, Сергій — воплощенное »чего изволите, товарищъ безбожникъ?“ Можно сказать, чѣмпіонъ „приспособленія къ подлости“ и въ высочайшей степени „вертячій бобъ“. Такъ звали подобныхъ въ то Смутное Время, когда Гермогенъ, мученически задыхаясь въ подвальной тюрьмѣ Чудова монастыря, не уставалъ громить изъ мрака ея польскихъ захватчиковъ и русскихъ измѣнниковъ и разсылать съ безстрашными ходоками набатныя грамоты въ благочестивые и стчизнолюбивые Низовые города.

Сергій принесъ много вреда русскому народу, приносить и будетъ приносить, если сохранить на себѣ санъ, авторитетомъ котораго онъ еще ослѣпляетъ многихъ, суевѣрно покорствующихъ видимости, не за-

мѣчая, что подѣ нею нѣтъ сущности. Если „клобукъ еще не дѣлаетъ монахомъ“, то и митра не дѣлаетъ епископомъ, а тѣмъ паче митрополитомъ въ ужасное для митрополиі время, когда свирѣпо ожесточенный, избалованный легкими побѣдами, врагъ-Антихристъ со всѣхъ сторонъ таранить стѣны Дома Пресвятой Богородицы и избиваетъ вѣрныхъ Ея. Сейчасъ, если митра не боевой шлемъ духовнаго вождя, то она просто серебряный горшокъ на праздно украшаемой головѣ, очень мало нужной кому либо, кромѣ, конечно, обладателя ея.

Православному народу нужны сейчасъ настоящіе Гермогены, которые въ отвѣтъ на измѣнничью угрозу ножемъ отвѣчаютъ въ упоръ безтрепетною анаѳемой, — „тебѣ, отступнику, и роду твоему!“ Нужны монахи, какъ Пересвѣтъ и Ослябя, Авраамъ Палицынъ, троицкіе сидѣльцы, отстоявшіе обитель св. Сергія отъ Сапѣги и Лисовскаго, благословившіе Нижегородское сполченіе, образумившіе сбитыхъ съ толку отступниковъ-казаковъ.

Митрополитъ Сергій десятки разъ доказалъ, что подобныя отвѣтственности не для него писаны. Не знаю, какой онъ человѣкъ. Можетъ быть, самъ по себѣ, и хорошій. Но онъ, маленькій каноническій бюрократчикъ, занимаетъ постъ, по условіямъ эпохи, требующій героизма и, при-

томъ, активнаго, а не только пассивнаго. Въ характеръ же митрополита Сергія героическаго элемента не чувствуется вовсе. Ни боець, ни мученикъ. Складная душа со всегдашнею готовностью къ бюрократической отпискѣ: „съ одной стороны надо сознаться, съ другой нельзя не признаться“.

Если бы Алексѣй Степановичъ Молчалинъ пошелъ въ монахи, онъ, вѣроятно, иночествовалъ бы съ такою же гибкостью, какъ митрополитъ Сергій, и сдѣлалъ бы такую же блестящую іерархическую карьеру. И былъ бы также мертвяще вреденъ, вытѣсняя изъ Церкви религіозно-патріотическій пафосъ „лояльностью“ въ бездушномъ порядкѣ умѣренности и аккуратности.

Не смотря на все то, я никакъ не могу повѣрить въ рѣшимость митрополита Сергія столь нагло попорать Христову правду своей гонимой и мучимой Церкви ложью въ поддержку Антихриста, какую влагаютъ въ уста Сергія большевики. Слишкомъ она чудовищна. Не только для православнаго іерарха, но и просто для человѣка крещеннаго и облеченнаго во Христа. Вѣдь, скажемъ прямо: это же откровенное предательство Церкви, выдача Ея на пропятіе большевицкимъ Аннамъ и Каіафамъ. Если бы Сергій дѣйствительно произнесъ и подписалъ то, что ему приписываютъ совѣт-

скіе офіціозы, то мѣсто ему не въ блюстителѣхъ патріаршаго престола, а на осинѣ рядомъ съ Іудою, цѣлованіемъ предавшимъ Учителя и Бога своего. А потому, не желая ни митрополигу Сергію такой судьбы, ни намъ, русскимъ, горести обрѣсти подобное сокровище среди своихъ іерарховъ, предпочитаю считать митрополита Сергія оболганнымъ.

Соображеніе, какъ читатель видитъ, исключительно „по психологіи“, а психологія, говорятъ, палка о двухъ концахъ. Можетъ быть, я слишкомъ оптимистъ: принимаю фактъ въ возможности лучше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Но, если (не дай Богъ!) такъ, то какой же это ужасъ и неизбывный стыдъ для всѣхъ насъ, для Россіи, для првославной Церкви, для христіанства! Вотъ то, во истину, было бы уже время возопить вмѣстѣ съ старцемъ соловьевскихъ „Трехъ разговоровъ“:

— Батюшки, Антихристъ!

к И это — какъ разъ, въ моментъ, когда пробуждается, наконецъ, долго спавшая христіанская совѣсть Европы, и, съ благороднаго почина папы Пія XI, всѣ вѣрующія силы ея, безъ различія исповѣданій, смыкаются дружнымъ строемъ, чтобы отразить нахрапъ воинствующаго Антихриста!

Поправочка-модернъ къ Апокалипсису Іоанна. Красный Драконъ преслѣдуетъ Жену Облеченную въ Солнце, ища ея поглотити. Съ высоты Римскаго престола летитъ въ лютаго Дракона стрѣла - молнія. А съ высоты московскаго престола протягивается рука — стрѣлу безвредно перехватить и предложить Дракону щитъ противъ дальнѣйшихъ возможныхъ стрѣлъ. И слышимъ ласковые уговоры:

— Помилуйте! Изъ за чего столько шума? Какой тамъ Драконъ?! Смирная рѣзвая ящерица. Напрасно Жена испугалась и кричитъ: это она съ Нею такъ, играетъ жизнерадостно. И никакихъ мы отъ сей ящерицы непріятностей не терпимъ и много ею довольны.

Вѣдь, почти что такъ! Немногаго не достаесть, чтобы Жена Облеченная въ Солнце осталась сама виновата: зачѣмъ раздражаетъ Дракона, убѣгая и не даваясь Ея сожрать.

Снесли же большевики Иверскую часовню (и митр. Сергій промолчалъ), потому что она „мѣшала уличному движенію“. Заявляетъ же совѣтская власть (и Сергіевы „апокрифы“ подтверждаютъ) будто кс-локола енимаются съ церковей потому, что звонъ дѣйствуетъ рабочимъ на нервы!

Когда то, давнымъ давно, въ семидесятыхъ годахъ, московская купчиха-милліонерка, владѣтельница до-

ма-дворца на Пречистенскомъ бульварѣ, обратилась къ священнику ближней церкви съ просьбою перемѣнить часъ ранней обѣдни, потому что утренній благовѣстъ мѣшаетъ ей спать. Священникъ, конечно, отказалъ. Дама, не унявшись, къ митрополиту (кажется, былъ уже Леонтій, а, можетъ быть, еще Маркарій) Митрополитъ по московской молвѣ, отвѣчалъ:

— Прекратите, сударыня, звонъ внутри вашей собственной головы, тогда и церковный извѣстъ препятствовать сну вашему перестанетъ!

Претензія дамы стала посмѣшищемъ и притчею во языцѣхъ всей Москвы.

Теперь блажь слабонервной, съ жиру бѣсившейся, купчихи (буржуйки!) обуяла, видите ли, слабонервныхъ „пролетаріевъ“ и современный іерархъ, чѣмъ бы лѣчить ихъ отъ внутренняго звона въ головахъ, забитыхъ гнусною пропагандою Ярославскаго и Ко, находитъ требованіе въ порядкѣ вещей, подчиняется безъ протеста.

Народъ требуетъ прекращенія колокольнаго звона?

Это народъ то, который въ своихъ былинахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, когда надо ему дать понятіе о страннѣ враждебной, невѣрной, дикой, „поганской“, опредѣляетъ ее двумя стихами:

Не стоять то тамъ церкви Божіи,
Не слышать то тамъ звону коло-
кольнаго?!

О, лгуны, безсовѣстные, безпамятные, безсердечные лгуны! Куда вы загнали, въ какую черную яму спихнули этотъ злополучный народъ съ его ребяческою полусознательностью, — съ мозгомъ-губкою, готовымъ съ одинаково пассивною воспримчивостью напиться что благовоннымъ елеемъ, что тухлою жижею изъ помойной ямы?

Вслѣдъ за Иверскою часовнею — нѣтъ больше Симонова монастыря въ Москвѣ!

Помню: я въ первомъ классѣ 6 й московской гимназіи. Директоромъ у насъ престарѣлый Семенъ Николаевичъ Шафрановъ, „человѣкъ сороковыхъ годовъ“, педагогъ поэтъ, другъ - отецъ своихъ питомцевъ, врагъ всякаго насильственнаго и формальнаго обученія, за что вскорѣ и съѣла его „классическая“ клика Леонтьева и Каткова, внѣдрящая недоброй памяти „реформу“ гр. Д. Толстого. Семенъ Николаевичъ училъ насъ любить Россію и, паче всего въ ней, Москву, а чтобы любить, знать ее. И вотъ — то и дѣло, прогулки всей гимназіей то на Воробьевы горы, то въ Алексѣевское или Коломенское, то въ этотъ, не существующій отнынѣ, Симоновъ монастырь. Плыли мы

туда на лодкахъ, съ пѣніемъ то молитвъ, то пѣсень, а приплывъ, становились лагеремъ на косогорѣ, подъ церковью, гдѣ спятъ въ двойной ракъ богатыри - монахи Пересвѣтъ и Ослябя. Служили молебень, послѣ молебна, питались — варили кулешъ. Потомъ шли на монастырское кладбище. Пѣли панихиду на могилахъ Н. И. Новикова, Д. В. Веневитинова, Хераскова. Самъ Шафрановъ, или талантливый учитель словесности Вл. Петр. Шереметевскій рассказывали намъ о нихъ подробно и увлекательно, воскрешали исторію монастыря, Куликовской битвы, вспоминали карамзинскую „Бѣдную Лизу“...

Все это вливалось-впивалось въ дѣтскую память и освящало ее навсегда тепломъ и свѣтомъ романтическаго патріотизма... Пришелъ хамъ, которому свѣтъ пріятенъ только отъ пожаровъ, а тепло онъ добываетъ изъ „рыковки“, — подложилъ динамитный патронъ... Все — къ чорту, во славу чорта!

А мртрополить Сергій предъ совѣтскими репортерами изъ былыхъ ракловъ и иностранными корреспондентами „объективно констатируетъ фактъ“:

— Сокращеніе и закрытіе церквей и монастырей производистя по желанію самого населенія, въ которомъ вообще замѣчается упадокъ религіозности.

Еще бы упадку не быть! При
этакомъ то „главѣ Церкви“, кото-
рый управляетъ Ея жизнью, „дер-
жась за ручку“ съ Ея злѣйшимъ
врагомъ и разрушителемъ больше-
вицкимъ Антихристомъ!

Въ первыхъ годахъ столѣтія од-
на моя знакомая дама, какъ то
вдругъ, ни съ того, ни сего, пере-
шла въ католичество. Спрашиваютъ
ее:

— Зачѣмъ это вамъ понадоби-
лось?

— Да, знаете, — отвѣчаетъ, —
раздумалась я какъ то: отъ кого я
духовно завишу? кто у насъ глава
Церкви? У католиковъ — римскій
папа, Левъ XIII. Кто онъ? Священ-
никъ, монахъ. Понимаю. А у насъ?
Владиміръ Карловичъ Саблеръ. Вла-
диміръ... Карловичъ?!.. Саблеръ?!..
Почему? Зачѣмъ? Не понимаю!...
Взяла и перешла!

Учрежденіемъ Патріаршества по-
явленіе „Владиміровъ Карловичей“
въ „главахъ Церкви“ упразднилось
будемъ уповать, на всегда. Но, вѣдь,
туть, когда разрушаются величай-
шія русскія святыни, а „глава Цер-
кви“ журчитъ, что де это они сами
валятся, понеже народъ ихъ не хо-
четъ, туть не Владиміромъ Карло-
вичемъ пахнетъ, а подрывомъ цер-
ковной совѣсти, какого сорокъ ты-
сячъ Владиміръ Карловичей устро-
ить не могли бы. О, Господи! что
дальше, то хуже! Неужели доведутъ

до того, что и о Владимірахъ Карлови-
чахъ будемъ вспоминать не безъ
сожалѣнія?

На случай, если-бы митрополить
Сергій не былъ оболганъ, а дѣйстви-
тельно наболталъ всѣ дрянности, что
ему приписываютъ большевики, из-
винители (ихъ всегда достаточно
среди ни горячихъ, ни холодныхъ,
которымъ, что ни попъ, то батька,
а, въ общемъ, собственно говоря,
наплевать) уже приготовили объяс-
неніе :

— Вынужденъ.

Но нѣтъ, здѣсь это не пройдетъ.

Есть отвѣтственные положенія, есть
рѣшительныя испытанія, есть „или-
или“, когда „вынужденность уже не
можетъ приниматься въ расчетъ.

Таковы, въ данномъ случаѣ, по-
ложеніе и испытаніе митрополита
Сергія. Къ тому, что онъ возвъ-
стилъ, онъ могъ быть, (и вѣроятно
былъ) вынуждаемъ но не могъ быть
вынужденъ.

Если же былъ вынужденъ, то,
значитъ, не выдержалъ испытанія,
измѣнилъ положенію, сдалъ „или“
Христовой правды въ полонъ „или“
Антихристовой лжи. Можно пожа-
лѣть его, какъ слабаго человѣка,
оробѣлаго передъ устрашеніемъ и
согнувшагося подъ непосильной но-
шей, но уже нельзя уважать въ
немъ православнаго іерарха. Ибо не
пожалѣлъ онъ своей благодати, со-

вѣсти іереи Бога Живого, и оклеветалъ совѣсть народную, совѣсть вѣренной ему паствы.

Въ Диоклетіаново гоненіе римскій папа Марцеллинъ былъ вынужденъ принести жертву Венерѣ. И, по мотивамъ не только личнаго „удобства бытія“, но и въ житейскихъ выгодахъ своей паствы, нашелъ себя вынужденнымъ исполнить правительственное требованіе. Его мотивы были поняты, его самага жалѣли, но папою то онъ, всетаки, „автоматически“, пересталъ быть: не годился больше въ намѣстники Христа съ момента, когда публичнымъ компромиссомъ поставилъ Христа ниже Венеры! Присягнулъ торжеству царства плоти надъ гонимымъ царствомъ Духа!

Что же? вамъ отъ митрополита Сергія, значить, мученичества угодно?

Да, есть страшныя мгновенія, когда служитель великой идеи, а тѣмъ болѣе святой вѣры не можетъ выйти изъ положенія съ достоинствомъ иначе, какъ мученикомъ. Есть грозныя отвѣтственности, непременно приводящія къ такимъ страшнымъ мгновеніямъ. Когда испытующее мгновеніе наступаетъ, человѣкъ воленъ, если слабъ и плохъ, снять съ себя отвѣтственность, но, если онъ пребываетъ ей вѣренъ, то обязанъ принять за нее мученической вѣнецъ.

Такъ и приняли его митрополиты Веніаминъ Петроградскій и Владиміръ Кіевскій и десятки архіереевъ, которыхъ большевики закапывали живыми въ землю, привязывали къ колесамъ париходовъ, топили въ морѣ, окрутивъ колючей проволокой, Такъ сотни ихъ терпѣли и терпятъ истязанія, заточеніе, ссылку. А священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ въ этомъ горестномъ синодикѣ вписаны тысячи. Жертвы героической твердости въ Вѣрѣ и преданности Церкви. — по увѣренію Сергіева „апокрифа“, — „не преслѣдуемой“! Вотъ эти воины Христовы понимали, что ихъ митры, клобуки и камилавки суть ратные шлемы, а набедренники и палицы — духовные мечи!

На экзаменѣ и Антихриста — либо мученичество, либо отступничество: середины нѣтъ и быть не можетъ. По крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто не согласенъ впустить въ свою душу іезуитско-лакейскую диалектику плута Смердякова. Вотъ этотъ „бульонщикъ“ предлагалъ во истину удивительный рецептъ, какъ человекъ, отрекаясь отъ Христа, можетъ, однако, сохранить всѣ права и выгоды законнаго пребыванія въ овчемъ стадѣ Христовомъ. Но, вѣдь, во-первыхъ, Смердяковъ не былъ и не собирался быть іерархомъ. А, во-вторыхъ, діалектическіе рецепты даже и Смердякова при-

вели къ тому концу, что вбилъ онъ однажды гвоздь въ стѣну, да и подвѣсилъ себя за шею.

24.

Во многихъ письмахъ, получаемыхъ мною по поводу „Стѣны Плача и Стѣны Нерушимой“, и въ нѣкоторыхъ печатныхъ откликахъ читаю, въ разныхъ выраженіяхъ, общую мысль:

— Отрицательную сторону нашего эмигрантскаго положенія вы разобрали люто и, мы согласны, въ большинствѣ справедливо. Но скажите же, наконецъ, и положительное слово. Что мы, по вашему, должны дѣлать для того, чтобы выйти изъ нашего, омерзительно тѣснаго и, — въ этомъ вы правы, — ничуть не лестнаго для насъ тупика? Чѣмъ можемъ мы принести дѣйствительную пользу дѣлу освобожденія Россіи отъ большевицкаго ига и, такимъ образомъ, слѣдовательно, оправдать свою эмиграцію, упорядочить цѣлесообразностью ея хаосъ?

Нѣтъ, я не скажу такого положительнаго слова.

— Ага! То то! Такъ мы и знали! Потому что вы сами его не знаете!

Знаю или нѣтъ, это вопросъ особый: мое дѣло. Дѣло себя, — думаю, — знаю. А для другихъ — я не учитель, не пророкъ, не вождь чтобы, взобратъся на Моисея,

ево сѣдалище и вѣщать основательныя словеса.

И это не потому, что я ихъ не знаю. А потому, что, по моему, если кто вѣщаетъ людямъ, что и какъ они должны дѣлать къ своему благоустройству, тотъ и самъ долженъ быть способнымъ дѣлать это и дѣйствительно дѣлать.

Будь мнѣ не 67, а 37 или даже 47 лѣтъ, я сказалъ бы вамъ, что надо дѣлать, такъ какъ дѣлалъ бы самъ. Но я полуслѣпой старикъ, нище и уединенно живущій въ пустынной глуши, мѣсяцами не слыша русскаго слова, не видя русскаго лица. Уже не гожусь для дѣлъ, требующихъ мощной физической энергій, лвиной силы и ловкости, орлиного взора, соколиного полета. Топорщиться же и махать крыльями, какъ усердствуютъ многіе учительные старцы эмиграціи, я не хочу. „Есть тѣма охотниковъ, я не изъ ихъ числа!“

Да и увѣренъ ли я въ томъ, что, если выскажусь до дна моей программы, то миллионъ голосовъ не закричитъ на меня:

— Да вы съ ума сошли! Вы не спасенія, а гибели нашей хотите! Этакъ насъ ни одно государство не вытерпитъ! Вы эмиграцію въ пропасть тянете! Это безсознательная провокація! Вы, врагъ большевиковъ, играете имъ въ руку!

Ну, такъ и помолчимъ.

И, оставивъ въ сторону практическія требованія необходимаго активнаго будущаго, разведемъ теоретическіе бобы посильнаго активизма въ настоящемъ.

Какимъ девизомъ долженъ онъ быть движимъ въ первую очередь?

Слышу многоголосую подсказку: — Объединеніе.

Ну, вотъ, я уже и скисъ.

Экъ, господа! Восемь лѣтъ тому назадъ, только что бѣжавъ изъ краснаго Петрограда, еще не приглядѣвшись къ эмиграціи, будучи очень высокаго мнѣнія объ ея нравственныхъ силахъ и, въ особенности, идеализируя ея патріотизмъ, я готовъ былъ склонять „объединеніе“ во всѣхъ падежахъ денно и ночью, чая въ немъ непремѣнное прямое разрѣшеніе нашей мудреной задачи. Сейчасъ же горькій опытъ восьми-лѣтняго наблюденія привелъ меня къ такой точкѣ, что, когда я слышу или читаю это слово „объединеніе“ въ сопровожденіи соотвѣтственныхъ проэктвъ, то, право, чувствую себя такъ неловко, словно меня, сѣдовласаго, сѣдовласые же приглашаютъ:

— Засядемъ ка, братъ, играть въ бирюльки!

Какое ужъ вамъ объединеніе, если вы, разбитые на кучки и стаясь оскаленными одна на другую зубами, не можете видѣть другъ дру-

га безъ яростныхъ счетовъ, и предѣль вашей патриотической морали:

— Ненавижу чорта, но — „нехай въ мою хату чертъ лізе абы не су-сідь!“

Еще печальной памяти Зарубежный Съѣздъ выявилъ позорныя раздѣльныя черты вашего разьединенія, а съ того времени онѣ не утончались, но утолщались.

И утолщились до того, что надъ объединеніемъ уже куры смѣются. Распространеннѣйшій бѣженскій иллюстрированный журналъ позволилъ себѣ непристойнѣйшую первоапрѣльскую шутку — мистификацію по поводу вашего объединенія, и никто, что называется, глазомъ не моргнулъ. А журналъ даже обидѣлся, когда графъ Коковцевъ и ген. Миллеръ замѣтили ему, что шутка неприлична.

Временами на раздѣльныхъ чертахъ появляются добродушныя фигуры наивныхъ миротворцевъ, политическихъ мистеровъ Пиквиковъ, — съ тѣмъ, чтобы, какъ водится, получить, „въ числѣ драки“, отъ Желтаго Журавля по головѣ чемо-даномъ, отъ Синеи Синицы по спинѣ кочергой, и отступитъ въ смятеніи, озадаченно ощупывая ушибленныя мѣста:

— За что, о, Господи? *

Какъ извѣстно, столкновение Журавля съ Синицей, въ которомъ такъ жалостно пострадалъ мило-

сердный мистеръ Пиквикъ, было прекращено бравымъ Сэмомъ Уэллеромъ. Прибѣжавъ на шумъ, онъ схватилъ Журавля за шиворотъ, Синицу за другой, развелъ ихъ по разнымъ комнатамъ и заперъ на ключъ, впредь до успокоенія взбудораженныхъ нервовъ. „Объединенія“ Журавля съ Синицей изъ этой рѣшительной мѣры, конечно не получилось, но хоть за то спасибо, что затихъ умовредный и соблазнительный скандалъ. Хотѣлось бы надѣяться, что однажды дождется какого-нибудь энергичнаго Сэма Уэллера также и бурливая пестрота русской эмиграции, — этой „бѣлой“ эмиграціи, такъ оправдывающей собою оптическую истину, что бѣлый цвѣтъ есть смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ.

— Итакъ, за разъединеніе вы насъ ругаете, а въ объединеніе не вѣрите. Такъ что же вамъ угодно? чего, собственно, вы желаете?

„Угодно“ — слово требовательное, а на требованіе не чувствую въ себѣ ни волевой силы, ни, поэтому, права. „Желать“ — шире: до уповающей мечты включительно.

Такъ вотъ, въ порядкѣ уповающей мечты, желалъ бы я, чтобы изъ эмигрантской среды выдѣлилась и начала развиваться дѣйственная сила (будетъ ли то личная единица или группа), способная превратить эмиграцію изъ, рассыпаннаго зря

по земному шару чловѣчьего стаз да въ нѣкое международное „государство въ государствахъ“ и взять въ немъ правительственную власть.

Кто-то изъ возражавшихъ на мое скептическое отношеніе къ „активному выжиданію — терпѣнію“ ссылался на историческій примѣръ бывшей польской эмиграціи: она, де, вотъ, вытерпѣла, отстрадала свои сроки, — и дождалась.

Да. Но дождалась то именно потому, что, въ своемъ терпѣніи и страданіи, никакъ не была стадомъ, но жила въ патріотической дисциплинѣ, направляемой къ дѣятельности очень твердыми руками подъ блюстительствомъ очень зоркихъ глазъ. И то, въ комъ глаза эти усматривали уклонъ отъ линій, намѣченныхъ твердыми руками, сперва получали урокъ — не сбивайся, моль, съ ноги, а, въ случаѣ, рецидивовъ, и вовсе отстранялись отъ польской sprawy. Въ острые же моменты, когда требовались къ учету всѣ духовныя и матеріальныя возможности польскаго патріотизма, уклоняющіеся подвергались національному бойкоту, острымъ карамъ и, наконецъ, даже устраненію изъ сего брэннаго бытія.

То-то вотъ и есть. Вы сперва родите такую повелительную центральную организацію, какъ Жондъ Народовы, а потомъ ужъ и мѣряйте возможности русской эмиграціи

по исторіи польской. Осмѣянные Гейнрихомъ Гейне, Крапулинскій и Вашляпскій были очень жалкими эмигрантами, но, всетаки, они знали, гдѣ ихъ политически дѣятельный центръ, за который имъ обязательно держаться, чтобы оправдывать свою кандидатуру въ граждане будущаго польскаго государства. Въ нашей же эмиграціи такимъ знаніемъ не въ правѣ похвалиться даже именитѣйшіе ея члены, и не имѣется никакой руки, предначертывающей намъ линіи обязательнаго политическаго тяготѣнія.

А безъ этого нельзя. Пока этого нѣтъ, эмиграція, хотя бы вся сплошь состояла изъ прекраснѣйшихъ лично патріотовъ, никуда не годится, какъ дѣятельное патріотическое сообщество. Въ ней могутъ возникать тысячи интересныхъ теоретическихъ плановъ, но предосуждены на провалъ ихъ практическія осуществленія. Спасательства — сколько угодно, спасенія не жди. Прутковская игра на скрипкѣ безъ канифоли.

Когда я привожу въ примѣръ успѣшныя политическія достиженія евреевъ, слышу наивно упрямыя возраженія:

— Еще бы! у евреевъ солидарность! Жидовскій кагалъ, — слыхали? — это штука!

Слыхать слыхаль, видать не видалъ, и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ

эту „штучку“ расписывают, она — изъ мифологии. Пресловутая еврейская солидарность, въ пробахъ великой войны и пролетарскихъ революцій, тоже не оправдала своей преувеличенно лестной репутаціи: въ еврействѣ идетъ та же разслойка, что въ христіанскихъ массахъ. Но легенды о великомъ кагалѣ, якобы создающемъ, охраняющемъ и направляющемъ солидарность всей еврейской діаспоры, связуя „интролигатора“ Моцку изъ Шполы съ Якобомъ Шиффомъ и миллиардерами Нью-Йорка и Чикаго, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ нашемъ-то подсознаніи шевелится вѣрное чутье, что патриотизмъ народа, утратившаго отечество, въ состояніи успѣшно работать и достигать своихъ цѣлей только подъ твердымъ руководствомъ стройной правительственной организаціи. Или, чтобы не избѣгать прямого слова, диктатуры.

И, конечно, великаго еврейскаго кагала нѣтъ, но каждое еврейское предпріятіе представляетъ собою маленькій кагалъ, возникающій и утверждаемый чрезвычайно парламентарнымъ путемъ, въ шумныхъ и страстныхъ дискуссіяхъ чуть не до драки, но, какъ скоро возникъ и утвержденъ, столь же безусловно, или, какъ теперь стали говорить, безоговорочно диктатурный. (Это, къ слову сказать, очень хорошо,

вѣрно и образно выявилъ въ своей извѣстной книгѣ Шульгинъ). А потому и почти всегда успѣшный. Таковы и всѣ еврейскія политическія „эзекутивы“. Въ нихъ широкая свобода слова, но — охъ, какъ крѣпко связана свобода личнаго дѣйствія! Ясная договоренность общей линіи вручаетъ уполномоченной группѣ безоговорочное движеніе въ данномъ направленіи на извѣстный срокъ. И тотъ, кто, въ этомъ срокѣ пытается вставлять палки въ колеса уполномоченной группы, разсматривается, какъ врагъ не ея только, но, черезъ нее, всего договореннаго дѣла, какъ разрушитель движущей его солидарности. Мы со своими смѣновѣховцами, если не цѣлуемся, то ахъ, какъ охотно танцуемъ на канатикѣ „понять — простить“, а, вонъ, попробовалъ втирать евреямъ смѣновѣховскіе очки старикъ Брайнинъ, такъ ему заткнули ротъ бойкотомъ.

И, какъ хотите, милые соотечественники, но на этотъ необходимый случай — „ваше величество, благоволите произвести насъ въ жида!“ Нашей эмиграціи необходимъ свой „кагалъ“, свой „жондъ народовъ“, своя группировка дѣйственныхъ силъ, вооруженная правами законодательными, судебными и исполнительными. Свое правительство, снабженное средствами предписывать эмиграціи порядокъ

отношенія къ строительству освобожденія Россіи, охранять его соблюдение, карать его нарушеніе.

— Но для того, чтобы выдѣлить такую полномоченную группу и вооружить ее диктатурой, нужно же, всетаки, прежде всего объединеніе?

Нѣтъ. Дожидаясь „объединенія“, мы рѣшительно активной группы, способной сдѣлаться эмигрантскимъ правительствомъ, никогда не дождемся. Потому что, вѣдь, даже самыя искренніе и благонамѣренныя „объединители“ начинаютъ съ опредѣленія границъ объединенію направо и налево, т. е. сразу кладутъ въ основу объединенія принципиальное разъединеніе. Съ этой наивной ошибкой воскресла теперь пропаганда Р. Н. К. В. Л. Бурцевъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ далъ даже примѣрный поименный списокъ лицъ, которыми этотъ центростремительный блокъ долженъ ограничить свое притяженіе: многочисленныя агнцы слѣва, нѣсколько, такъ и быть, терпимыхъ козлищъ справа и помѣси козла съ овцой въ центрѣ. „Не могутъ войти только соглашатели съ большевиками (правильно, ибо соглашательство есть уже признаніе совѣтчины) и партіи, навязывающія Россіи насильственно легитимизмъ и самодержавіе“. Вотъ вамъ и первый сигналъ къ разброду!

Я столько беролся противъ самодержавія, что никакъ не могу быть

дозрѣнъ въ симпатіяхъ къ нему и въ стремленіяхъ къ его реставраціи, хотя опытъ 1917-1930 гг. и научилъ меня признавать, что „маленькій деревянный домикъ лучше большой каменной болѣзни“, и, какъ ни огрубѣла въ устарѣлости самодержавная форма правленія, все же, самое плохое самодержавіе лучше самаго хорошаго большевизма. А противъ легитимныхъ претензій я, уже и теперь, въ „бѣлой“ эмиграціи, выступалъ съ большою рѣзкостью на столбцахъ парижскаго „Возрожденія“ и варшавскаго „За Свободу“ и готовъ повторить все сказанное отъ слова до слова. Однако, хоть убей, не понимаю, почему въ коллегіи, гдѣ всякому эмигранту будетъ предоставлено открыты вѣщія уста для патріотическаго слова и приложить рабочія руки къ потріотическому труду, легитимисту надо заткнуть ротъ и связать руки за спину?! Не странно ли начинать обѣдню національнаго единства возгласомъ:

— Оглашенніи легитимисты, изыдите! Да никто изъ легитимистовъ! Паки и паки либерально-соціалистическому парламентаризму поклонимся?!

Тѣмъ болѣе, что, по счету В. Л. Бурцева, легитимисты въ эмиграціи составляютъ даже не „партію“, но „партіи“, при томъ такія, что способны навязать Россіи легитимизмъ

„насильственно“. Значить, сихъ оглашенныхъ не одинъ, два да и обчелся, а великое множество? Но, если такъ, то по какой же логикѣ и по какому праву это множество устраняется изъ объединенія сразу предумышленно разъединяемаго?

И замѣтите: такъ судить Бурцевъ человекъ мягкій, покладистый съ широкой душой. А представьте на его мѣстѣ цензора по натурѣ, какъ честнѣйшій, но нетерпимо щепетильный, узкій Мельгуновъ.

Совершенно та же, а, пожалуй, еще острѣйшая цензурная сортировка матеріаловъ, годныхъ къ объединенію, замѣтна справа. Одинъ изъ возражателей мнѣ, убѣдительно доказывающій, что въ эмиграціи, какъ на землѣ къ концу шестого дня творенія, все добро зѣло, то есть безвредно и прекрасно, воспѣваетъ хвалебный гимнъ эмигрантской солидарности. Но воспѣвъ, немедленно, даже точки не успѣвъ поставить, оговариваетъ:

— „Надѣюсь, что Амфитеатровъ не требуетъ все же солидарности съ Милюковыми, Керенскими и К-о“....

Амфитеатровъ то „не требуетъ“, но развѣ возражатель не замѣчаетъ какъ онъ изъ круга хваленой солидарности вырѣзалъ собственной рукой весьма обширный секторъ? Милюковъ стоитъ во главѣ очень значительной части эмиграціи, Ке-

ренскій, сколь это ни удивительно тоже еще не одинокъ, а если прибавить сюда и алгебраическое число „К о“, то сложится изъ разныхъ лѣвыхъ и полулѣвыхъ группъ величина которую такъ просто не возьмешь да выкинешь за окошко. Тутъ надо посчитаться да и посчитаться.

Амфитеатровъ не требуетъ солидарности съ названными совсѣмъ не потому, чтобы онъ считалъ такую солидарность невозможною или безнужною вообще: напротивъ, рано или поздно правая и лѣвая сторона, пообтерши острые углы, должны будутъ, хотя бы и скрѣпя сердце, ужиться на почвѣ взаимоуступокъ, если обѣ жить хотятъ. А не требую я солидарности этой просто по тому практическому соображенію въ данномъ времени и бытѣ что ни Милуковъ, ни тѣмъ паче Керенскій, ни К о не въ состояніи овладѣть эмиграціей настолько, чтобы создать то революціонно активное правительство, о которомъ я говорю, какъ о нашей насущной необходимости.

Все это люди старые (говорю, не какъ о лицахъ, а какъ о собирательныхъ символахъ), люди, компрометтированные политическими неудачами и ошибками, люди, испорченные закоренѣлыми политическими привычками: живописцы по графарету. Имъ нельзя вѣрить не

потому, чтобы они хотѣли зла, но потому, что они такъ доказанно безсильны и неумѣлы творить добро.

Нѣтъ, тутъ нужны какія то новыя силы, какіе то новые люди, свѣжіе, бодрого духа, не отравленнаго предвзятостью, способные къ оригинальному, творчеству, полные той рѣшительной смѣлости, что города беретъ: силы и люди хотя бы вродѣ тѣхъ, какихъ, я живя въ Италіи, восемь лѣтъ наблюдаю въ могущественномъ національномъ строительствѣ фашизма. Таковъ прежде всего, самъ Бенито Муссолини, но, вѣдь, огромная фигура его, которая восемь лѣтъ тому назадъ казалась опасно одинокою, теперь отражается миллиономъ живыхъ зеркалъ.

— „Ага! Договорились! Значить, вы просто напросто приглашаете къ организациі русскаго фашизма? Да развѣ вамъ не извѣстно, что онъ существуетъ, но, по правдѣ сказать, ничего путнаго мы отъ него не видимъ?”

— Да и не увидите. Потому что фашизмъ — великая могучая сила только въ формѣ внутренне-политической организациі, развивающейся въ нѣдрахъ самой освобождаемой страны. Зарубежный фашизмъ самоутѣшительная пародія, благородное самозванство, мертворожденное дитя хорошаго происхожденія. Тамъ,

внутри Россіи, есть жирная почва для роста фашизма, и, конечно онъ тамъ будетъ.

Здѣсь, въ эмиграціи, никакой, и онъ останется какъ {и есть, только однимъ изъ безчисленныхъ видовъ бѣженскаго словопренія. Тогда какъ существо побѣдоноснаго Муссолиниевскаго фашизма въ томъ и состоитъ, что онъ всегда и всюду весь — въ дѣйствиіи, безъ напрасной затраты словъ.

Нѣтъ, той силѣ, что я призываю какъ русское эмигрантское правитель-ство, есть много чему поучить-ся у фашизма, но нельзя быть имъ. По средствъ и тактики фашизма ей предстоитъ трудная предваритель-ная эволюція въ условіяхъ, гораздо менѣе благоприятныхъ, чѣмъ окру-жали посѣвъ и всходы итальянскаго фашизма. Одно дѣло вести патрио-тическую революцію въ цѣльно-на-ціональной сорокамилліонной, про-никнутой въ большинствѣ созна-ніемъ необходимости опереться на свои исконные историческіе устои. Другое дѣло — двигать патриоти-ческую революцію въ національ-номъ разсѣяніи, затерянномъ среди чуждыхъ народовъ, хаотически раз-ноголосомъ, потерявшемъ въ бур-номъ метаніи по политическому мо-рю океану и капитана, и руль, и компасъ.

Эмигрантское „правительство“ не можетъ быть „избрано“. Ему предтоитъ самому создать себя обобленнымъ, отъединеннымъ оргазизмомъ властнаго дѣйствія, къ которому „избраніе“, т. е. признаніе, нудеть приходить, по мѣрѣ того, такъ онъ, подсно фашизму же, будеть выявлять доказательно свою крактическую полезность и способность къ власти. До того срока нмигрантское правительство осуществимо не иначе, какъ своевольнымъ, захватнымъ порядкомъ. Болѣе того: возможно, что ему приется нѣкоторое время жить въ подпольѣ, править въ единственной невѣдомости, какъ правилъ Жондъ Народовы, какъ приписываетъ молва еврейскому „синедріону“, какъ развивала свою боевую дѣятельность революціонная „Народная Воля“. У нея тоже есть чему поучиться не меньше, чѣмъ у фашизма.

Бурцевъ въ недавней анкетѣ своего „Общаго Дѣла“ ставить прямой вопросъ:

— Считаете ли вы — для освободительной противобольшевицкой борьбы — нужными и приемлемыми методы „Народной Воли“?

Въ большинствѣ отвѣтовъ:

— Да! необходимы!

Вѣжливый эвфемизмъ „методы Народной Воли“ подразумѣваетъ,

просто сказать, вооруженную борьбу и терроръ. По „методамъ Народной Воли“ Конради устранилъ Воровскаго, — и былъ оправданъ швейцарскимъ судомъ, при рукоплесканіяхъ всего цивилизованнаго міра. По „методамъ Нар. Воли“ Борисъ Коверда устранилъ изверга Войкова, — и, къ негодованію всего цивилизованнаго міра, посаженъ въ пожизненную тюрьму польскимъ судомъ, позабывшимъ, что во главѣ своего правительства Польша имѣетъ стараго революціонера, который самъ не только придерживался „методовъ Нар. Воли“, но и участвовалъ въ „эксахъ“, чего „Нар. Воля“ не одобряла и чуждалась. По методамъ „Нар. Воли“ воюетъ съ большевиками Братство Русской Правды, истребляя десятки совѣтскихъ чиновниковъ и шпиковъ. И М. П. Захарченко Шульцъ работала по методамъ „Народной Воли“. И Радкевичъ, погибшій при неудачной попыткѣ взорвать ГПУ.

Въ культурномъ мірѣ едва ли найдется человѣкъ, способный, „будучи въ здоровомъ умѣ, признать терроръ нормальнымъ государственнымъ устоемъ въ „перманентномъ“ дѣйстви. Но и, обратно, едва ли кто здравомыслящій и опытный житейски рискнетъ опровергать изреченіе одного американскаго друга Россіи, что „бѣшеную собаку сперва убиваютъ, а уже потомъ о ней

разсуждаютъ“. Уничтожить бѣшеную собаку, конечно, тоже терроръ. Но уничтожить ее, значить спасти цѣлый округъ отъ эпидеміи водобоязни. Стрѣлокъ по бѣшеной собацѣ — нашъ благодѣтель. Но въ нашей избавившейся интеллигенціи, одурманенной авторитетной глупостью „непрогивленія злу“, принято, какъ разъ, наоборотъ: спасать бѣшеную собаку и выдавать ей на загрызъ стрѣлка. Вспомнимъ июль — октябрь 1917 года, эту „керенщину“, которая нынѣ сдѣлалась позорною кличкою даже въ устахъ того, отъ чьего имени она произошла.

Скажутъ инье:

— Эка васъ куда метнуло! „Народная Воля“, „Жондъ Народовы“, „Синедрионъ“ законодательство и судъ въ подпольѣ... Еще не тайныя ли судилища Св. Вемы, а то и, чего добраго, „маффія“?

А, какъ хотите, такъ и зовите:

Кличка на вору не виснетъ, было бы дѣло честно и крѣпко.

Что же „маффія“? Я живаль въ старой до-фашистской Сициліи. Развѣ въ ея хаотическомъ обществѣ, расхлябанномъ экономически и юридически, съ латифундіями, фактически сохранившими хозяйства и нравы времени крѣпостного права, при власти слабой и лицемѣрной по зависимости отъ произвола выборщиковъ въ муниципалитеты и парла-

менты, — развѣ въ прежней Сициліи въ состояніи былъ существовать спокойно и безобидно мирный обыватель, если бы не имѣлъ поправки къ плохому законодательству и скверной администраціи къ апелляціи къ этой, вотъ, самой маффіи? Тамъ, гдѣ нѣтъ закона или онъ ослабѣлъ и исказился до превращенія въ беззаконіе, тамъ всегда выступаетъ на сцену живой законъ народной совѣсти, выдвигается судьей „справедливый насильникъ“, „благородный разбойникъ“. Съ приходомъ въ край настоящей крѣпкой власти, подобные бытовые суррогаты права, оказываясь впредь ненужными, таютъ и быстро исчезаютъ. Итальянское королевство боролось съ маффіей шестьдесятъ лѣтъ, въ неисчислимой смѣнѣ правительствъ, и всегда одинаково безуспѣшно. А пришелъ къ власти Муссолини съ фашизмомъ, — и „не искоренимую“ маффію сдуло, какъ пухъ вѣтромъ. Упразднилась безъ борьбы, — за бесполезностью. Потому что населеніе увидѣло и повѣрило, что въ краю водворяется твердая власть неподкупнаго закона, которая не шутитъ, и съ нею шутить нельзя.

Что ужъ эмиграціи пугаться словъ, когда она упала до такой отчаянности въ дѣлахъ, что узрѣла было нѣкій якорь спасенія даже въ „товарищѣ Черезъ Заборъ Бесѣдов-

скомъ“, какъ прозвалъ этого сударя, кажется Борисъ Суворинъ?... Въдь, это же опять прямо изъ Щедрина: подобно той его старушкѣ, что, безуспѣшно пролѣчившись у врачей и знахарей, обрѣла, наконецъ, цѣлительное прибѣжище:

— Теперь лѣчусь у оборотня.

— У оборотня?! Какой же это оборотень? Какъ же онъ васъ лѣчить?

— Да, обыкновенно, какъ бываютъ оборотни.... Ну... ворочается, хрюкаетъ, воняетъ...

— И помогаетъ?

— Помощи настоящей, правду вамъ сказать, нѣтъ, — ну, а всетаки...

— О, Господи! — восклицалъ са-тирикъ, — до какого же, однако, отчаянія доведено должно быть разумное человѣческое существо, чтобы возложить свое упованіе на... оборотня!!!

Эмиграція на своего оборотня возуповала съ великою страстностью. Писались и печатались статьи, приносились рѣчи (и неглупыми иной разъ, казалось бы, людьми!) о пользѣ для эмиграціи совѣтскихъ оборотней вообще, а „товарища Черезъ Заборъ Бесѣдовскаго“ въ особенности. Ибо — вотъ де намъ Европа въ жалобахъ нашихъ на большевиковъ не вѣритъ, а ему повѣрила и — сконфузилась, заметалась! Ай да оборотень!

Фактъ этотъ, что Европа, „дѣлавшая глухое ухо“ правдивому воплю трехъ миллионовъ честныхъ голо-совъ, прислушивалась со вниманіемъ къ разсказамъ бѣглаго совѣтскаго чинушки,—къ сожалѣнію, вѣрнень... И есть же еще, предъ лицомъ такого факта, охотники обманывать себя утѣшеніями, будто эмиграція пользуется уваженіемъ Европы! Покорнѣйше благодарю за такое уваженіе, которое, когда хрюкаетъ и воняетъ оборотень, ему вѣригъ, а когда говорятъ Бунинъ, Шмелевъ, Карташевъ, Струве, Милуковъ, Шульгинъ и пр., и пр., скептически поглядываетъ имъ въ глаза:

— А не врешь ли ты, панъ писарь?

Ну, да въ сторону оборотня. Вернемся къ мечтѣ о „правительствѣ“.

— Итакъ, выходитъ, словомъ, что вы, г. Амфитеатровъ, мечтаете навязать намъ капрала съ палкой?

— Да если вы доказали, что безъ капрала не умѣете жить, а въ состояніи только обывательствовать?

— Такъ-съ. Однако, довольно же кислаго вы о насъ миѣнія!

— Какое выросло. Не я его ро-стилъ. Корней вашихъ древо.

— Ну, и что же дальше? Тоже по пословицѣ: „кто палку взялъ, тотъ и капраль“?

— По всей вѣроятности.

Въ томъ періодѣ, какъ теперь,

когда единственною серьезною задачею эмиграціи стоитъ низверженіе большевиковъ, безразлично, кто будетъ капраломъ съ палкою, чтобы осуществить это боръбовое правительство. Отъ Вел. Князя Кирилла до Милюкова, отъ Керенскаго до Маркова 2-го включительно. (Опять и опять повторяю, что имѣю въ виду не лица, но символы направлений).

Считаться въ „измахъ“ будемъ, когда большевиковъ не станетъ въ Кремлѣ, а до того срока счеты въ „измахъ“, какъ были, такъ и суть, и будутъ просто „уклоненіями отъ воинской повинности“ въ мобилизаціи противъ большевиковъ.

И никакими громкими словами, никакими возвышенными идеями, никакими благими намѣреніями уклоненія эти извинены быть не могутъ. Благими намѣреніями вымощенъ адъ. На Россіи, въ которой благія намѣренія Временнаго Правительства послужили подмостками для совѣтскаго ада, пословица эта оправдалась полностью.

Для того, чтобы прозябательный бытъ эмиграціи въ атмосферѣ благихъ намѣреній переродился въ бытъ благой дѣятельности, необходимо, чтобы идея противобольшевицкой боръбы осознана была эмиграціей не какъ благородное патріотическое пожеланіе, которое переходитъ въ дѣйствіе только у пылкоголовыхъ

героическихъ романтиковъ добровольной авантюры, но какъ обязательная повинность, распространяющаяся на все бѣженство. Каждый и каждая въ русскомъ Зарубежьѣ должны быть поставлены предъ прямымъ вопросомъ:

— Чѣмъ ты оправдываешь свое пребываніе въ эмиграціи? Чѣмъ ты участвуешь въ борьбѣ противъ большевиковъ?

Чѣмъ помогаешь дѣлу ихъ низложенія и уничтоженія?

Такая повѣрка эмиграціи на предметъ борьбой повинности не можетъ быть осуществлена по гадательному разсчету на добровольную жертвенность, — необходимъ побудительный стимуль, необходимо „правительство.“ Ибо романтическое добровольчество уже выявило свою практическую несостоятельность, какъ по недостаточности, такъ по несогласованности силъ. Его благородные подвиги — „безумство храбрыхъ,“ сплошной рискъ съ однимъ шансомъ противъ девятидесяти девяти. Его рѣдкія удачи восхитительно изумляютъ, какъ чудеса чуть не сверхъестественныхъ исключеній, а постоянныя неудачи принимаются съ равнодушною досадою и милымъ сожалѣніемъ, какъ привычное дѣло, предвидѣнное и неперемѣнное въ правилѣ естественнаго порядка вещей.

— Еще бы, молъ лѣзучи на ро-

жонъ, не напороться! Гдѣ же беззубому теляти зубатаго волка поймати!

— Однако, — могутъ мнѣ напомнить, — вы сами неоднократно восхваляли, проповѣдывали и ставили намъ въ историческій примѣръ Нижегородское ополченіе 1612 года. А это ли не образецъ романтическаго добровольчества?

И теперь восхваляю и въ примѣръ поставлю. О, если бы мы дѣйствительно сумѣли дисциплинировать свой патріотизмъ до способности послѣдовать путямъ Нижегородскаго ополченія!..

Но, вѣдь, объ его романтически добровольческомъ существѣ вы, господа, судите лишь по привычной старинкѣ, по краснорѣчивому Карамзину и знаменитымъ христоматическимъ сценамъ „Юрія Милославскаго“. А, вѣдь, въ дѣйствительности то дѣло было совсѣмъ не такъ, что однажды мясникъ Кузьма Захарьевичъ Мининъ Сухорукъ, раздумавшись о страждущемъ отечествѣ, вышелъ на площадь и, бія себя въ грудь кулакомъ, завопилъ къ народу:

— Заложимъ женъ и дѣтей, но отобьемъ Москву у поляковъ!

А и нижегородцы, будто только того и ждали, обрадовались, послушались, женъ и дѣтей заложили и всѣ бѣгомъ ударились къ Москвѣ, давай спасать отечество!

На самомъ дѣлѣ пресловутый всенародный сборъ Минина далъ всего около 20 проц. суммы, потребной для мобилизаціи ополченія, и финансировали ее, въ порядкѣ займа, нижегородскіе приказчики именитыхъ людей Строгановыхъ. Женѣ и дѣтей никто не закладывалъ, а, напротивъ, Минину солоно досталась отчетность въ принятыхъ пожертвованіяхъ, потому что огромное большинство жертвователей понимало ихъ, какъ временную ссуду, и вскорѣ потребовала ее къ возврату съ настойчивостью, нельзя сказать, чтобы очень патріотическою. А Ярославское правительство, къ которому привели успѣхи Нижегородскаго ополченія, какъ только окрѣпло до возможности не просить, а требовать, обложило населеніе „пятою деньгою“, т. е. 20 проц. нымъ взыскомъ съ заявленнаго дохода, что и дало средства къ дальнѣйшему освободительному движенію.

Личный составъ Нижегородскаго ополченія подобрался тоже далеко не сплошь изъ молодцовъ Сабинныхъ, знакомыхъ намъ по „Жизни за Царя“. Не только въ „кадрахъ“ кишѣлъ народецъ съ бору да съ сосенки, но и въ „главномъ штабѣ“ было со всячинкой: къ Минину и Пожарскому приставленъ былъ властнымъ контролеромъ, сказать по нынѣшнему, „политическимъ комис-

саромъ“, дворянинъ Биркинъ, за-
вѣдомый политическій жуликъ и
многократный „перелетъ“.

Вожди ополченія обнаружили
большую гибкость и терпимость въ
устройствѣ своихъ отношеній... Всѣ
тѣ, кто принималъ ихъ программу
и не возбуждалъ ихъ додозрѣній,
получалъ ихъ признаніе и пріязнь.
Казакъ, пожелавшій стать служи-
лымъ казакомъ на земскомъ жало-
ваніи, тушинець, даже литвинъ, по-
лякъ или иной чужеземець, шедшій
на земскую службу „за Домъ Пре-
святыя Богородицы“, не встрѣчали
отказа и становились въ ряды опол-
ченія. Эти ряды служили пріютомъ
всѣмъ, кто желалъ содѣйствовать
возстановленію національнаго об-
щественнаго строя. Именно эта оп-
редѣленность программы и вмѣстѣ
съ тѣмъ широкое ея пониманіе да-
ли успѣхъ ополченію 1612 года и
постепенно обратили его „началь-
никовъ“ въ устойчивую и прочную
государственную власть. (С. Ф. Пла-
тоновъ. См. Время 229).

И въ Нижегородскомъ ополченіи
кипѣли политическіе споры и раз-
доры тогдашнихъ „измовъ“, но
стержнемъ то его, обозначилось
твердое правительство, широко тер-
пимое въ пестротѣ своихъ воору-
женныхъ силъ, но неуклонно рѣ-
шительное и прямолинейное въ
своей активной военно гражданской

программъ, простой, короткой, общепонятной и общеприятной:

— Мы не позволимъ казакамъ (тогдашнимъ большевикамъ) больше на Руси никакого дурна дѣлать.

И, такъ какъ Пожарскій оправдалъ данное слово, очистилъ съверъ отъ шаекъ „грабителей наг-рабленнаго“, то населеніе повѣрило, что за это стоитъ подняться міромъ, хотя бы и пришлось для того кое чѣмъ стѣснительно пожертвовать. И пошло за Ярославскимъ правительствомъ отвзевывать Домъ Пресвятой Богородицы и возстановлять порушенную злодѣйствомъ Нерушимую Стѣну.

25.

Нижегородскій починъ былъ великимъ дѣломъ и будетъ славенъ во вѣки вѣковъ, но, собственно то говоря, спасъ тогда Русь, не Нижній Новгородъ, но Ярославль, сумѣвшій своимъ правительствомъ дисциплинировать „измалодушествовавшійся“ народъ, пройденныхъ ополченіемъ, областей до способности къ одолѣнію враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Правительство это, конечно, было самовольнымъ и захватнымъ, ибо выбирать его было некому. Когда Минина величаютъ „выборнымъ отъ всей Земли Великой“, это красиво звучить, но, собственно говоря, „условная ложь“. И, читая историческіе памятники эпохи, лег-

ко видѣть, какъ силы испуганной смуты и соглашательскіе круги, ярясь на ярославцевъ, сыпали на нихъ обвиненіями въ захватѣ власти неправымъ, насильственнымъ путемъ, подозрѣвали ихъ въ своекорыстныхъ замыслахъ и злостныхъ интригахъ, въ продажѣ отечества иноземцамъ, въ измѣнахъ, взяточничествѣ, насиліяхъ и пр., и пр. Это — вѣчное. Этому волка бояться — въ лѣсъ не ходить.

Эмиграція, въ нѣдрахъ своихъ, располагаетъ изобильнымъ и превосходнымъ матеріаломъ для новаго „Нижегородскаго Ополченія“, но, конечно, не въ состояніи самостоятельно собрать его и двинуть въ дѣйствіе по причинамъ международной политики. Всѣмъ памятно, какимъ нелѣпымъ страхомъ обуялись наши европейскіе друзья союзники, когда остатки арміи Врангеля, вмѣсто того, чтобы разсыпаться прахомъ и сгинуть, перековались подъ жесткимъ молотомъ въ крѣпкой рукѣ Кутепова въ своеобразный „бронированный кулакъ“ Галлиполи. Но, вѣдь, сколько бы ни декламировали „патріоты съ другой стороны“ противъ интервенцій, а, въ случаѣ войны какой либо изъ европейскихъ державъ съ СССР, эмиграція не можетъ удержаться въ нейтралитетѣ, должна будетъ использовать удобный моментъ къ побѣдѣ надъ большевиками и, въ союзѣ со штыками

воюющей стороны, отвоевывать собственными штыками свое престоль-отечество. Какъ то было и въ 1612 г., когда соглашеніе со Швеціей доходило до кандидатуры шведскаго наслѣднаго принца на московскій престоль, и Делагарди превратилъ было оккупированный Новгородъ въ „лимитрофное государство?

По видимому, большевики учитываютъ эти опасныя для нихъ возможности лучше, чѣмъ мы, и съ большею вѣрою въ силу эмиграціи, чѣмъ она сама. Въ недавнюю ихъ китайскую, съ позволенія сказать, войну, Блюхеръ прямо и громко заявлялъ, что китайцы ему нисколько не страшны, а вотъ, если въ дѣлѣ примутъ участіе бѣлогвардейскіе отряды съ русскимъ офицерствомъ,— это будетъ посерьезнѣе, тутъ, пожалуй, можно и обжечься. А сейчасъ страннѣйшая тайна похищенія большевиками генерала Кутепова многими толкуется (въ томъ числѣ, Братствомъ Русской Правды) такъ, что большевики, въ предвидѣніи своей вѣроятно близкой войны съ Польшей и Румыніей и въ соображеніи важной ударной роли, предстоящей въ такомъ случаѣ военно организованной эмиграціи, рѣшили отнять у нея опаснѣйшаго для нихъ организатора. Такъ сказать, изъ возможнаго Нижегородскаго Ополченія выкрали возможнаго Пожар-

скаго. Мнѣ, по правдѣ сказать, толкованіе это напоминаетъ притчу о школьникѣ, который, наскучивъ, что учитель бьетъ его линейкой по пальцамъ, выкралъ и сжегъ линейку, не догадываясь, что линейка не одна на свѣтѣ, и учитель будетъ колотить его еще жестче новою. Но другого, встрѣчнаго толкованія у меня нѣтъ, а отъ большевиковъ, въ ихъ сумашествіи, лукавомъ и злобомъ, все станется.

„Правительству“, которое возьметъ въ свои руки эмиграцію, чтобы сдѣлать ее достойною святыхъ устремленій новаго Нижегородскаго Ополченія и способною на ихъ удачное достиженіе, предстоятъ немедленно двѣ огромныя, параллельно идущія, задачи. Первая: зарубежный боевой отвѣтъ совѣтской власти на каждое ея кровавое злодѣяніе и безбожное кощунство тамъ, въ подъяремной Россіи. Вторая: упорядоченіе самой эмиграціи. Сколько бы комплиментовъ ни рассыпали въ честь ея люди отраднанаго о себѣ мнѣнія, но она годъ отъ года все больше вязнетъ въ жалкой обывательщинѣ; расшаталась, распустилась и, автоматически строя новый внѣ-русскій мѣщанскій бытъ, позабываетъ, почему и зачѣмъ она здѣсь, а свои обязанности къ Россіи сводитъ (въ лучшемъ случаѣ!) къ патріотической декламациі „между прочимъ“.

Хотя первая задача осуждена на неизбежныя столкновенія съ законами и властями государствъ, дающихъ намъ убѣжище, онъ значительно легче второй, такъ какъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ наличности среди эмиграціи людей смѣлыхъ, рѣшительныхъ и готовыхъ жертвовать собою на идейномъ подвигѣ, а подобными людьми русскія политическія группы боевого дѣйствія никогда не бывали бѣдны. Вѣроятно, не за однимъ смѣльчакомъ захлопнутся тюремныя двери, какъ за Борисомъ Ковердою, возможно, что скатится съ плечъ чья-нибудь удалая голова подъ топоромъ гильотины, но смертію смерть попрется, и свирѣпыя преступленія и глумленія большевиковъ перестанутъ „быть принимаемы къ свѣдѣнію“ безнаказанно и забываемы безпослѣдственно.

Нельзя, чтобы въ то время какъ лакеи Антихриста разрушаютъ хижину хранительницы Москвы и всея Россіи, Иверской Божіей Матери, взрываютъ Симоновъ монастырь, сносятъ съ лица земли Чудовъ монастырь, мѣсто вѣчнаго упокоенія святого угодника и великаго государственнаго мужа, Алексѣя митрополита, — нельзя, чтобы оставались цѣлыми и невредимыми Антихристовы полпредства и торгпредства: эти мощныя цитадели былой имперской экстерриториальности, безтол-

ково и трусливо сданныя большевикамъ слабовольными дипломатическими представителями Временнаго Правительства.

Нельзя, чтобы въ то время, какъ въ застѣнкахъ ГПУ трещать выстрѣлы, умерщвляющіе безвинно Долгорукихъ, Пальчинскихъ и тысячи другихъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси, — чтобы по Европѣ, какъ ни въ чемъ не бывали, шлялись ихъ палачи, облеченные въ „неприкосновенныя“ званія „полпредовъ“ и „торгпредовъ“; вся эта сволочь съ окровавленными руками, открыто торгующая имуществомъ жертвъ своего разбоя, — съ ея наглыми любовницами въ краденыхъ мѣхахъ и брилліантахъ, съ ея свитами изъ еще наглѣйшихъ шпиговъ-чекистовъ, которые, вонь, въ безнаказанной дерзости своей, дошли уже до того, что среди бѣла дня выкрадываютъ изъ эмиграціи ея генераловъ.

Нельзя. И если съ этой сволочью не умѣетъ или не хочетъ справиться мѣстная власть нашихъ убѣжищъ, то справиться и расправиться — прямое дѣло самой эмиграціи, какихъ бы сложныхъ рисковъ то ни представляло и какихъ бы временно трудныхъ послѣдствій то ни влекло.

Большевики запугиваютъ эмиграцію репрессіями противъ ея родныхъ и друзей, остающихся въ ихъ

когтяхъ на положеніи заложниковъ. А вы объявите заложниками за свободу и невредимость этихъ заложниковъ всѣхъ большевиковъ, посылаемыхъ совѣтскимъ правительствомъ въ Европу, — это око будетъ за око, и зубъ за зубъ.

И, если не ограничитесь словами, а докажете на дѣлѣ нѣсколько разъ послѣдовательно и ясно, что большевицкія преступленія тамъ найдятъ немедленный откликъ наказаніемъ здѣсь, то можете быть увѣрены, что ваши родные и знакомые съ того времени, начнутъ жить въ несравненно большей безопасности отъ ГПУ, чѣмъ въ истекшемъ тринадцатилѣтіи.

А правительства государствъ, унижившихъ себя признаніемъ совѣтской власти, сперва, можетъ быть, поершатся, но очень скоро будутъ приведены къ сознанию, что въ своихъ постыдныхъ соглашеніяхъ они взвалили на себя обузу слишкомъ тяжелую и дорогую, не говоря уже объ ея аморальности и алогичности.

Развѣ не дико, что правовыя государства вынуждаются къ тратамъ своихъ средствъ и полицейской энергіи на охрану разбойниковъ, откровенно стремящихся къ разрушенію ихъ строя, отъ жертвъ разбоя, ихъ строй признающихъ и желающихъ ему крѣпкаго утвержденія?

Развѣ не дико преслѣдовать полезныхъ друзей за то, что они воз-

стають на общаго вредоноснаго врага?

Но это тема большая и сложная, и отъ нея нельзя отдѣлаться нѣсколькими строками разсужденія „вообще.“ Между тѣмъ, мнѣ давно уже пора кончить рядъ статей „Стѣны Плача и Стѣны Нерушимой“, раздвинувшася гораздо шире, чѣмъ я рассчитывалъ, приступая къ нему. А потому, ограничиваясь здѣсь лишь намѣткою сказанной темы, постараюсь подробно освѣтить ее въ другомъ рядѣ статей, спеціально посвященномъ задачамъ и возможностямъ эмигрантскаго правительства, какъ я его себѣ воображаю.

Тѣмъ болѣе, что вторая задача,—упорядоченіе эмиграціей самой себя, повторяю, труднѣе и сложнѣе первой.

Пьеръ Ламоръ въ „9 Термидора“ Алданова правильно говоритъ, что несравненно легче найти человѣка, согласнаго пожертвовать за отечество жизнью, чѣмъ охочаго отдать отечеству свой капиталъ. Между тѣмъ, эмигрантскому правительству, съ первыхъ же шаговъ, придется потребовать отъ русскаго капитала несравненно большаго и тверже упорядоченнаго участія въ обезпеченіи противобольшевицкой борьбы, чѣмъ участвовалъ онъ до настоящаго времени. Придется вывести это обезпеченіе изъ зависимости

отъ добровольной жертвенности на пугь обязательнаго обложенія.

Придется эмигрантскому правительству весьма подтянуть, странно обозначившійся въ эмиграціи, уголь „стана ликующихъ, праздно болтающихъ“ и укротить обуявшую его пошлость вѣчнаго праздника. Хотя бы настолько, чтобы не вызывала она возмущенія въ углахъ „стана погибающихъ за великое дѣло любви“, удрученныхъ вѣчными буднями, тяжко трудовыми и бѣдственными.

Придется прижигать язвы смѣновѣховскихъ уклоновъ, соглашательства, возвращенства, зыбкой податливости на провокацію, не считая уже прямой борьбы съ провокаціей: каждый подозрительный по провокаціи субъектъ долженъ быть освященъ и изобличенъ, каждый изобличенный провокаторъ долженъ понести кару, соотвѣтственную принесенному имъ вреду.

Придется... да мало ли что труднаго, отвѣтственнаго, жуткаго придется дѣлать! Остановлюсь на указанныхъ первыхъ примѣрахъ. Прочее все — до слѣдующаго ряда статей.

Оговорю лишь, что главное, общее. „придется“ — это: заставить Европу убѣдиться и повѣрить, что Россія — это мы и наши единомышленники и едиnochувствователи тамъ, въ подъяремномъ пространствѣ „Шестой части свѣта“, а не та

разбойничья шайка, что гнететь русский народъ и разбазариваетъ его достояніе подъ жульническою вывѣскою СССР.

И — что, значить, ей, Европѣ, выгодноѣ ладить съ нами, которые будемъ Россіей всегда, чѣмъ съ нами, которые Россіей никогда не были и быть не могутъ, и, отбивъ свой короткій Антихристовъ срокъ Божьяго попущенія, погибнуть „яко Обрѣ.“

Религіозное возмущеніе, всколыхнувшее Европу дружнымъ во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, откликомъ на голосъ Папы Пія XI, являетъ, что она начинаетъ просыпаться отъ напущенной на нее Антихристовой мара, и будемъ надѣяться, что уже никакимъ Макдональдамъ не удастся погрузить ее въ прежніи глубокий сонъ.

Этотъ благоприятный моментъ, согласный съ духовнымъ настроеніемъ всей эмиграціи, она должна использовать, чтобы мощно протолкнуть впередъ крестоносное дѣло русскаго освобожденія.

Чтобы обезпечить своему фронту тыловую опору во всѣхъ силахъ европейскаго Запада, вѣрующихъ, благомыслящихъ, жаждущихъ порядка, начинающихъ понимать за разную опасность большевистскаго „пожара въ домѣ сумашедшихъ о которыхъ Ленинъ и загробно пр^одолжаетъ пепелить Россію.

Понимать и угрызаться совѣстью за равнодушное поущеніе этого пожара, десять лѣтъ тому назадъ: пускай де горитъ русская бревенчатая, соломой крытая, изба,—намъ наплевать: у насъ палаты каменные крыши черепичныя! Плевали, плевали да и доплевались, что слюней не хватило, — анъ, залетѣли въ окошко съ пожара „галки“. и у самихъ горитъ!

Эмигрантское правительство должно внушить Европѣ уваженіе къ эмиграціи. Но не то уваженіе, личность котораго усердно и пространно свидѣтельствуя мои многочисленныя возражатели по силѣ „отраднaго по себѣ мнѣнія“, легко сводимаго въ концѣ концовъ къ короткой формулѣ: „Вся молъ Европа знаетъ, что мы не дураки, разнообразно трудоспособны и платковъ изъ кармановъ не воруетъ? Все это такъ и очень похвально, но, во первыхъ, это правило имѣеть много плачевныхъ исключеній, а во вторыхъ, хотя бы ихъ и не было, политически, то что же изъ нашихъ добродѣтелей слѣдуетъ?!

Я говорилъ, говорю и говорить буду объ уваженіи политическомъ. А оно возникаетъ только изъ наглядности политической силы. Если вы прослѣдите изо дня въ день, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, параллельныя печальныя драмы Стѣны Плача и русскихъ религіозныхъ

утратъ, вы поймете меня лучше, ибо увидите, что еврейское разсѣяніе это уваженіе Европы имѣеть, наше — нѣтъ.

Для того, чтобы привлечь къ скандалу у Стѣны Плача вниманіе всѣхъ правительствъ, потребовались — для еврейскаго дѣла — только еврейскіе же голоса. Безспорно, г.г. Жиботинскій, Вейцманъ, Усышкинъ и др. — талантливые люди. Но, вѣдь, и въ русской эмиграціи найдется не мало равносильныхъ патріотовъ имъ подѣ стать. И эти патріоты и вопили, и вопять достаточно громко и часто, что бы быть услышанными. Однако, еврейскіе протесты міръ внимаеть обоими ушами, принимаетъ къ свѣдѣнію и исполненію, а нашимъ удѣляетъ краешекъ одного, да и то глухого. Ибо еврейское разсѣяніе — сила, достойная политическаго вниманія и до вѣрія, а мы — нѣтъ.

Правда въ настоящее время весь міръ полонъ шумомъ о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ большевиками на русскую Церковь. Но нашей заслуги въ томъ нѣтъ. Шумъ сдѣлали католическіе священники. Когда ихъ зацѣпили совѣтскія неистовства, то оберегая и жалѣя себя, они попутно пожалѣли и нашли тактичнымъ оберечь и нынѣ главногонимое, а еще такъ недавно господствующее, Православіе.

И, по ихъ донесеніямъ, умный, широкосердый, сострадательный римскій Первосвященникъ возвысилъ въ нашу защиту человеко- и боголюбивое слово, прокатившееся тысячекратнымъ эхо по всему христіанству, всюду будя спавшую крѣпкимъ сномъ религіозную совѣсть. Спасибо Папѣ что вчужѣ пожалѣлъ и заступился. Ну, а если бы не заступился, что и кто тогда?

Да все тѣ же Макдональдъ и Гендерсоны, хладнокровно заявляющіе что о совѣтскихъ гоненіяхъ на религію имъ ничего неизвѣстно, ибо этого отдѣла они въ „Таймсѣ“ не читаютъ, а слухи о томъ, исходящіе отъ русской бѣлой эмиграціи, они считаютъ преувеличенными; да и, во всякомъ случаѣ, изъ за такихъ пустяковъ, какъ религія ссориться съ совѣтской республикой Англии не резонъ.

Курьезное, но до трагизма язвительное совпаденіе. На той самой недѣлѣ, когда Макдональдъ, Гендерсонъ и ихъ подголосокъ лордъ Пармуръ этакъ отстаивали совѣтскаго воинствующаго Антихриста отъ Христовой самозащиты, появилась въ газетахъ телеграмма, что Макдональды, отецъ и сынъ, заказали себѣ билеты на знаменитыя представленія Страстей Христовыхъ въ Обераммергау.

Я видѣлъ эту мистерію: баварскіе крестьяне играютъ ее удивительно,

потрясающе, — рѣдко кто въ публикѣ умѣетъ удержаться отъ слезъ. Возможно, что не удержатся и Макдональды. Оплачутъ театральнаго Христа въ театральномъ Распятіи, а, поди, и въ голову не придетъ имъ вспомнить, какъ они только что выдали русскаго Христа на подлинное пропятіе и взяли подъ свою защиту Его палачей, въ сравненіи съ которыми Анна и Каіафа порядочные люди, а Пилать такъ и вовсе джентльменъ... О, люди! люди-человѣки! Издвuruшничались до того, что и Дьяволъ учится у васъ лицемѣрію!

Для заключенія я предполагалъ было отвѣтить кое кому изъ писавшихъ и печатавшихъ кое что о „Стѣнѣ Плача и Стѣнѣ Нерушимой“. Но, пересмотрѣвъ собранный матеріаль, нахожу, что это будетъ напраснымъ трудомъ и „повтореніемъ пройденнаго“. Все, что я имѣлъ сказать по существу предмета, я сказалъ, какъ умѣлъ, искренно и безъ обиняковъ. Радуюсь, что нашелъ множество согласныхъ со мною, и нахожу многозначительнымъ фактъ, что ихъ больше, чѣмъ возражателей.

Что же касается сихъ послѣднихъ, они дѣлятся на три категоріи. Первую мнѣ нѣтъ надобности опровергать, потому что ея члены начинали ставить мнѣ свои возраженія, слишкомъ рано, забѣгая впе-

редь предположеніями, что я скажу дальше по тому или другому интересующему ихъ вопросу. И, обыкновенно, ошибались,—вмѣсто предмета спора, находили въ свое время точку для соглашенія. Вторая категорія, самая обширная, состоитъ, по преимуществу, изъ людей „отраднато о себѣ мнѣніа“, недовольныхъ, что мое мнѣніе объ эмиграціи не весьма отратно. Здѣсь многіе убѣждали меня весьма краснорѣчиво и пламенно въ тѣхъ неоспоримыхъ добрыхъ „приватныхъ“ качествахъ эмиграціи, которыхъ я никогда и не думалъ отрицать. Но ни одинъ, — буквально ни одинъ! — не возразилъ мнѣ по существу моего пессимистическаго сужденія, а нѣкоторые, сами того не замѣчая, чѣмъ больше „возражали“, тѣмъ больше его подтверждали. Спорить въ подобныхъ случаяхъ значитъ или утѣшаться искуснымъ словоизвѣтїемъ въ самолюбивомъ затемнѣніи истины болѣе или менѣе ловкими парадоксами, или повторяютъ безсмертныхъ барона Тузенбаха и штабсъ капитана Соленато изъ чеховскихъ „Трехъ Сестеръ“:

— Я говорю вамъ, что черемша растеніе!

— А я вамъ говорю, что чихиртма — супъ!...

И, наконецъ, категорія третья, къ чести и счастью эмиграціи, не

многочисленная: ничего не опровергають, ни въ чемъ не убѣждаютъ, а просто ругаются. Ты де такой! ты де сякой! ты де этакій! Да какъ ты смѣешь? Да кто тебѣ далъ право? Да ты самъ былъ революціонеромъ и злоумышляль! Думаешь, мы позабыли? Нѣтъ, братъ, дудки. Да мы тебѣ! да мы тебя! И т. д.

Сихъ „переругать“ мнѣ не стоило бы большого труда, но нахожу, что, въ моемъ возрастѣ, тратить время на столь праздную забаву не весьма разсудительно. И тотому, судари мои, лайтеся въ полное свое удовольствие, сколько хотите, а „слонъ пойдетъ себѣ впередъ!“.

Самъ же я скажу о себѣ вотъ что. Человѣкъ я дѣйствительно отягченный грѣхами, въ святыя не гожусь и не прошусь. Но, если бы я даже во сто разъ былъ хуже, чѣмъ живописуютъ меня мои ругатели, то, всетаки, правда то моя — неизбывно при мнѣ, а она куда лучше меня, моя горькая, печальная, но хорошая, настоящая правда! И, возвѣщяя ее, дерзаю я, грѣшный и недостойный, имѣть единственное смиренное упованіе, что тѣмъ и я посильно служу Той, чье неизреченное Рождество освѣтило міръ Солнцемъ Правды! Той, Кого мы молитвенно зовемъ нашею Нерушимою Стѣною и Предстательствомъ! Той, Чей извѣчно святой и благодатный, а нынѣ оскверняемый злодѣйствомъ

безбожниковъ, Домъ, — Домъ Пресвятой Богородицы, — есть наша страдальца терлѣливица, въ смертныхъ пыткахъ томясь, зовущая насъ къ подвигу ея избавленія, вчерашняя повелительница полуміра, а нынѣ раба-полонянка Антихриста, — Россія!

Levanto.
1930. IV. 14.

Типографія „ОРАО“ — Бѣлградъ, Топличинъ В. 4.